

Иржи Галеш

**САХАРА—
НЕ ТОЛЬКО
ПЕСОК**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Иржи Галеш

**САХАРА—
НЕ ТОЛЬКО
ПЕСОК**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1986

Jiří Haleš
SAHARA NENÍ JENPÍSEK
Praha, 1982

Редакционная коллегия

*К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
Л. М. БЕЛОУСОВ, А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ*

Перевод с чешского

И. В. НАГОРНОЙ

Ответственный редактор и автор послесловия

Н. Н. ДРОЗДОВ

Галеш И.

Г 66 Сахара — не только песок. Пер. с чешск. Послесл. Н. Н. Дроздова. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

144 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

Автор книги — чехословацкий ученый. Он принимал участие в шести экспедициях в Алжир, во время которых детально познакомился со страной, ее людьми и уникальной природой Сахары. Книга представляет собой репортаж о путешествии, написанный в живой и остроумной форме. Автор знакомит читателя с интересными представителями сахарской фауны, в том числе с животными, находящимися под угрозой истребления. Несколько экспедиций было посвящено знакомству с доисторическими наскальными рисунками в Тассили.

Г 1905020000-074 66-86
013(02)-86

ББКл8

© Jiří Haleš, 1982.

© Перевод, послесловие и примечания:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга рассказывает о событиях уже «давно минувших дней» 1967—1975 годов. Писать к ней предисловие в 1984 году, вероятно, значит, что автор должен оглянуться назад и с позиций теперешнего своего общественного положения произвести переоценку увлечений своей молодости.

Но я совсем не хочу делать этого. Наоборот, я бы с большим удовольствием постарался убедить молодых людей не поддаваться удручающему влиянию нашей мудрости, мудрости представителей старшего поколения. Ведь в большинстве своем мы уже не способны бросаться в бой, когда надежды на победу слишком мало, а победа совсем не обязательно принесет победителю лавры.

Но ведь всякое движение вперед происходит кроме всего прочего из неудовлетворения тем, что уже достигнуто, из стремления продолжить развитие, не останавливаться на позициях предыдущих поколений.

Книга «Сахара — не только песок», собственно говоря, повествует даже не о Сахаре; Сахара скорее создаст экзотический фон, представляет собой место, где происходят события, вызванные нашим стремлением содействовать международному сотрудничеству в деле охраны природных ценностей нашей планеты. В условиях того времени все это было уже заранее, по логике вещей, обречено на неудачу. И действительно, первые годы нас преследовала неудача. Однако, если не бояться трудностей и идти к цели, обязательно достигнешь ее. Результаты нашей работы — первый вклад Чехословакии в дело охраны природы молодого государства. Нам удалось решить проблему сохранения вымирающего вида — тассилийского кипариса, мы обратили внимание и передали составленные нами документы о местностях с исключительными природными условиями, требующими организации их охраны. Наша выставка «Познать и сохранить» была первой на алжирской земле выставкой,

познакомившей общественность страны с необходимостью охраны ее природных богатств. И фильм «Следы на песке», снятый при нашей помощи и по нашему сценарию алжирской киностудией, был первым вкладом в дело воспитания в массах представлений о необходимости охраны природы.

Важнее всего то, что наша инициатива встретила понимание, нашла последователей и продолжателей, что все это теперь «движется и без нас».

Успех в значительной степени был результатом разработанной нами стратегии. Начиная работу, мы не могли рассчитывать на действие научных аргументов — они предполагали способность экологического мышления. Теперь это общепринято, а тогда бы нас никто не понял: молодое государство отстаивало свое право на существование в тяжелых освободительных боях и в области экологии не имело еще никаких традиций. Поэтому мы попытались «привить» аргументы о необходимости охраны природы на патриотизм и национальную гордость алжирцев. Когда нам говорили: «Красивая страна Алжир, не правда ли?» — мы отвечали: «Конечно, но надо вас предупредить, что, если вы и дальше будете продолжать так обращаться с тем, что дано вам природой, эта красота недолго просуществует». Наши слова «брали за живое» и заставляли алжирцев присматриваться к тому, на что они раньше не обращали внимания.

Сегодня уже можно говорить об этом прямо, и такие понятия, как «охрана природы», «экологический кризис», стали близки самой широкой общественности. Жаль только, что это не отражается на состоянии жизненного пространства и природы, — наоборот, мы скоро вынуждены будем причислить к вымирающим видам и самих себя, если будем и дальше так много говорить и так мало делать. В Программу ООН по окружающей среде (ЮНЕП) за первые десять лет ее существования вложено меньше средств, чем ежедневно расходуется на вооружение. Маловато, не правда ли?

Общий экологический кризис — проблема серьезная и трудная, и здесь международное сотрудничество не только желательно, но просто необходимо. Результат будет зависеть от своевременной инициативы каждого из нас, и наибольшей опасностью сейчас является равнодушные или надежда на то, что за нас это сделает кто-то другой.

Прага, июль 1984 г.

Глава I

ДОВОЛЬНО БЕЗУМНАЯ ИДЕЯ

При слове «Сахара» большинство людей представляет себе необозримые волны песчаных дюн, над ними палящее солнце, за ними фата-моргану, а перед ними верблюда.

Вероятно, и у меня было бы до сегодняшнего дня подобное представление о Сахаре, если бы в 1967 году я вместе с двумя другими членами Союза охраны природы при Обществе Национального музея не был приглашен в десятидневную спелеологическую экспедицию во Францию.

Валюты у нас было немного. Но поскольку в пещерах живется дешевле, чем в отелях, у нас даже кое-что осталось. Я предусмотрел на этот случай небольшой экскурс в Африку, а именно в Алжир, — заранее купил обратные билеты на самолет Алжир—Прага. Надежды наняться рабочими на какое-нибудь грузовое судно или хотя бы переправиться на нем в Алжир, что было бы дешевле, чем плыть на пассажирском пароходе, не оправдались.

А потому, когда мы купили билеты на пароход, у нас осталось всего 30 долларов. Если учесть, что срок действия алжирской визы 40 дней, это было не так уж много.

Но как ни странно, мы обращали наши взоры к югу скорее с восторженной решимостью, чем с опасениями. Мы уже поняли по прошлым экспедициям, что потребность в деньгах приблизительно пропорциональна плотности населения исследуемой территории. Если у вас мало денег, избегайте городов; если денег почти нет, не приближайтесь к деревням. Если довести это рассуждение до логического конца, то выйдет, что там, где совсем нет людей, деньги совсем не нужны.

А поскольку мы намеревались путешествовать по Са-

харе, то безденежье нас не очень беспокоило — ну что там делать с деньгами?

О стране, которую собирались посетить, мы были осведомлены мало. По карте мы выяснили, что Алжир — страна достаточно обширная, площадь ее почти в 19 раз превышает площадь ЧССР. Влажные субтропические низменности на севере переходят в могучий Атлас, на горных вершинах которого местами до самого лета лежит снег. За отрогами Атласа простирается западная часть самой большой пустыни мира — Сахары. Население Алжира приблизительно такое же, как в Чехословакии, и сосредоточено оно в основном в северной приморской части. На юге плотность населения незначительна — если у нас на 1 квадратный километр приходится приблизительно 112 жителей, то в Сахаре, наоборот, на одного жителя приходится несколько квадратных километров; и чем дальше к югу, тем больше. Над «большим югом» алжирской Сахары господствуют два могучих горных массива — Ахаггар и Тассилин-Аджер. Здесь живут таинственные туареги, закрывающие лица. Поскольку через Ахаггар ведет главная транссахарская магистраль, он был для нас доступнее; полный тайн Тассилин-Аджер со своим недавно открытым сокровищем — доисторическими наскальными росписями — больше всего привлекал нас, но был самым недоступным в алжирской Сахаре.

Мы высадились на алжирский берег в утреннем тумане под мелким дождем. Пока мы выполняли необходимые административные формальности, туман рассеялся, и перед нами открылась незабываемая панорама белостенного Алжира в свежей зелени парков и садов. Наша мечта понемногу превращалась в действительность, хотя до южной Сахары пока так же далеко, как до Праги. Но все же мы были в Африке, и мы это сразу почувствовали: хотя был лишь конец апреля, солнце палило нещадно и царила душная, парниковая жара; ничего приятного при прогулке по городу с пятьюдесятью килограммами багажа за спиной.

Наш багаж состоял из огромного количества вещей, уже переставших быть нужными. Снаряжение для спуска в пещеры и пропасти — каски, шлемы, канаты и комбинезоны, необходимые нам во Франции, коллекции образцов, палатку, отснятые фотопленки и вообще каждый лишний грамм — нужно было где-то оставить перед путешествием на юг. Перед отъездом я узнал, что в торг-

предстве при нашем посольстве работает инженер Франтишек Цилек, к которому мы можем обратиться за помощью.

Он встретил нас радушно, приютил и познакомил с сотрудниками торгпредства.

Нас подвергли небольшому «допросу» с целью узнать, какие у нас намерения и куда мы направляемся. Стоило нам только раскрыть наши планы, как все громко рассмеялись. Потом серьезно предупредили «зеленую молодежь», что затея, конечно, вздорная: в Ахаггар с нашим снаряжением мы никогда не попадем. Нас снабдили списком местных жителей (в основном врачей и ветеринаров) в Атласе и строго-настрого наказали дальше на юг не идти. А уж если нам очень захочется попасть в центр Сахары, то можно попробовать добраться до Кенадзы у Бешара, где работают наши геологи, они и помогут нам познакомиться с близлежащей местностью. Мы вежливо выслушали все эти наставления и тут же договорились между собой, как будем поступать в дальнейшем: первые дни будем следовать их советам, а затем — в зависимости от обстоятельств.

В посольстве мы, однако, предпочли не говорить о самом главном, о том, что нас заботило больше всего, — о способе передвижения (нам казалось, что в области автостопа наши советчики — народ неквалифицированный). А самый короткий путь составил бы около 3500 километров; если же посетить все, что нам хотелось, — значительно больше — 7000 километров. Времени у нас было мало, поэтому передвижение в нашей программе изучения местности означало потерю времени.

И вот мы вышли из города с полегчавшим, но все еще большим багажом, и было нас трое: Петр Шмерак, свежеепеченный педагог, инженер Софья Главачкова, учившаяся одновременно в нескольких институтах и языковых школах, и я.

С Петром я был знаком уже много лет, еще с тех времен, когда занимался пресмыкающимися скорее как террариумист, чем эколог. Любовь к «разведению мелких домашних ядовитых змей» (как мы в шутку переводили непонятное слово «террариумистика») сблизила нас еще в школьные годы. До поездки в Африку мы с Петром уже предприняли несколько совместных долгих путешествий для изучения герпетофауны¹. Кроме того,

¹ Общее название для пресмыкающихся и земноводных. — *Примеч. пер.*

иногда мне удавалось завлечь его в «дыры» (как кратко называют спелеологи подземные карстовые пустоты, каковыми являются пещеры и пропасти). Но я не буду здесь останавливаться на этом. Необходимо сказать несколько слов о Софье Главачковой.

В то время как мы с Петром вроде бы совсем обыкновенные люди, Софья — человек, достойный великого удивления, а некоторые черты характера вообще делают ее как бы не от мира сего. «Жизненным пространством» ее юности были пещеры. В лабиринте неприступных коридоров, трещин, низких переходов и «идиотских дыр», по тяжелым отвесным спускам которых спелеологи помогали друг другу пробираться, освещая каждый выступ и упор, она бродила в свободное время одна — впотьмах. Кроме того, она была страстной собирательницей трав и у каждого цветочка расставляла свой фотоштатив. Никто не знает, сколько институтов она кончила и в скольких еще училась. У нее был диплом экономиста, но в то время она изучала геологию, а для нашей сахарской компании было ценно прежде всего то, что она знала кроме других языков французский и арабский (мы называли его «завитушечным» в соответствии с «письмом с завитушками», которым его записывают). До поездки в Африку я вместе с Софьей участвовал в нескольких исследовательских спусках во вновь открытые пропасти в Южнословацком крае, а также в неудачной попытке проникнуть через водный каньон в Невидио в Дурмитор, которая кончилась для нашего недостаточно экипированного отряда из шести человек хотя и не катастрофой, но на грани ее. Уже тогда было ясно, что Софья может вынести больше, чем обыкновенный человек. Кроме того, она знает приемы каратэ.

Собственно говоря, она-то и была главным и самым незаменимым членом нашей экспедиции: знала французский и арабский, более всех была приспособлена к тем ежедневным тяготам, которые, само собой разумеется, ждали нас, а если бы на нашу «экспедицию» напали, применила бы на практике приемы каратэ (мы же с Петром в это время в силу своих миролюбивых, голубиных характеров болели бы издали за нее и поддерживали ее морально).

Автостоп срабатывал как в сказке; мы думали, что это совпадение счастливых случайностей, пока одно про-

исшествие не убедило нас окончательно в том, что мы находимся в раю для автостоповцев. Мы приближались к месту, где машина, на которую нас взяли, поворачивала направо, к Орану, а наш путь лежал налево, к Маскаре. На дороге показались четыре машины; я подавал знак рукой остановиться, а Петр и Софья выгружали наш багаж. И тут произошло нечто по нашим европейским представлениям совершенно абсурдное: остановились все четыре машины и четыре водителя вышли спросить нас, кого из них мы предпочтем. Когда они поняли, что мы боимся кого-либо обидеть отказом и с удовольствием отправились бы со всеми сразу, они договорились между собой и общими усилиями погрузили нас и наш багаж в ту машину, которая быстрее других могла довести нас до цели.

Глава II

ЖЕЛТЫЙ ИСТОЧНИК

Дорога вела нас на запад по приморскому предгорью Атласа до самого Игиль-Изана (Релизана), и здесь мы резко изменили курс — двинулись на юг, в горы. Нашей первой запланированной остановкой был оазис Айн-Сефра. Туда нам посоветовал поехать мой приятель Иржи, который был в Алжире несколько лет назад и пришел в восторг от этой местности. Она являла собой хрестоматийный показ всех образцов пустынных местностей и явлений природы, так сказать, «скопом», а потому и представителей фауны, относящихся к разным местам обитания пустыни, здесь можно встретить в непосредственной близости друг от друга. Вдобавок к тому Айн-Сефра расположена еще в Атласе — хоть это и его пустынный отрог, выходящий в юго-западную Сахару, — так что здесь встречаются еще некоторые виды животных, характерные для Атласа или Южной Европы (например, хамелеоны), вместе с чисто пустынными видами (животные подвижных песков — ящерицы рода *Acanthodactylus*, рогатые гадюки, агамы и другие).

Определенная трудность заключалась в том, что в Айн-Сефре уже не было ни одного нашего соотечественника, облегчившего бы нам первый «пристрел» к местности. Но Иржи, побывавший здесь в трудное время,

вскоре после окончанія освободительной войны в Алжире, объяснил нам, что поводов для беспокойства и забот здесь нет, и дал нам несколько советов, из которых мне особенно запомнились следующие:

1. Хамелеонов легче всего найти на колючей проволоке.

2. Больше всего интересных видов пресмыкающихся водится на заминированных полях песчаной долины. Там надо ходить по следам коз, которых пасут бедуины. Они тоже так делают. Конечно, с того времени козы уже успели разминировать все кругом, поэтому можно передвигаться и по нетоптаному песку, где, без сомнения, больше интересных животных. Я тоже недолго ходил по козьим следам.

3. Если вас обнаружит в этой местности какой-нибудь патруль (Айн-Сефра лежит близ марокканской границы), а вы не будете знать их языка, говорите как сумеете.

Я однажды переворачивал камни в пустыне между Айн-Сефрой и Сфиссифой, когда туда вдруг нагрянул небольшой вооруженный отряд на конях. Мужчина с мрачным лицом остановился в десяти шагах от меня и что-то грозно произнес на «завитушечном» языке. Поскольку я не знал ни арабского, ни французского, я оставил на время свои камни и, обращаясь к нему, ласково произнес несколько фраз на чешском языке о погоде, о жаре, потом подошел к нему, спросил, где он раздобыл такую прелестную лошадку и как ее зовут. Затем вытащил из складок одеяния правую его руку и сердечно пожал. Неприветливое выражение лица стражника постепенно улетучивалось, он уже ни о чем не спрашивал, но и не двигался с места. Тогда я вернулся к своим камням и продолжал поиски того, что под ними скрывалось. Этот мужчина следил за мной, потом прыгнул с коня, подошел ко мне, наклонился и тоже начал переворачивать «щебеночки». Так мы молча поработали около получаса. Интересно, что за все это время мы не нашли под камнями ни одного живого существа, хотя обычно там бывает все что угодно — скорпион, паук, геккон, сцинк, небольшой шипохвост или хотя бы всевозможные жуки, но на этот раз — ничего. Через полчаса мой знакомый выпрямился, пожал мне руку, сел на лошадку и уехал.

4. Айн-Сефра означает «Желтый источник». У этого источника расположен оазис, а за ним — красивые пес-

чаные дюны. С одной стороны над ними поднимаются каменные откосы горного массива Ксур, а с другой — простирается полупустыня, понемногу переходящая в каменистую пустыню — хамаду.

На этом кончалась информация, полученная от нашего предшественника. У нас по сравнению с ним было немало преимуществ. Война окончилась, и послевоенная сумятица отходила в прошлое. Что касается общения с местными жителями, то у нас была Софья. До сих пор ее способности не находили соответствующего применения — постоянное передвижение автостопом и жизнь среди соотечественников на остановках не представляли для этого возможностей. Но мы уже предвкушали все выгоды, которые мы будем иметь от участия Софьи в нашей первой «рабочей» остановке.

Первые два дня мы бродили по окрестностям Айн-Сефры в основном сами. В то время как Софья с наслаждением собирала камни и показывала нам особенно интересные экземпляры необычной, созданной песчаными ветрами формы, мы с Петром пытались разыскать интересных представителей пустынной фауны, особенно пресмыкающихся. Наши результаты, однако, не соответствовали прилагаемым усилиям. Методы обследования территории, проверенные в Чехословакии или на Балканах (применяемые с успехом и в Атласе), в этой местности ничего не давали. Притом на песке было полно разнообразных следов, из чего было ясно, что дело не в природе, а в нас.

На другой день вечером произошла знаменательная встреча: местный учитель, француз с итальянской фамилией Жильбер Сантуччи, с которым мы подружились, познакомил нас со старым арабом, охотником и следопытом Луи Уи, и тот охотно согласился на следующий день «протащить» нас по окрестностям и показать, что тут есть и как все это искать, и все это он сделает из чистой дружбы и ничего за это не возьмет.

Рано утром мы отправились в нашу первую рабочую экскурсию по пустыне. Дорога шла по широкой плоской долине, где тонкие слои наносного песка перемежались с твердой щебеночной почвой, из которой местами выступали невысокие выветренные скальные обломки и группы каменных глыб. Под косыми лучами утреннего солнца на песке были отчетливо видны разнообразные следы, крупные и совсем маленькие, оставленные самыми мелкими насекомыми. Песок похож был на густоис-

писанную книгу, широко открытую перед нами для того, чтобы засвидетельствовать жизнь в пустыне. В ней можно было найти ответы и на вопросы, что привели нас сюда, и на те, которые только еще могли появиться. Трудность заключалась в том, что мы были почти безграмотны; но теперь ситуация не была уже безнадежной: с нами был Луи.

Наша благодарность к этому бескорыстному и приветливому проводнику сменилась восхищением и уважением.

Несмотря на то что Луи почти не умел читать по-арабски, ни тем более по-французски, он приводил нас в изумление обилием информации, которую он мог прочесть на песке.

— Вот здесь обитала гребнепалая ящерица — зельмумия (мелкая песчаная ящерица *Acanthodactylus* — крупный самец); свежий след, попробуем по нему пройти. На правой задней лапе у нее нет двух пальцев, — предупредил он нас на тот случай, если бы нас такая добыча не устраивала. — А здесь она выгребала из песка жучка. Он был достаточно большим, и она трепала его до тех пор, пока не отломала ему ноги, чтобы он не смог убежать. Вот, посмотрите.

След вывел нас на щебень, где уже ничего нельзя было увидеть, по крайней мере так казалось нам. Но наш проводник шел дальше по следу, изучая подветренную сторону каждого камешка, на котором осело хотя бы несколько квадратных сантиметров песка. Время от времени он одобрительно ворчал — он видел что-то, что мы при всем желании были не в состоянии увидеть. Мы прошли 20 метров и опять вышли на песок — и ага! — вот он, след, и теперь он так отчетлив, что даже мы могли его разглядеть. Потом вдруг направление следа изменилось и расстояние между отпечатками ног увеличилось.

— Испугалась чего-то, может быть, нас — и быстро убежала вон туда, в кусты. Посмотрим, пойдет ли след дальше.

Это казалось нам совсем безнадежным, потому что вокруг куста был лабиринт следов, в том числе и зельмумий.

— Тут бегали еще три такие же ящерицы, — констатировал наш следопыт, — но две из них значительно меньше. Третья хоть и большая, но ее уже здесь нет, это старый след, по крайней мере вчерашний. Та ящери-

ца, которую мы ищем, отсюда не выбегала — прячется где-нибудь в зарослях.

Вскоре после этого мы нашли ее в небольшом углублении между камнями. Это был прекрасный взрослый самец, жаль только, что на задней правой лапе не было у него двух пальцев.

Таким же образом выследили мы двух агам и одного шипохвоста. Нам стало казаться, что мы уже поняли, как это делается, и мы отправились по следам хамелеона, которые Петр обнаружил между травинками. Луи из вежливости минуту наблюдал за нашими действиями, но затем не выдержал и заявил, что таким образом мы можем найти в лучшем случае лишь скорлупу яичка, из которого этот хамелеон когда-то вылупился: если же мы хотим поймать его, мы должны идти в прямо противоположном направлении. Он объяснил нам, как определяется направление движения хамелеона, но сложность объяснения превосходила наши коммуникационные возможности. До сих пор вид следов хамелеона вызывает у меня растерянность: лапы его имеют форму клещей для обхвата ветвей и не слишком приспособлены для передвижения по грунту. Пальцы направлены в стороны, точно перпендикулярно к направлению движения; хамелеон передвигается медленно и ноги ставит на поверхность вертикально сверху, так что след не бывает размазан в направлении движения, а поэтому определить по нему, куда он движется, очень трудно. Только в тех местах, где хамелеон поймал добычу, можно легко определить его положение: хвост вдавливается в песок, а отпечатки ног становятся глубже.

Нам не пришлось долго искать хамелеона. Он прошел только 40 метров от одного куста к другому и сидел там на веточке, крепко обхватив ее пальчиками своих клещевидных лап. Хамелеоны проводят большую часть жизни, сидя неподвижно в засаде, подстерегая добычу среди ветвей или медленно передвигаясь осторожными, неслышными «шагами». При опасности они могут полагаться только на свою способность сливаться по цвету с местностью — быстро убежать они не могут. «Нашему» цветовая маскировка не помогла; когда мы его схватили, он попытался испугать нас, внезапно изменив окраску на кричаще-яркую, и на теле его появилось «звездное небо» (белые точки на темном фоне) и лучеобразные полосы вокруг глаз; он выгнул по-кошачьему хребет, угрожающе открыл свою огромную пасть и зашипел.

Он дал понять, что готов укусить, однако от предложенного ему пальца отвернулся и отказался «попробовать» человека, хотя его челюсти сжались бы наверняка не хуже, чем у любой другой ящерицы такого размера.

Мы были уже готовы идти дальше, но Луи все рассматривал песок вокруг куста. Сначала мы там ничего не увидели; только после того, как он нам показал, мы обнаружили очень слабый след, так сказать, негативный — он был не вдавлен в песок, а как бы выпуклый. След то исчезал, то снова появлялся. Наш следопыт некоторое время внимательно изучал его и вдруг в одном месте погрузил руку в песок, набрал полную пригоршню и бросил ее на твердый грунт. В облаке падающих песчинок мы заметили какой-то предмет; он упал на землю, завертелся и исчез. Но в тонком слое упавшего песка спрятаться было трудно, и мы легко нашли его. Это был очень интересный небольшой *сцинк* — африканский клиновидный *халцид* (*Chalcides sepioides*), похожий на нашего редко встречающегося гологлаза венгерского *Ablepharus kitaibelii fitzingeri*. Как и гологлаз, он передвигается подобно кроту, прижимая лапки к тельцу, чтобы они не мешали (выныривает из песка он довольно редко). Когда он приближается к поверхности, на песке появляется слегка выпуклый след, исчезающий, когда ящерица (халцид) в погоне за мелкими личинками или иными лакомствами погружается на большую глубину.

Проблема определения направления движения, хоть и не столь сложная, как в случае с хамелеоном, возникла снова, когда мы нашли в песке «синусоиду» — тонкую волнистую линию, оставленную, без сомнения, какой-то мелкой тонкой ужеподобной змеей. Луи заверил нас, что след свежий и «преступник» должен быть недалеко; мы с нетерпением отправились по следу. В ста метрах от этого места след кончился в небольшом углублении, которое мы сразу же окружили. И тут же увидели желто-коричневую с еле заметными пятнышками и огромными глазами змейку совершенно нам незнакомого вида. Прежде чем мы успели протянуть к ней руку, змейка, видно, оценила ситуацию и поняла, что спрятаться ей негде и что критическое положение требует решительных действий. Она приняла как можно более грозный вид: раздулась так, что стала казаться вдвое больше и толще, подняла вверх на треть длины свое тело и головку и расплющила шею. Все это должно было убедить нас в том, что мы имеем дело с вызывающей ужас еги-

петской коброй, распространенной в Северной Африке. Несколько резких движений, имитирующих нападение и смертоносный укус, должны были еще больше напугать нас.

Как я уже упомянул, мы не знали, что это за змея, но точно знали, что не кобра, которая хотя и ведет себя подобным образом, но выглядит все же несколько иначе. Поэтому мы вытащили эту «разбуженную смерть» из убежища и постарались убедить ее в том, что ничего плохого ей не сделаем. Мы с Петром тут же договорились, что будем называть ее «лжекобра». Змейка быстро успокоилась и даже не пыталась кого-либо укусить. Она была очень довольна тем, что наша встреча закончилась благополучно, и наотрез отказалась снова изображать кобру, когда я приготовил фотоаппарат — хотя теперь уже я старался выглядеть вдвое толще и втрое больше, не говоря уже о симулировании самых скверных черт характера. Но напрасно я перед ней гримасничал на все лады. Единственным эффектом от моих стараний было бурное веселье Луи, который наблюдал за всем этим.

Я пришел в отчаяние от того, что упустил исключительную возможность сделать ценный снимок. Сделать технически совершенную фотографию животного обычно не составляет проблемы. Ценность же представляет фотография, на которой удалось уловить момент жизненных проявлений, реакций или поведения животных в различных ситуациях. Часто такие снимки и фильмы могут помочь разрешить спорные вопросы и экологические проблемы, а также понять механизм и ход какого-либо сложного или очень быстрого движения.

Что касается мелких животных, особенно пресмыкающихся (я их знаю лучше других), то надо сказать, что сделать хорошие снимки с одомашненных животных в лабораторных условиях намного легче, чем на природе. То, что в природе нельзя сделать даже с помощью самого лучшего телеобъектива, легко получается с животными, лишенными страха и оборонительных реакций: его не беспокоит присутствие фотографа. И единственно, чего нельзя зафиксировать у таких животных, это как раз реакции на испуг — угрожающие и устрашающие позы и тому подобное, конечно, если мы не решим вызвать их жестокими методами, рискуя даже иногда жизнью животного. Но в этом случае я предпочитаю отказать от снимка.

Только в Праге нам удалось определить «лжекоб-

ру» — это была ящеричная змея *Malpolon moillensis*. Так что змея была все же ядовитая, родственная такой же глазастой обыкновенной ящеричной змее *Malpolon monspessulanus*, с которой мы хорошо познакомились в Югославии. И хотя змеи рода *Malpolon* ядовиты, это вовсе не значит, что они опасны для человека. Объективная опасность змеи для человека зависит от нескольких условий:

а) змея прежде всего должна иметь ядовитую железу, производящую биологически действенный токсин;

б) выделяемый токсин должен быть соединен с каким-нибудь механизмом, который мог бы ввести яд в кровь другого животного;

в) некоторые змеи, имеющие все для того, чтобы быть опасными для человека, практически безопасны, так как используют свой яд только для охоты, но не для обороны. Опасны лишь определенные виды, использующие свое оружие и для охоты, и для обороны. Однако никогда ядовитая змея не нападет на человека первой. Нападающим (хоть часто и неосознанно) всегда является человек.

Наша «лжекобра» была «только» ядовита; она не оборонялась укусом, и, даже если бы она попробовала сделать это, яд не мог бы подействовать. Маленькие ядовитые зубки заднебороздчатых змей размещены в пасти слишком глубоко и при укусе с целью обороны не могут быть использованы. Поэтому обычно с этими змеями можно обращаться как с неядовитыми.

Действительно опасной ядовитой змеей, живущей в районе Айн-Сефры, является пресловутая рогатая сахарская гадюка. Мы тщетно старались разыскать ее. «У них еще зимняя спячка», — объяснил нам, к нашему великому изумлению, Луи. Было начало мая, и полуденная жара становилась невыносимой. Однако, когда мы вспомнили, как замерзали прошлым вечером, мы поняли, что зимняя спячка не такая уж бессмыслица. Рогатая гадюка — ночная змея, а Айн-Сефра — самая северная и самая холодная область ее распространения.

Полуденную жару мы переждали в тени под выступом скалы. Большинство пустынных животных тоже предприняли в это время нечто подобное, так что не было смысла надрываться и искать их. Следы на песке под прямыми солнечными лучами, казалось, совсем исчезли. Только некоторые виды животных наслаждались полуденным зноем, например песчаные ящерицы. Но по-

скольку подвижность пресмыкающихся прямо пропорциональна температуре их тела (а последняя соответствует температуре окружающей среды), то пытаться поймать их в это время дня — бесполезное занятие. Итак, мы спокойно сидели в тени — ведь до полудня нам сопутствовал исключительный успех в охоте, конечно благодаря Луи. Мы старались выразить ему свою благодарность и восхищение и одновременно получить от него дополнительную информацию о здешней фауне. Но в своих контактах с ним мы с Петром были практически немые, а потому переводческие способности Софьи были впервые подвергнуты большим испытаниям в полевых условиях. Тут-то и подтвердилось зародившееся у нас подозрение: то, что в Праге преподавали Софье как арабский язык, местные жители или вовсе не желали принимать за арабский, или из деликатности признавали, что ее язык имеет нечто общее с арабским, но все равно не понимали ни слова. Софья же, наоборот, была того мнения, что здешний язык по звучанию в значительной степени напоминает арабский, но все же сходство это не столь глубоко, чтобы слова приобретали смысл. Единственное, в чем она блистала, было умение правильно читать арабские надписи, чего многие местные жители не умели.

Поскольку эта часть моего рассказа может произвести впечатление неясности или преувеличения, приведу такое сравнение: это подобно тому, как если бы какой-нибудь араб изучил старославянский язык и приехал к нам или в какую-либо другую славянскую страну с уверенностью, что он знает «славянский». Литературный арабский, на котором писался Коран, такой же мертвый язык, как, например, латынь. Сегодняшние арабские языки значительно эволюционировали, широко дифференцировались, и мы уже не можем говорить об одном языке — это целая группа языков, родившихся на одной основе.

Итак, нам не оставалось ничего другого, как перейти на французский и с его помощью изучать «алжирский». Времени у нас было немного, и мы собирались научиться только самым необходимым для нас словам. Наш набор слов отличался от даваемых обычно в разговорниках: это были названия животных и природных объектов.

Я упомянул о трудностях, с которыми столкнулась Софья, пользуясь литературным арабским. Это не озна-

чаёт, что она не испытывала трудностей при попытках вести разговор на своем не менее литературном французском. Иногда, как это ни парадоксально, мы, начинающая группа экспедиции, со своими инфинитивами, первым лицом единственного числа и настоящим временем легче договаривались с местными жителями, чем Софья со своими искусными, но непостижимыми плюсквамперфектами (давнопрошедшим временем), к которым она была привязана в своем стремлении преподнести как можно совершеннее все, что она знала. И это касалось не только грамматики; сахарский французский имеет и своеобразное произношение. В начале нашего похода Софья перевела нам слова Луи «тут мы остановимся, немного закусим и будем грузить агам». Мы удивились: может быть, Луи все же сказал, что мы будем искать агам? Софья неохотно согласилась, что в данной ситуации это было бы логичнее, но все-таки в его произношении это прозвучало как «шарже» (грузить), а не «шерше» (искать). Пока мы спорили о значении слов, Луи усложнил ситуацию еще одним непонятным словом. Ласково улыбнувшись Софье, он предложил ей свою двухлитровую фляжку, обернутую влажным войлоком, и ясно произнес: «Вода». По Софье было видно, что она находится в затруднительном положении и ее блестящий мозг лихорадочно работает. Попытки провести сравнительную этимологию в области литературного арабского, видимо, не дали удовлетворительных результатов, поэтому она напряженно соображала, что бы это могло означать на французском. Наконец она сдалась и робко спросила: «Кеске ву вуле дир, месье?» Теперь уже она привела в смущение нашего радушного спутника, но тут, на счастье, вмешались мы и объяснили Софье, о чем шла речь,— Луи в настоящий момент говорит по-чешски, и «вода» это то же, что по-французски «ло», а по-арабски, очевидно, «эль-ма» (судя по тому, что «гнеш эль-ма» — водяная змея, а «факрон эль-ма» — водяная черепаха).

Недоразумение было улажено, и мы во все усиливающейся жаре с удовольствием выпили по глотку восхитительной холодной воды. Где научился Луи чешским словам? В Алжире постоянно встречаешь кого-нибудь, кто знает немного чешский. Это и специалисты, получившие образование в Чехословакии, и простые люди, работавшие с нашими экспертами. В Кенадзе, где находится наша геологическая экспедиция, арабы-рабочие цере-

монно предлагали нам угощение со словами «проморгаешь — не сожрешь», хотя в этом случае у них не было отчетливого представления о действительном значении этой «учливой» фразы. Ну а что касается Луи, он скорее всего уловил слово «вода» в нашей речи во время экскурсии и понял его значение.

Стоит, однако, упомянуть, что иногда нам приходилось слышать слова, которые лишь казались чешскими: «хлиб» — это не «хлеб», а «молоко» по-арабски; «хлас» — это не «выпивка», как по-чешски, а «готово», «конец»; «асма» не «болезнь дыхательных путей», а «послушай». Точно так же «салам», что по-чешски означает «колбаса», здесь — «приветствие». «Шахматлер» не «шахматист», а сцинк *Chalcides ocellatus*. Когда один из наших хозяев говорил «ежибаба», что по-чешски означает «ведьма», то наша переводчица не должна была обижаться: по-арабски это означает «придет отец». Наши утонченные этимологические изыскания о происхождении слова «акраб» («скорпион») мы основывали на том, что скорпион хотя и имеет клешни, как краб, но все же не краб, что и подчеркивалось международным префиксом отрицания «а». Мою фамилию алжирцы переделали на «Гнеш», что значит «змея». Имя Иржи они сочли совсем непроизносимым и предложили мне зваться более привычно для них — Джаир.

Внимательный читатель, возможно, удивится, что вода, которую Луи в течение долгих часов носил во фляжке, оказалась «восхитительно холодной». Но это было действительно так; климат Сахары отличается не только высокой дневной температурой, но и очень низкой относительной влажностью — приблизительно в 5 раз ниже, чем в среднем в Центральной Европе. При соприкосновении сухого воздуха с водой или влажными предметами наступает интенсивное парообразование. Парообразование — процесс высокоэнталпический, в котором расходуется значительное количество тепла, что охлаждает и воздух, и влажный предмет. В движущемся воздухе (на ветру или во время езды) эти явления особенно эффективны. Посуда, обернутая мокрой тканью, в токе воздуха охлаждается до так называемой температуры адиабатического насыщения², которая в условиях летнего сахарского полудня на 20—25° ниже температуры воздуха. Так что, даже если температура

² Адиабатический процесс — изменение состояния физического тела без притока и отдачи тепла. — *Примеч. пер.*

воздуха 40 и более градусов, вода во фляжке, обернутой влажным фетром, будет постоянно «как из холодильника». Так же эффективно, как фляжка, охлаждается в пустыне и человеческое тело. И при очень высоких температурах человек как будто бы не потеет: кожа, соприкасающаяся с воздухом, всегда суха. В действительности в пустыне тело выделяет огромное количество воды с потом. Это особенно заметно тогда, когда воздух не имеет доступа к какой-нибудь части тела, например при езде в автомобиле; если вы облакачиваетесь на спинку сиденья, не пропускающую воздух, у вас через минуту становится мокрой спина. При значительном выделении пота, эффективно охлаждающего тело, высокие температуры в Сахаре относительно легко переносятся в противоположность влажному тропическому климату, где охлаждения тела не происходит (насыщенный водой воздух не принимает дополнительную влагу).

Можно сказать, что сухая температура пустыни в 45° переносится легче, чем 30° при насыщенной влажности. Все это, впрочем, так лишь при условии, что вы имеете возможность восполнять потери воды: летом в Сахаре выпивается 5—10 литров жидкости в день (если, конечно, вы не пробездельничаете весь день в тени), и нельзя ограничивать себя в питье — может наступить расстройство функции почек. Тепловой и водный баланс организма, конечно, зависит не только от температуры воздуха, но в значительной степени и от облучения: больше всего прямых солнечных лучей падает на стоящего человека в часы до полудня, в то время как в полдень все тело находится в тени от головы и плечей. Но в то время, когда под прямыми лучами находится наименьшая поверхность тела, происходит самое интенсивное облучение и температура воздуха бывает самой высокой. Все, что окружает человека в это время, раскалено, отражает солнечные лучи и источает жар, поэтому следует переждать полдень в тени, где температура воздуха хотя и та же, что на солнце, но облучение снижается в несколько раз.

Интересной и отличной от нашей является физиологическая функция одежды в Сахаре: большое значение имеет головной убор (тюрбан), который в полуденные часы принимает на себя большую часть солнечного излучения. А когда начинает дуть песчаный ветер, часть тюрбана служит покрывалом для лица и фильтром для вдыхаемого воздуха. Одежда выполняет две функции:

спасает от облучения и не мешает потовыделению, благодаря чему охлаждается тело. Только ночью одежда служит изолирующим слоем, препятствующим потере тепла при контакте с холодным воздухом.

Тюрбан, как правило, делается из рулона тонкого белого материала длиной более пяти метров; однако тюрбан у нашего проводника был серо-зеленого цвета. На наш вопрос он пробурчал что-то вроде «это материал воинский». Что в действительности означал тюрбан цвета хаки, мы узнали только от его соседей по оазису: такие тюрбаны носят участники освободительной, антиколониальной партизанской войны, и Луи Уи (которого в Айн-Сефре знают и уважают все) еще недавно шел по совсем другим следам на песке — как командир партизанских отрядов (Алжир завоевал независимость в 1962 г.). Как все настоящие герои, он очень скромнен; если бы не его соседи и друзья, мы, очевидно, никогда бы не узнали о нем всего этого.

Последний день нашего пребывания в Айн-Сефре мы посвятили экскурсии к небольшим озерам маленького оазиса Тиут; в этих озерах обитает изолированная популяция хищных пресноводных черепах *Clemmys caspica leprosia*. Здесь мы впервые увидели древние наскальные рисунки. Наибольшее впечатление производило изображение слонов — животных, которые жили тут еще во времена Пунических войн; Ганнибал не без успеха пугал ими римлян. Куда же исчезли эти животные?

Невеселые размышления о прошлом, настоящем и будущем африканских животных преследовали нас и во время нашей следующей остановки в районе Бешара, где мы посетили богатую «галерею» доисторической наскальной живописи с изображениями исчезнувших животных Сахары.

Глава III

СРЕДИ ТАГИТСКИХ ЛЬВОВ

Наше краткое пребывание в Айн-Сефре было чрезвычайно интересным и удачным, но мы спешили дальше. Мы хотели увидеть по возможности больше, а времени у нас было до отчаяния мало. Так получилось, что мы вышли из Айн-Сефры, когда уже стемнело и надежд на

какую-нибудь машину было слишком мало. Однако только мы начали подыскивать место для ночлега и выставили ночной караул, как под горами Ксур засветились фары большого грузовика; машина направлялась в нашу сторону. Без особой надежды мы замахали фонариком. Нагруженное с верхом чудовище страшно закричало, стараясь затормозить. Потом остановилось, и из кабины выскочили трое молодых веселых парней, желавших знать, чем они могут нам помочь. Нам было неловко признаться, что мы хотим в Бешар. Они развеселились: «Всего лишь? Поедьте с нами в Гао».

Гао? Где это? Луч нашего фонарика скользил по карте к югу, пока не нашел Гао в Мали — почти в 2500 километрах от Айн-Сефры! После того как мы одним взмахом руки остановили у Игиль-Изана сразу четыре машины, это был второй «большой успех» алжирского автостопа. Предложение отправиться в глубь Африки было соблазнительным, но, проехав 200 километров в ночном холоде в положении скелета со скрюченными ногами на кабине водителя, где кроме нас был и их и наш багаж, мы уже рады были высадиться в Бешаре. Не помню, где и как мы дождались рассвета, но только после него наши застывшие тела наконец оттаяли. Итак, мы отправились искать нашу геологическую экспедицию, которую нам так рекомендовали в нашем торгпредстве в Алжире.

Это было нелегким делом, нам предстояло преодолеть еще 30 километров в сторону марокканской границы; наконец мы достигли цели. Место это называется Кенадза. Само собой разумеется, мы оказались совсем некстати, ибо здесь царил какой-то переполох и всё роилось, как в улье. Но все же кто-то отвел нас к руководителю группы геологу Топинке. Как ни удивительно, но Топинка не отреагировал на наше появление ни недовольным выражением лица, ни сообщением о том, что у него и без нас полно забот. Он приветливо улыбнулся, на ходу спросил, кто мы и зачем здесь, и затем позвал одного из геологов, Яна Михела: «Янек, мы пропали, нас обнаружили природоохранители — мы своим сверлением и вырубкой уничтожаем природу и пейзаж. Ты собираешься ехать в Тагит, возьми их с собой и попробуй немного подкупить, иначе мы лишимся хлеба. Покажи им оазис, наскальные рисунки и постарайся, чтобы их искусали какие-нибудь рогатые гадюки».

Затем он сгреб в сумку бумаги со стола, извинился,

что уезжает в Менуну, что куда менее интересно, и пожелал нам доброго пути в Тагит.

После семидесяти километров по утомительно однообразной серой каменной пустыне — хамаде мы поднялись на небольшой склон, и тут перед нами открылся сказочный вид: по глубокой величественной долине Зусфана вилась яркой зеленой лентой пальмовая роща. Перед ней белый марабут (что-то вроде нашей часовенки), а на речной террасе, поднимавшейся за пальмами, небольшой городок из прилепившихся друг к другу домиков темно-коричневого цвета, только переплеты их окон были белыми. Издали они напоминали расписные шкатулки или детские кубики.

Над домами возвышался более нарядный кубик — гигантская ратуша с алжирским флагом. За зелено-коричневой полосой домиков и пальм сверкали золотом огромные песчаные дюны, круто поднимавшиеся метров на двести над оазисом. Как цветочное и композиционное завершение всего этого восточного великолепия над ним простиралась лазурная синева ясного сахарского неба, не оскверненная ни одним облачком. Для полноты картины стоит добавить, что среди пальм пылали огненные цветы олеандров. Мы спустились в долину, наскоро перекусили в тени, а затем наступило «водное пиршество». Геолог Михел достал из мешка с припасами продолговатую двухлитровую жестяную банку. Французская надпись на ней гласила: «Эвианская вода». Мы предполагали, что это минеральная или какая-нибудь редкая вода,—но не тут-то было! Ни пузырька, ни малейшего привкуса, который отличал бы этот напиток от водопроводной воды. У нас бы такой товар не слишком раскупали, но в Сахаре все иначе...

В оазисе мы пробыли недолго и продолжили свой путь вдоль пальмовой рощи к югу. Долина становилась все суше, пальмы реже, начали появляться песчаные дюны. Перемещаясь и наступая, они погребали сады и пальмы, засыпая их могучими слоями песка. Еще дальше к югу долина совсем уже превратилась в пустыню, и нашей машине все труднее было пробираться между непроходимыми наносами мелкого сыпучего песка.

Внезапно наш водитель повернул вправо, к скалистым откосам все более расширяющейся долины. Там и находилась обещанная геологами «взятка»: множество

на скальных рисунков на гладких поверхностях, отполированных песчаными ветрами и почерневших от пустынного лака. (Пустынный лак — тонкий темный поверхностный слой окиси железа, образующийся здесь на камнях.)

В это время под косыми лучами солнца они были контрастны и фотогеничны, как следы животных на песке. Не теряя ни минуты, мы устроили вокруг них настоящую «фотооргию», спеша все заснять. Здесь было такое богатство изображений представителей фауны, что, если бы все они ожили, появился бы прекрасный зоопарк с образцами исчезнувшего богатого сахарского животного мира. Меня больше всего заинтересовали три изображения берберского льва; они были разные, и каждое на отдельном скальном блоке. Я пытался уместить их в одном кадре — бегал с места на место, менял широкоугольный объектив на «теле», отступал и выкручивался, но каждый раз, когда в кадр наконец входили два льва, третий или закрывался каким-нибудь огромным камнем, или попадал в кадр под таким углом, что выходил искаженным.

В конце концов на них упала тень, и мне пришлось отступить; в рассеянном свете эти рисунки не видны и их невозможно сфотографировать. Кроме того, нашему проводнику еще предстояло собрать образцы между Тагитом и Бешаром, и мы поспешили в обратный путь. Так что великолепные огромные фрески мы рассмотрели спокойно уже в Праге на фотографиях и диапозитивах и еще раз вспомнили грустную историю черногривой породы «царя зверей». Еще в минувшем столетии берберский лев был достаточно многочислен в Атласе, но он был и излюбленной добычей французских колонизаторов и героев вроде Тартарена из Тараскона. В двадцатых годах нашего столетия исчез последний берберский лев; генетические признаки этой породы долго еще прослеживали в зверинцах и цирках. Потом не стало и этой последней возможности обратного облагораживания и сохранения самой красивой породы африканского льва.

Доктор Топинка единственный из группы наших геологов не пришел в ужас от наших планов добраться до самого Ахаггара. Его отношение к ним в общем сводилось к следующему: «Я не знаю этих мест, но попробуйте, по меньшей мере получите новые впечатления. Не забудьте потом дать знать, чем все кончилось». При такой поддержке мы после полного впечатлений дня опять

отправились на перекресток дорог, чтобы «броситься в нутро сахарской пустыни».

Глава IV

БОЛЬШОЙ ЮГ

И на этот раз нам не пришлось долго ждать. Появились два мощных грузовика, один из которых тащил на прицепе бульдозер. Мы устроились так, как нам было удобно; сначала я уселся в кабине бульдозера и рассматривал местность, как с передвигающейся наблюдательной вышки. Стемнело; кабина оказалась слишком тесна, чтобы в ней можно было улечься спать; я перебрался в стальной ковш бульдозера, поднятый над кабиной грузовика, и устроился там с удобствами. Сначала стальная «постель» приятно грела, потом греть перестала, затем начала холодить и, наконец, просто морозить. К утру стало невыносимо холодно, и я вернулся в кабину — тут хотя бы не сквозило. Рассвело; мы проехали Керзас, небольшой оазис со строениями своеобразной архитектуры, и справа от нас появилось нечто похожее на реку, хотя и цвета песка. Это была Саура — летом и осенью сухая полоса более светлого песка, а после вешних дождей в Атласе — мощный поток, несущий воды с гор на тысячу километров в глубь пустыни. Наши водители начали проявлять беспокойство. Весна в этом году была довольно дождливой, говорили они. В подтверждение их опасений мы вскоре увидели густую суспензию песка в воде, текущую справа от дороги; внезапно отклонившись влево, широкий мутный поток прокатился через асфальтированное шоссе. Оба грузовика остановились, один из водителей вышел, разулся и перешел вброд поток. Не так страшно, вода была ему чуть выше колен. Мы переехали поток и продолжали наш путь. Саура — это «малый Нил» алжирской Сахары, источник жизни оазисов, расположенных вдоль нее. В отличие от Нила даже при самом большом паводке она не в состоянии пересечь Сахару — она в ней увязает. Конечно, такая масса воды не может сразу испариться; поток насыщает водой пористые поверхностные слои почвы, а остальная вода разливается в пустынных низинах на юге или вливается в шотты — соляные озера. Здесь, в конце пути текущих

по поверхности и просачивающихся подземных вод, собираются растворенные в воде соли, а вода испаряется. С высыханием Сахары запас воды в шоттах все время уменьшается, а концентрация соли растет. Некоторые бывшие озера сегодня уже только соляные топи, частично, а то и целиком покрытые твердой соляной коркой. Эти белые поверхности лучше обойти стороной, ведь соляная корка может оказаться предательской ловушкой для автомобилей или крупных животных: под коркой их подстерегает жидкое бездонное болото.

Половодье в Сахаре — только кажущийся парадокс. На самом же деле, по статистике, в этой части Сахары гораздо больше людей тонет в воде, чем погибает от жажды. Затопление огромных поверхностей, где обычно воды не бывает ни в одно из времен года, иногда наступает так внезапно, что ни люди, ни животные не успевают спастись.

Многие пустынные животные, для которых вода в нормальных жизненных условиях — стихия совсем незнакомая, тонут не так легко, как можно было бы предположить. Большинство из них хоть и не могут далеко уплыть, но, как меня убедили отдельные опыты (особенно с пресмыкающимися), многие из них способны держаться на воде довольно долго. Шипохвосты и рогатые гадюки так надуваются, что погружаются в воду не больше, чем если бы были сделаны, к примеру, из пробки, и неподвижно лежат на поверхности. Другие (вараны, песчаные змеи) даже плавают очень быстро и упорно, если вода не слишком холодна.

«Приземлившись» в Адраре, мы осознали, что находимся уже в совершенно ином месте, ином мире: здесь начинается Большой юг. Трудно сказать, отчего возникает это ощущение. Может быть, оттого, что здесь действительно нет почти ничего, что напоминало бы Европу, — все иное, начиная с архитектуры и кончая поведением людей. Знакомый нам мир напоминала только небольшая группа автостоповцев у столба на перекрестке дорог за оазисом. Расстояния на указателях потрясали; но до Гао отсюда уже всего 1508 километров. Однако вскоре довольно драматические обстоятельства убедили нас в том, что и здесь случается всякое.

Как я уже говорил, мы жили в страшной спешке и стремлении сделать невозможное возможным; до сегод-

няшнего дня скорость нашего передвижения давала нам надежду на успех. Поэтому мы не почувствовали никакой радости при виде восьми коллег-автостоповцев, которые явно ждали уже довольно давно у «накатанной пустыни» (асфальтированное шоссе кончилось перед Ад-раром). Движение здесь было не слишком оживленным, а по неписаным правилам автостопа положено соблюдать очередь. Боясь потерять хотя бы час драгоценного времени и выбиться из графика, мы приблизились к одному из ожидающих молодых людей и спросили его, как долго они ждут. Мы не строили иллюзий и были готовы к самому худшему — услышать, например, что они ждут уже пять часов или что-либо подобное. Услышав ответ, мы решили, что плохо поняли, но он спокойно повторил, и теперь уже ошибки быть не могло: двенадцать дней. Наш график и программа работ разлетались в пух и в прах. Казалось бы, единственное логичное решение — быстро вернуться на север, последовать советам сотрудников нашего посольства.

Но это означало бы поднять белый флаг над нашими самыми смелыми и самыми великолепными устремлениями и признаться, что мы переоценили себя и что все это не в наших силах.

Однако человек обладает одной особенной чертой характера: он может пойти на риск, материальный ущерб и потери ради совсем бессмысленных целей, идеалов и иллюзий и даже полных безумств. Возможно, это и есть в нем самое ценное, и именно это и делает его разумным существом.

В нашем случае возникал еще один вопрос: а стоит ли стремиться попасть как можно дальше в глубь Сахары, когда Северная Сахара была нам тоже незнакома? Но она была доступнее, а потому обещала больше возможностей эффективной деятельности.

Решить этот вопрос было так трудно, что я даже заболел. Позднее, впрочем, — когда уже все кончилось, — выяснилось, что виноваты в этом были какие-то кишечные амебы и что подобные неприятности поджидают в этих краях каждого европейца, если, конечно, он не живет в стерильной среде и не питается только консервами и переваренными продуктами. Состояние, о котором идет речь, настигает вас внезапно, как ураган, и, если терпящему бедствие не удастся в течение одной-двух минут найти уединенное местечко, могущее выполнять функции заведения, обозначаемого обычно ОО,

WS и т. п., все кончено. В соответствии с общепринятой врачебной теорией бороться с этой болезнью нужно строгим соблюдением гигиены. Не верьте этому. Болезнь нужно пережить — это лучший способ бороться с ней; и тогда ваше тело смиряется с присутствием новых жителей в пищеварительном тракте. Проблема заключается в том, чтобы достойно пережить эти три дня ужаса. За три упомянутых дня я превратился в развалину. Едва только я попытался попробовать что-либо съесть или выпить, как все это проскакивало через весь пищеварительный тракт в течение пяти минут и выходило наружу таким свежим, что можно было снова начинать есть. До этого мы жили в полном соответствии с правилами гигиены; воду мы, например, обрабатывали таблетками пантоцида, который в основе своей является хлорамином, превращающим воду в отвратительное пойло. На четвертый день болезнь кончилась и с тех пор не возобновлялась, несмотря на то что я возненавидел гигиену — пил воду из луж, ел то же, что и местные жители (хотя как раз это инструкции по гигиене и запрещают), и т. п. Петра эта оскорбительная болезнь настигла двумя неделями позже. Если говорить о Софье, то мы никогда не замечали за ней ничего, кроме того, что во время пребывания в Айн-Салахе она внезапно убегала от нас неизвестно куда и не желала, чтобы ее сопровождали. Лицо ее в эти дни имело особенное, задумчивое выражение.

Как нам все-таки удалось выбраться из Адрара? Наши конкуренты выставляли дежурных на перекрестке только утром и вечером; ночью они спали, а днем бродили по оазису или плескались в местном бассейне. Поразительно то, что все свои вещи они оставляли у указателя направления на краю оазиса, уходили от них на полдня и никто вещи не караулил. На североафриканском побережье уже через час от вещей вряд ли бы что-либо осталось, а в Южной Италии все это вы не укараулили, даже если бы все время сидели на вещах. В Сахаре же не только не крадут — не раз случалось, что нас с трудом разыскивал человек, чтобы отдать нам то, что, как он думал, мы потеряли или забыли. Постепенно мы все более убеждались в том, что подобная честность не единственная особенность в здешних взаимоотношениях, которая ошеломляет и поражает приезжих. Если бы условия жизни в Средней Сахаре не походили на ад, можно было бы сказать, что здесь живет как в раю: очутись вы в трудных или стесненных обстоятельствах,

вам поможет первый же встречный и обидится невероятно, если вы спросите, что вы ему за это должны. Цена человека, видимо, обратно пропорциональна частоте его появления. Если в переполненных людьми цивилизованных центрах человек живет с безнадежным чувством отчуждения и одиночества среди равнодушной толпы, в Сахаре как раз все наоборот. Когда-нибудь здесь будут санатории для душевнобольных, например для страдающих клаустрофобией.

Прежде чем я окончательно покончу с воспоминаниями об Адраре, я должен упомянуть о встрече с «пророком», происшедшей перед самым нашим отъездом на местном рынке. Рынок интересовал меня скорее как объект для фотосъемки, чем источник покупок. В кадр случайно попал огромный негр, который шел по рынку, вызывая жестикулируя руками и обращаясь к присутствующим с речью. Голос его звучал мощно и настойчиво, а взгляд блуждал по толпе. Я решительно не понимал, о чем он говорил, а те, что понимали, со всей очевидностью этим пренебрегали. Поскольку я испытываю недоверие к каким бы то ни было фанатикам, я быстро покинул рынок, чтобы случайно не попасть в поле зрения этого человека. Но «звероучитель» (так называем мы, биологи, вероучителей), очевидно, тоже покинул рынок, но только с другой стороны, он обошел его, и на следующем углу мы с ним столкнулись. Сердце у меня екнуло, когда он направился прямо ко мне и начал в чем-то со страстной настойчивостью меня убеждать. Вид у него был угрожающий. Потом он протянул мне клочок бумаги и ручку. Видно было, что ничем особенным мне это не грозит, и я одарил его самой любезной улыбкой и с готовностью написал: «Иржи Галеш, Прага 7, Янковцова, 47». Заговорщическим жестом надежного союзника я протянул ему листок. Лицо его засветилось от восторга,—очевидно, я написал как раз то, что он хотел. Тут он дал выход своим чувствам, обнял меня и потряс мне руку. И поспешил дальше. Жаль, что я никогда не узнаю, стал ли я вместе с ним основателем новой религии или всего лишь принял участие в кампании по сбору подписей для учреждения общественной плевательницы на рынке — кто знает? Когда я снова попал в Адрар в 1971 году, своего пророка я уже там не застал.

Четвертый день нашего пребывания в Адраре ознаменовался тем, что я заключил перемирие с новыми видами простейших в своем кишечнике, а во второй поло-

вине дня в отсутствие «конкурентов» мы поймали машину, которая отвезла нас на 140 километров к югу до Аулеф-эль-Араб.

В небольшом открытом грузовике кроме нас было еще девять местных жителей. Нашу дорогу можно назвать дорогой ужаса, так как разыгралась песчаная буря и оставалось только изумляться тому, что водитель сразу же не потерял дорогу на однообразной, совершенно пустой местности, где видимость на высоте двух метров не превышала 100 метров, а на высоте одного метра была вдвое меньше. Массы песка бичевали каждый кусочек обнаженной кожи, а следы нашей машины на песке исчезали за несколько минут. Время от времени мы увязали в песке и приходилось выходить из машины, откапывать колеса, бросать под них полосы жести, затем вкатывать на них машину и толкать ее вперед, пока не заработает мотор (у машины барахлил аккумулятор, и она иначе не заводилась). Процедура неприятная сама по себе, а еще более оттого, что она часто повторялась. Представьте себе к тому же удушливый невыносимый жар обжигающего песчаного урагана, и вам станет ясно, что обо всем этом можно вспоминать с улыбкой лишь спустя много лет.

Наконец машина пробилась в Аулеф-эль-Араб, и местные жители быстро разошлись, спасаясь от разгулявшейся стихии. Только наша несчастная троица осталась одиноко стоять на какой-то длинной площади, которую мы едва могли различить в тучах летящего песка. В этот момент Софья сделала принципиально важное открытие. «Вон там из земли вылезают дети и несут ведра, вероятно с водой», — сказала она нам. Мы тут же поспешили к объекту, чтобы изучить его поближе. Это была шахта глубиной около пяти метров с тремя вертикальными стенами; с четвертой — был сделан удобный спуск. Дно шахты представляло собой квадратную площадку 3×3 метра с круглым отверстием в центре диаметром около полуметра. В нем в полуметре — не глубже — виднелась вода. В одной из боковых стен шахты примерно на уровне человеческого роста находилось отверстие; через него мы смогли заглянуть в подземный туннель высотой около 2,5 метра, по дну которого бежала подземная речушка. В потолке через каждые 20 метров были прорыты отверстия, поэтому полной темноты в шахте не было. (На поверхности отверстия были обложены камнем до метровой высоты, так что получались

«колодцы».) Из подземного канала на нас дохнуло двадцатипятиградусным холодом, в котором почти не было песка, что в сравнении с сорокапятиградусной песчаной бурей на поверхности манило и обещало блаженство после долгих мучений. Мы осторожно выглянули из шахты и, убедившись, что за нами никто не следит, пролезли через отверстие в подземное русло.

Прежде всего мы бросились в воду и позволили ей течь по нашим истерзанным телам. Это такое блаженство, о котором житель Средней Европы и понятия не имеет, а одновременно пример того, как относительно и субъективны сильные жизненные ощущения и переживания. У нас бы никому и в голову не пришло влезть в мокрый подземный канал и валяться в нем в одежде. Столь же сильные ощущения возникнут у вас, если вы умираете в пустыне от жажды и вдруг перед вами лужа теплой вонючей воды. Тут-то и окажется, что ощущения и впечатления создаются не столько ситуацией или условиями, сколько контрастом перехода из одного состояния в другое. Только после тяжелой болезни человек начинает понимать, какое большое счастье быть просто здоровым. То же самое правило действует в области психики или социальных условий: только после длительного заключения или угнетения человек начинает понимать и ценить свободу. В случае целых народов, только что добившихся независимости, подъем и патриотизм этих народов могут какое-то время послужить катализатором в преодолении трудностей молодого освободившегося государства. Алжир тех времен являл собой наглядный пример этого.

«Побарахтавшись» в холодной воде, мы восстановили свои силы настолько, что нам снова стали доступны и иные восприятия кроме телесных. У меня это выразилось в том, что я извлек из своей котомки складной штатив и расставил его над водой, чтобы сделать снимок нашего подводного рая. В эту минуту в свете верхнего колодца в воде промелькнули три рыбки 5—8 сантиметров длиной. Откуда они здесь и что это за вид? Чем они могут здесь питаться? Это было поразительно: само собой разумеется, мы попытались поймать хоть одну, но лишь спугнули их.

При втором моем свидании с аулефскими подземными рыбками мне повезло больше. К тому времени я уже знал, что подземные водные системы, фоггары, являются традиционным и остроумным способом использования

и распределения воды из источников. Вода течет из подземного источника в водоносный слой, к которому ведет подземная выемка.

Подземный канал соединен с колодцами, вокруг которых группировались жилые строения. Там, где фоггара выступает на поверхность, вытекающая вода тотчас же делится небольшой плотинкой в виде так называемого гребешка на мелкие струйки, веером растекающиеся во все стороны к садам. Здесь, в этих мелких струйках, рыб не видно — они живут только в подземной части фоггары. Во второй мой приезд в Аулеф-эль-Араб мне удалось сфотографировать одну рыбку. По снимку, посланному в Париж, профессор Моно определил, что это род усачей *Barbus*, скорее всего вид *B. antinorii* или *B. biscarensis*. К сожалению, не удалось выяснить, являются ли эти рыбки представителями первоначальной фауны еще влажной Сахары, сохранившимися здесь в пещерных условиях, или они попали сюда уже после постройки фоггары.

Мы собирались уже выйти на поверхность из нашей подземной купальни, но тут возникло маленькое препятствие. В шахте собралась группа детей, посланных за водой с ведрами. Поскольку тут не дуло и не мел песок, детишки устроились у источника, щебетали и играли и не собирались уходить. Нам же со своей стороны не хотелось выдавать себя, мы не знали, как местные жители могут отнестись к нашей экскурсии в их «водопровод» — вполне понятно, что всюду в Сахаре воде и ирригационным системам уделяется особое внимание и забота. Мы подождали немного, но без результата. Наконец мое терпение лопнуло, я подполз к самому отверстию, через которое мы проникли в шахту, показался деткам и произнес скрипучим голосом по-чешски: «Я — домовый, живущий в канале». Дети, конечно, не понимали по-чешски, но экзотические звуки, видимо, произвели на них впечатление темной и неопределенной угрозы, соответствующим образом дополняющей ужасное впечатление от адской физиономии заросшего европейского дикаря. Они схватили свои ведра и бросились сломя голову наутек так поспешно, что по пролитой воде можно было проследить их путь. Мы быстро выскользнули из шахты в песчаную бурю и сделали вид, как будто ничего не знаем.

Внезапно из облаков песка вынырнула машина; мы бросились к ней — и тут нам снова улыбнулось счастье:

она не только ехала в Айн-Салах, но и взяла нас с собой.

Айн-Салах! Огромный остров в гигантском море жгучих песков сахарских низин, где пустыня предстает в самом грозном своем виде.

Самая высокая из зафиксированных здесь с момента основания метеорологической станции температура $+56^{\circ}\text{C}$, что всего на два градуса меньше, чем мировой рекорд $+58^{\circ}\text{C}$ в ливийской пустыне. (Американская Долина смерти в Калифорнии со своими $+57^{\circ}\text{C}$ потеряла первенство, когда начали строить метеорологические станции в самых жарких местах Сахары.) Кстати, измерения температуры в пустыне проводить технически сложнее, чем, скажем, в девственном лесу. Точно измерить температуру воздуха в таком лесу не составляет проблемы: выставьте термометр на воздух и посмотрите, где остановилась ртуть. Если же вы проделаете то же самое в Сахаре, не думайте, что вы измерили температуру воздуха; в лучшем случае вы измерили температуру термометра или, точнее, его чувствительного элемента.

Почему? В лесу среда почти изотермична, и излучение там, можно считать, не проявляется. В Сахаре, наоборот, излучение является самым существенным климатическим фактором. Если вы поместите около себя ртутный и спиртовой термометры, они покажут разную температуру в зависимости от того, как эти вещества поглощают прямые солнечные лучи и теплоизлучение раскаленной поверхности. Блестящая, отражающая лучи ртуть подвержена этому влиянию меньше, но все же днем термометр всегда будет показывать более высокую температуру, чем действительная. Приборы, помещенные в выкрашенной в белый цвет метеорологической будке, хотя и защищены от излучения, но сама будка не защищена от него, и воздух в ней не всегда имеет ту же температуру, что и вне ее. Важно также, на какой высоте от земли расположена метеорологическая будка — по международной конвенции эта высота должна быть два метра. До полудня в пустыне температура воздуха у земли может на целые десятки градусов отличаться от показателей приборов, расположенных выше. Поэтому в Сахаре миражи в нижних слоях воздуха с разной температурой — явление обычное (фата-моргана). Только после полудня температура выравнивается: воздух, нагреваемый облученной поверхностью земли, вертикальными потоками поднимается вверх, а облучение уменьшается.

Ночью происходит обратное — у земли воздух холоднее всего, но чем выше, тем теплее; в отличие от дневного это разделение на слои устойчиво, и вертикальный ток воздуха прекращается. Так что можно сказать, что на десятисантиметровой высоте от земли климат Сахары намного суровее, чем на стандартной двухметровой высоте, где обычно проводят измерения. Суточные и годовые колебания температуры и относительной влажности около земли значительнее. Все это нужно принимать во внимание при оценке условий существования флоры и фауны пустыни, и особенно если мы хотим эти условия имитировать при разведении и содержании животных пустыни.

Наше вступление в Айн-Салах было предвестием дальнейших испытаний наших физических и моральных сил. Была горячая, душная ночь, и песчаная буря сопровождала нас от Реггана через Аулеф-эль-Араб до самого Айн-Салаха. Водитель высадил нас в песчаный занос в боковой улочке, и машина тут же исчезла. В однообразном шуме песчаного смерча можно было, однако, различить бухание дизельного мотора. Софья заставила нас немедленно отправиться туда, так как, возможно, это какой-нибудь грузовик собирается ехать в Ахаггар. Мы с трудом поплелась за ней. После долгого блуждания мы обнаружили, что шумит агрегат, вырабатывающий электроэнергию для оазиса. Проклиная все на свете, мы свалились на землю и тут же на месте уснули.

О нашем дальнейшем пребывании в Айн-Салахе можно было бы написать примерно то же, что и об Адраре: окружающая пустыня выглядела безнадежно мертвой, к тому же мы даже и не могли заняться изучением местности, поскольку нам приходилось все время быть на страже в местах, где проезжали транссахарские грузовики. При высоких дневных температурах здешнего убийственного климата каждая попытка какой-либо деятельности была изнурительной. Тем не менее, несмотря на все это, Айн-Салах делал несмелые попытки привлечь туристов в свой занесенный песком город, — впрочем, те, кто появлялся здесь в летние месяцы, спешили убежать на север или дальше на юг, в горы.

Несколько раз мы заглядывали в местный лучший отель, в его номера. Однажды там попытался переночевать какой-то англичанин, но он в ту же минуту убежал оттуда и в отчаянии начал расспрашивать нас, где мы ночуем; в номере, который ему отвели, можно было

задохнуться. «Можем показать вам отель с кондиционером „Hôtel de sable“»,— охотно предложили мы ему. Он с восторгом согласился и пошел с нами за городские стены к дюнам. Сумерки сгущались. Мы смастерили из песка (по-французски «sable») постель и блаженно развалились на ней. «Это здесь»,— объяснили мы ему. Дневного жара как не бывало, воздух был свеж и чист, потолком нам служил небосвод, роскошно украшенный сияющими бриллиантами звезд и опоясанный светлой полосой Млечного Пути. Сноб-англичанин с минуту взирал на нас остолбенело, а затем растерянно спросил:

— А как же змеи, скорпионы?

— Змей тут, к сожалению, нет. А за скорпионами мы, если позволите, придем в вашу комнату в отеле и там наловим. Здесь, на открытом месте, их не найти.

Этим мы довели его до полного смятения и глубокой сосредоточенности. Он разровнял песок поблизости от нас и попробовал улечься. Через минуту, когда мысли его пришли в порядок, он сказал, что мы, должно быть, опытные путешественники, знаем Сахару и он благодарит нас, поскольку здесь действительно можно дышать и спать, о чем в отеле и думать нельзя.

— В отеле хорошо жить в январе,— поучали мы его, хотя сами об этом, естественно, и понятия не имели. Затем мы посоветовали ему еще, чтобы он — если ночью ему станет холодно — разгреб верхний слой песка, который быстро остывает, отдавая тепло сахарской ночи, и под ним он найдет отлично нагретый песок.

Наши ночные медитации привели нас снова к актуальному вопросу — куда дальше: на юг, навстречу еще большим трудностям, или же на север, где без усилий и проблем мы успели сделать так много? Добыче нашей со времени вступления на Большой юг мы сохраняли жизнь с огромным трудом — в полуденную жару приходилось заворачивать коробки с животными в мокрые тряпки, чтобы снизить в них температуру. Гекконы с трудом переживали линьку, да и другие животные требовали постоянной заботы. Мы были почти уверены, что большинство из них не переживет дальнейшее путешествие на юг.

На третий день рано утром в Айн-Салахе появился грузовик, направляющийся на север. Мы приложили все усилия, но соревнования не выиграли; конкурентов было слишком много. Когда мы поняли, что нам не суждено даже снова попасть на север, нами овладела тоскливая

покорность судьбе. На наше счастье, в оазисе нас уже все знали и старались нам помочь делом и советом. Среди полученной информации я обратил внимание на то, что после полудня здесь делает посадку самолет, летящий по трассе Таманрассет — Айн-Салах — Алжир. Не то чтобы мне захотелось попробовать аэростоп, но я подумал, не можем ли мы переслать таким образом в безопасное место наших животных. На почте нам сообщили, что по алжирским законам не допускаются перевозки самолетом каких бы то ни было животных. Наши знакомые, обслуживающие аэропорт, придерживались более широких взглядов: они предложили отвезти меня с багажом на аэродром; самолет находится в Айн-Салахе целый час, за это время можно будет что-нибудь придумать.

Самолет приземлился, и пилот отправился в служебное помещение с кондиционером. Руки у него пока были пустые. А когда он возвращался в самолет, в одной руке у него был ящик с представителями сахарской фауны, а в другой — письмо инженеру Цилеку из торгпредства со слезной просьбой взять ящик из камеры хранения «Эр Альжери» в Алжире и поместить в холодный подвал. Пилот оказался очень любезным человеком, он знал немного английский, что позволило нам объясниться. Он отверг все проявления моей благодарности и учтиво заверил, что почтет за честь помочь сохранить редких животных. И уж совсем категорически он отказался от вознаграждения за почтовые расходы, наоборот, попросил номер телефона Цилека, чтобы позвонить ему и ускорить дело. Все это он выполнил наилучшим образом, и Цилек поместил посылку, как мы просили. Освободившись от тяжелой заботы и опеки над отловленными животными, мы воскресли телом и духом. И когда на следующий день через Айн-Салах проезжал грузовик в Таманрассет в Ахаггаре, мы вопреки протестам водителя забрались на верх груза и поехали дальше на юг. Наш моторизованный «корабль пустыни» выглядел чрезвычайно причудливо. Под кучей груза, на которой устроились мы, скрывался легковой автомобиль! По бокам машины в козьих шкурах везлась вода, которая слегка просачивалась, испарялась и тем самым хорошо охлаждала груз.

От Айн-Салаха до Таманрассета «всего» 700 километров, и первую половину пути мы проехали ночью. С рассветом ландшафт, до сих пор не слишком разнооб-

разный, начал быстро меняться. Дорога шла сначала по широкому высохшему речному руслу и слегка спускалась к Тадемаиту. Вскоре она отклонилась влево, к причудливому ущелью Арак с брошенной маленькой крепостью, а затем начала понемногу идти вверх, к нагорью Ахаггар, в центральной части которого поднимаются самые высокие горы Алжира. На старых картах высота горы Тахат указывалась на несколько метров больше трех тысяч, на новых, наоборот, ей не хватает нескольких метров до трех тысяч. Площадь нагорья Ахаггар, природной крепости одноименного племени туарегов, превышает площадь Чехословакии.

Пейзаж, который открывался перед нами с верха переполненного грузовика, все меньше походил на то, что мы до сих пор видели в Сахаре. Отвесные склоны над крепостью Арак были еще сложены из осадочных пород с отчетливо различимыми горизонтальными слоями. Но отсюда крутой подъем шел уже по «пластинчатой» местности сланцевых пород, расчлененных на совсем тонкие слои. Под действием ветра пластинки выпадали и покрывали землю отличными ножами для прокола шин. На вершине подъема мы внезапно очутились на фантастической «земле причудливых камней».

Наш «корабль пустыни» шел по «земле причудливых камней» несколько часов. Трудно описать словами эти престранные скалы и лежащие на поверхности валуны. Были тут стометровые валуны занесенных базальтовых пород, напоминавшие огромные блестящие черные луковички. Однако необычность пейзажу придавали прежде всего фантастические формы огромных валунов, которые покрывали поверхность из грубого песка или щебня. Здесь были не только обычные скальные грибы, но и формы исключительно сложные, как если бы здесь работал скульптор с незаурядным воображением и не таким уж абстрактным. Некоторые рельефы напоминали стоящих или лежащих животных, другие — человеческие лица со странными гримасами. Больше всего нам хотелось оставить машину и сделать сотни снимков этих невероятных созданий природы, разбросанных повсюду вокруг нас. Но к неудобствам автостопа относится и то досадное обстоятельство, что как раз это сделать не просто, особенно в Южной Сахаре, где, вполне возможно, следующий грузовик найдет вместо нас высохшие мумии.

Лишь только фантастический пейзаж с ветровыми скульптурами исчез за облаками пыли от нашего грузо-

вика, как перед нами возникла группа самых высоких ахаггарских великанов. Мы приближались к ней много часов, прежде чем увидели ее воочию, но тут внезапно спустилась ночь, хоть еще и субтропическая, но тропики были уже в поле зрения, так как горы на горизонте лежали уже под тропиком Рака.

Грузовик вели по очереди два водителя, дорога была видна и ночью, поэтому мы ехали практически непрерывно, только от полуночи до четырех часов утра был короткий общий отдых. И вот на второй день утром грузовик выбросил нас у цели нашего путешествия, которая звалась Таманрассет.

Любимая книга детства «Туарег» И. Р. Вавры ожила здесь перед нашими глазами. Мы находились в центре самого известного, когда-то внушавшего страх туарегского племени кель Ахаггару, племени воинов и грабителей пустыни, людей, гордившихся своим ростом, до двух метров, которым черное покрывало придает особенно неприступный и угрожающий вид.

Об истории туарегов и самого Таманрассета можно было бы написать много интересного, но я с большим удовольствием расскажу о том, как мы ловили ночью гекконов *Ptyodactylus hasselquisti* на кладбище и в водонапорной башне. Это был тот же род, что и в Айн-Сефре и Туите, но если там они были совсем маленькие и почти черные, то здесь бегали двадцатисантиметровые «гиганты», почти совсем белые, они напоминали мне души невинно погибших ящериц; хрупкие и нежно-прозрачные, они появлялись в сумерках и исчезали с рассветом. При неясном свете месяца они походили на нематериальные мглистые клочки эктоплазмы, казалось, для них не существовало земного притяжения, они легко двигались по совсем гладким поверхностям в любом положении, например по стеклянному потолку. Им позволяет это особое строение пальцев ног, расширенных и снабженных снизу цепляющими пластинками.

Но когда вы поймаете этот, казалось бы, нематериальный призрак, проявится его материальная сущность — он вполне «материально» укусит вас за палец, что, впрочем, небогато и неопасно. При этом геккончик издает иногда своеобразные, визгливые звуки. Опасность грозит прежде всего хвосту геккона; эти ночные призраки все же явно subtilнее дневных ящериц и очень легко теряют свой хвост добровольной аутотомией. Они стремятся сбить с толку неприятеля и отвлечь его

внимание на брошенную ненужную часть тела. Хвост быстро отрастает, но он уже никогда не будет таким красивым, как прежний.

Большинство видов гекконов предпочитают обитать на гладких отвесных или даже нависающих стенах, где их не могут достать враги. Жилища людей представляют для них идеальный «биотоп», потому что там концентрируется много насекомых. Гекконы в субтропиках и тропиках, таким образом,— важный и часто недооцененный «симбионт» человека, естественное средство биологической борьбы с нежелательными «домашними» насекомыми. Туареги это, очевидно, сознают — мы видели гекконов, спокойно живущих в их домах и камышовых хижинах (в то время как в Южной Европе гекконы бывают жертвами предрассудков).

Едва мы проникли в здание таманрассетской водонапорной башни, как перед нами возник местный житель, и его черное покрывало, закрывающее лицо, выглядело устрашающе. Для того чтобы такая встреча прошла гладко, надо иметь при себе какое-нибудь животное, которое можно показать. У нас уже была одна агама и маленький геккон, пойманный на кладбище, поэтому мы могли объяснить, что мы тут ищем. Строгий страж чистоты резервуара принял наше объяснение с восторгом и увлеченно начал изобретать способы ловли крупных экземпляров, которые разглядывали нас с потолка, с высоты примерно шести метров. С его помощью нам удалось поймать двух гекконов и поместить в полотняный мешок, не повредив им хвосты. Мы расстались, сознавая, что открыли таким образом эру туарегско-чехословацкого сотрудничества. Нашим вниманием теперь завладела аллея тамарисков, где Петр обнаружил еще один вид гекконов. Мы обыскивали ветки, когда прямо перед моим лицом что-то промелькнуло на нижней ветке. Я схватил это «что-то» правой рукой, на которой была кожаная рукавица. Раздался странный звук — что-то среднее между визгом, писком и еще чем-то, что я затрудняюсь определить. Одновременно «что-то» мощно вгрызлось в рукавицу. Примчался Петр, по светил фонариком и пришел в ужас: это оказалась огромная желтая сольпуга *Soliphuga*, длинные ноги которой покрыты не менее длинными осязательными волосками. Но она не ядовита, хотя и выглядит страшилищем.

Когда нас поборола усталость, мы нашли удобный

песчаный занос и легли спать. Мы с Петром впервые с грустью вспомнили Европу и начали напевать в два голоса какую-то македонскую думку. Софья не оценила этого, мы мешали ей спать. В ответ нам невдалеке раздался угрожающий лай собаки, и мы замолчали. Но было уже поздно. Из тьмы вынырнула хромая бестия и начала на нас рычать и скалить зубы. Мы швырнули в нее несколько горстей щебня и камней, но нам не сразу удалось отогнать ее. Как я ни сопротивлялся, сон сморил меня, и я заснул с ощущением того, что утром здесь будет лежать, очевидно, обезображенный труп, задущенный этой хромой тварью.

Уже не помню, при каких обстоятельствах утром мы познакомились с шефом местной таможни (как записал он в мой блокнот). Но это знакомство позволило нам получить много ценных сведений об Ахаггаре. Узнав с помощью Софьи о предмете наших увлечений, он пригласил нас на небольшую экскурсию на машине. Когда мы отправились к зданию таможни, где стояла машина, из домика выбежал второй (и последний) его житель — небольшой хромой песик, который бросился нам навстречу, как к старым знакомым, радостно виляя хвостом. Повизгивание его показалось мне подозрительно знакомым. Софья сразу узнала его и, поскольку собак она боится меньше, чем я, ответила на его проявления симпатии, чтобы, с одной стороны, выразить нашу общую благосклонность к таможне, а с другой — возместить псу неласковое наше обращение с ним прошлым вечером, когда мы так сурово отогнали его от нашего «песчаного отеля».

Мы уселись в ожидавший нас лендровер, но таможенник еще зачем-то вернулся в канцелярию; он принес «заикающееся железо» (как мы называли это во время военной службы) — самопал. Мы несколько удивились и спросили через Софью, не означает ли это, что туареги действительно так опасны. Он рассмеялся и заверил нас, что, хоть они и были когда-то грабителями, которых все боялись, это все было слишком давно. Сегодня они в лучшем случае нападают друг на друга — вы понимаете, выжить в пустыне не так легко, — но не бойтесь, чужого не тронут. Мы с благодарностью приняли к сведению, что в крайнем случае можем выжить в пустыне, нападая друг на друга (если Софья правильно перевела нам его слова), но нам все еще не совсем было ясно, для чего он берет с собою это преступное оружие. Он

терпеливо объяснил нам, что для газелей. По дороге в Амсель мы можем встретить газель, а это лучшая возможность потренироваться в стрельбе по движущейся мишени.

— А что потом сделаете с этой газелью? — спросили мы.

— Мне она не нужна, — объяснил он нам с гордой снисходительностью; наши вопросы, должно быть, казались ему чрезвычайно наивными.

Приведенный случай скорее типичный, чем исключение, и не только для Алжира. Этого человека нельзя было отнести к примитивным варварам; это был изысканно-культурный, образованный, очень приветливый и гостеприимный араб. Трудность состоит в том, что культурное отношение к природе вырабатывается медленно, в результате продолжительного развития на основе знаний, традиций и целенаправленного воспитания. Молодые африканские государства еще не имели мерил для этих ценностей, поскольку традиционным для них образцом служили «героические» европейцы-охотники, которые ради своей «благородной утехы» или «спорта» устраивают массовое истребление африканских животных. Еще более тревожит тот факт, что и сегодня эксперты, посылаемые в развивающиеся страны (где они выполняют заслуживающую признания работу в тяжелых условиях), от недостатка развлечений посвящают свободное время охоте в окрестностях и превращаются в коллекционеров охотничьих трофеев и природных редкостей. И это не просто истребление животных. Своим дурным примером они наносят косвенный ущерб, хотя, как «наидостойнейшие» представители цивилизации, они должны были бы оказывать обратное влияние.

Специалистам, выезжающим в тропики и субтропики, перед отъездом делают массу прививок, снабжают их брошюрами и инструкциями, содержащими тысячи указаний и поучений, как вести себя. Жаль, что нет в них призыва к тому, чтобы они не только успешно трудились и достойно представляли страну, но и проявляли культуру в отношении к природе и животным. Не мешало бы также деликатно обратить их внимание на те виды местной фауны, спасение которых от полного истребления является предметом международного сотрудничества и самоотверженных усилий природоохранителей. Возможно, тогда бы они вместо ружья купили себе бинокль или телеобъектив и по возвращении не хваста-

лись бы, сколько им удалось «уложить» гиппопотамов, львов, горилл или жирафов, и не украшали бы свои жилища кожей крокодилов и питонов.

Благодаря любезной заботе «таможни» мы успешно знакомимся с природой и животным миром Ахаггара и в наплыве событий совершенно утратили представление о времени. Когда на четвертый день нашего пребывания в Таманрассете мы приблизительно пытались определить, какое же сегодня, собственно говоря, число, оказалось, что самое время искать возможность возвращения. Нам предстоял тысячекилометровый путь пустынными накатанными дорогами до Эль-Голеа, а оттуда еще тысячи километров уже по асфальту — все время прямо на север, до столицы на побережье.

На этот раз нам везло как никогда: воинская часть, отправляющаяся в Уарглу, согласилась взять нас с собой. Кроме нас они прихватили еще двух «бродяг» и нескольких местных жителей. В оазисах Южной Сахары, особенно там, где нет аэродромов, автостоп является обычной и чуть ли не единственной формой передвижения; классический караван становится все менее популярным.

До Уарглы — вот повезло! Это давало нам возможность проделать почти две трети пути до Алжира; что же касается трудностей, то можно было считать, что девять десятых их мы преодолели.

Но нам не долго пришлось радоваться по поводу этих десятых. Уже в тот же день пополудни, когда мы приехали в Ин-Экер, машины внезапно свернули и высадили всех пассажиров у будки около ворот большого военного гарнизона, обнесенного колючей проволокой. Затем машины въехали внутрь зоны и исчезли за пригорками.

Мы оказались в чрезвычайно трудном положении. Вопреки первоначальному договору нас высадили посреди пустыни, и нашим «временным убежищем» стала пустая лачуга, пригодная только для «производства тени», а при необходимости для частичного спасения от песчаной бури. Часовые у ворот готовы были обеспечить нас необходимым минимумом питьевой воды и хлеба, а «дорога» (то есть укатанная полоса пустыни) Таманрассет — Айн-Салах находилась отсюда примерно в километре. Если по ней и проедет какой-нибудь транспорт, он не заметит нас на таком расстоянии, а пребывать в голой пустыне у дороги в дневной жаре никому не хотелось.

Мы пытались разузнать, что, собственно, произошло, но, как это обычно бывает у военных, ничего не узнали.

В течение четырех дней напрасной надежды на то, что воинская часть осуществит все же запланированную ранее поездку на север, мы проводили безнадежно уплывающее время в заботе о зверушках, пойманных в Ахаггаре; кроме того, мы ближе познакомились с двумя удивительными парнями, относившимися к случившемуся с невероятным безразличием. Один из них, тощий, горбатый двадцатилетний француз, был художник. Он путешествовал на деньги, которые получал за свои рисунки. Он оставил дом семь лет назад и побывал уже в Америке, Африке и Австралии. Дорожная сумка художника едва ли весила шесть кило. Его молчаливый друг, испанец, был моложе его. Вместе они путешествовали только четыре года. Оба путника, как и автостоповцы, с которыми мы встретились в Адраре и Айн-Салахе, искренне удивлялись: доехать до Ахаггара и возвращаться той же дорогой, когда уже половина пустыни позади, а дальше на юг проехать намного проще!

Автостоповцы, которых мы встречали в Сахаре (обычно это была молодежь 19—24 лет), путешествовали почти без исключения от Северной Африки до самого Кейптауна. По их рассказам, проехать автостопом через всю Африку вполне можно за три месяца.

На третий день мы утратили всякую надежду на то, что из ворот военного гарнизона когда-нибудь что-нибудь выедет. На четвертый день, когда я вечером держал караул у дороги, мне удалось поймать пустой грузовик и уговорить водителя подъехать к лачуге за остальными потерпевшими бедствие. Машина шла до Гардаи, что было таким же везением, как и в случае с Уарглой.

Сначала казалось, что уж на этот раз мы доедем до цели без препятствий. Первая неприятность настигла нас у Таджемута. Над среднесахарской впадиной воцарилось безветрие, и Сахара раскалилась. Температура поднялась до пятидесяти градусов, и при быстрой езде это было убийственно. В полдень машина остановилась у источника Таджемут, и мы упали, почти мумифицированные, в тени пальмы. Удушающее безветрие и полуденный зной невозможно было выдержать — нам казалось, что мы вот-вот задохнемся и потеряем сознание. После минуты беспомощности мы собрались с силами и

смогли пройти несколько шагов до источника. Только когда мы основательно с ног до головы облились водой, к нам вернулась способность думать еще о чем-то. Тут мы бросились к нашему багажу в грузовике, но было уже поздно — большинство животных, с трудом пойманных в Ахаггаре, погибло.

Раздавленные жарой, удрученные гибелью животных, ехали мы дальше до Айн-Салаха. При том невезении, которое нас преследовало, мы особенно оценили то счастливое обстоятельство, что коллекции из Атласа и Северной Африки нам удалось отослать самолетом в безопасное место еще до поездки в Ахаггар.

В Айн-Салах мы приехали ночью. И хотя ночи в Сахаре должны быть холодными, к утру было все еще так жарко, как в самый теплый летний полдень у нас. Перед восходом солнца наш грузовик отправился дальше по направлению Эль-Голеа — Гардая.

Ужасное впечатление того времени от езды по плато Тадемаит между Айн-Салахом и Эль-Голеа теперь уже принадлежит прошлому, поскольку сейчас здесь проложена асфальтированная международная трасса, которая вскоре будет продолжена через Ахаггар на юг. Плоскогорье в соответствии со своим названием местами было совершенно плоско до самого горизонта и столь же пусто, без видимых следов жизни. Наносный слой щебня кажется плотным, но, если на него наступить, из-под него проступает мелкий, плохо выдерживающий груз щебнепесок. В результате появляется самая коварная «целина». Если ехать по такой, уже потревоженной колесами других машин поверхности, можно увязнуть в песке и даже совсем утонуть в нем. Там, где поверхность более прочная, образуются «жалюзи» — поперечные волны песка. Это кошмар и ужас сахарских дорог. По «жалюзи» можно ездить только со скоростью 15 км/час или выше 60 км/час, когда машина уже летит по гребням волн. Там, где на картах была обозначена дорога по Тадемаиту, опасность увязнуть была так велика, что все со страхом объезжали ее. Наши водители иногда удалялись от этой дороги на десятки километров. Они уверенно находили самую твердую поверхность, и скорость наша была все время около 70 км/час. Меня восхищала независимость и уверенность наших водителей, но в то же время я не мог не думать о том, что бы с нами было, случись какая-нибудь авария. Вероятность того, что в ближайшее время другая машина про-

едет здесь, в поле нашего зрения, была ничтожна. Мы вспоминали инструкции, которые нам давал (как же это было давно, хотя прошло всего, кажется, две недели) геолог Топинка: при аварии в пустыне путешественники не должны удаляться от машины; если ситуация серьезна, советуЮ подавать дымовые сигналы — жгите шины, их дым виден на большом расстоянии. Несколько остовов больших шин, мимо которых мы проехали по этой дороге, свидетельствовало о том, что это не просто книжная премудрость.

Глава V

ЧЕРТИКИ С МЯГКИМИ РОЖКАМИ

Большой и интересный оазис Эль-Голеа заслуживал дольшей остановки и изучения, но мы были рады, что нам обеспечен транспорт, а наши водители спешили. Однако не успели мы далеко отъехать от Эль-Голеа, как нас остановили бедуины и о чем-то долго беседовали с водителями. Вокруг простиралась живописная песчаная пустыня, а песок сплошь был испещрен следами — мы воспользовались остановкой и бросились в блицосмотр местности. Успех был поразительный: мы поймали небольшую пустынную гадюку *Cerastes vipera*, которая пряталась в песке в конце следов, по которым мы шли. Это чрезвычайно своеобразная змея и к тому же необыкновенно проворная. Прежде чем мы снова сели в машину, этому чертенку удалось укусить меня одним из своих ядовитых зубов через полотняный мешок, поэтому радость моя в какой-то степени была омрачена беспокойством по поводу того, что меня ожидает. Бедуины, узнав об этом, встревожились, и Софья перевела нам, что «эти маленькие страшнее тех больших» (те большие) — это, вероятно, *Cerastes cerastes* — знаменитые сахарские рогатые гадюки). Водители нашего грузовика считали, что хотя до Гардаи 200 километров, но там находится самая большая и самая лучшая больница в окрестностях (окрестности в Сахаре — что-то около 500 километров).

Итак, я перевязывал руку, чтобы задержать растекание яда, и наблюдал, как на месте укуса разрастается красное пятно, окруженное отеком, а тем временем во-

дитель полностью залил бак топливом, чтобы мы могли быстрее добраться до цели. Однако не успели мы отъехать и 50 километров, как мотор начал сдавать; потом заглох окончательно. Причина была простая: кончилось горючее. Было без четверти двенадцать.

Хотя по шоссе между Эль-Голеа и Гардаей движение относительно большое, между полуднем и тремя часами дня на сахарских дорогах все замирает: полуденный зной противопоказан и людям и машинам.

Отек становился все больше, и боль усилилась, рука болела намного сильнее, чем от укусов змей рода *Vipera* и *Echis*. Темное пятно на месте укуса также подтверждало опасения бедуинов. Было похоже, что в больницу мы до вечера не попадем, и потому я занялся перевязкой и освобождением руки от перевязи (перевязка ограничивает крово- и лимфообращение, распространяющие яд, но время от времени необходимо освободить руку от перевязи, чтобы не произошло омертвления ткани изолированной части конечности).

Экипаж неподвижной машины расположился в ее тени, а Петр изучал поблизости следы на песке. Я один сидел в кабине и высматривал какой-нибудь транспорт на дизельном топливе. Ничего похожего. Вдруг приблизительно в пятидесяти метрах от нас поверхность песчаной дюны, доходившей до самой дороги, странным образом подернулась рябью. Петр поспешил туда, хотя ничего не видел. Я направил его точно в подозрительное место, и он, немного пройдя по дюне, обнаружил «злодея» — выловил «песчаную рыбу» *poisson de sable*, невероятно интересного сцинка *Scincus scincus*. Петр светился восторгом и благословлял судьбу, пославшую мне укус. Песчаные рыбы — великолепный образец животного, которое нигде, кроме сахарских песков, не живет. Рыльце у него имеет форму клина, легко входящего в песок при движении, мордочка напоминает утиный клюв, удобный для выбирания мелких животных под «поверхностью» песчаных дюн. Тело — образец аэродинамичности (или пескодинамичности), а ноги напоминают несколько кротовьи. Пальцы снабжены роговыми зубчиками в виде бахромы, наподобие перепонки для пескоплавания.

Пока мы осматривали сцинка, на горизонте возникла темная точка. Была объявлена всеобщая готовность, всеми овладело напряженное беспокойство: какая это машина — на дизельном топливе или на бензине. Ока-

залось, на дизельном топливе, и горючего было достаточно и для нас. Почти два часа мы ехали по однообразной хамаде. Наконец вдалеке появилась глубокая и широкая долина. Дорога запетляла между склонами, закрывавшими вид, и вдруг неожиданно перед нами открылась панорама, чем-то напоминающая «Сказки тысячи и одной ночи» или, может быть, прелестную декорацию из какой-нибудь удачной кинофантазии о жизни на другой планете. В центре широкой долины стояли два холма с прилепившимися на них коробочками белостенных домов. На вершине надо всем царила башня своеобразной постройки. Прямо перед нами, на небольшом склоне, расположился третий такой же городок. И здесь, на самом высоком месте, стояла характерная высокая башня. Это был Бени-Изгуен. Дальше вправо — Мелика, а сзади самый известный из городов Мзаба — Гардая. При въезде в долину, на повороте, нам открылся вид на остальные две части здешней невероятной «городской агломерации в пустыне» — Эль-Атаф и Бу-Нуру.

Мы изумились тому, как такое относительно большое число людей может прокормить себя в условиях Сахары. За Гардаей тянулась полоса зеленых пальмовых рощ, но у нас этого хватило бы примерно на небольшой сельскохозяйственный кооператив. В Таманрассете таможенник «учил» нас, что туареги могут пропитаться в пустыне тем, что получают при нападении друг на друга. Нечто подобное происходило и здесь, как мы потом узнали: мозабитское меньшинство, обосновавшееся в этих местах, занимается торговым предпринимательством. Мозабитам не требуется нападать друг на друга, они могут прокормиться тем, что друг с другом торгуют, рассудили мы по аналогии, и эта маленькая шутка улучшила мое порядком упавшее настроение. Рука сильно болела, отек дошел до самого плеча. Больница была рядом, но кто заплатит за лечение? Через два дня из Алжира в Прагу отлетает самолет, в котором забронированы нам места, а наши финансы примерно соответствуют возможности доехать туда автостопом и купить что-либо поесть, чтобы не умереть с голоду. Софья через пять дней должна сдавать какой-то экзамен в каком-то из многочисленных институтов, где она одновременно училась. Как быть?

Машина подвезла нас прямо к больнице, где наши любезные спасители высадили нас и сердечно распрощались. Стоявшая рядом машина отправлялась на север

до Айн-Уссера — решение мы приняли сразу: с ними уехала Софья, чтобы успеть на самолет в Алжире. Для этого у нее было 30 часов времени и 600 километров пути. Два места для нас, поскольку Петр остался со мной, она забронирует на следующий рейс, на самолет, отлетающий через неделю.

Я вошел в больницу и попал в руки пожилого приветливого француза доктора Арно. Наш разговор развеял бы постороннего наблюдателя.

— Змея была такая? — спросил доктор и сделал над головой указательными пальцами рожки, как это делают в детской игре «идет коза рогатая».

— Не совсем, но семейство то же, вакцина та же, — ответил я (или по крайней мере мне казалось, что я ответил в границах тогдашнего своего французского языка). Потом я назвал змею по-латыни, и в инструкции к использованию соответствующей поливалентной вакцины мы действительно нашли этот род. Все остальное шло как по маслу, я получил «пчелку в зад» и постель, на которой мог размышлять о борьбе токсина с антитоксином, начало которой было положено в моем несчастном теле. Петр между тем раздобыл где-то пакет с молоком, два апельсина и какое-то печенье и положил все это мне на столик. Что было дальше, не помню, потому что мое покорное ничегонеделание перешло в укрепляющий сон.

На другой день утром я проснулся с отчетливым ощущением того, что, кроме уменьшившегося отека, у меня уже в принципе ничего нет. Меня позвали к телефону, вызывал Алжир. Меня? Действительно. Софья за полдня и ночь успела добраться до самой столицы и своими переживаниями за меня вызвала некоторое замешательство среди знакомых в торгпредстве. У телефона был инженер Цилек, он обеспокоенно спрашивал меня, как я себя чувствую. Я же с не меньшим беспокойством спрашивал его о нашей посылке с животными, высланной самолетом из Айн-Салаха. Мы утешили друг друга добрыми сообщениями; осталась одна проблема — во что обойдется эта больница. Даром не будет, заверил меня Цилек. В крайнем случае пусть пришлют счет на посольство.

Получив эти советы, я попробовал сделать двадцать приседаний. Мне это удалось без труда, и я отправился прямо в канцелярию. Уж не знаю, какими «французскими» словами я пытался объяснить, что высшие цели

призывают меня чувствовать себя совсем здоровым и что на дальнейшее лечение я не претендую. Пришлось выполнить некоторые формальности — подписать бумагу о том, что я выхожу из больницы преждевременно по собственному желанию. Затем доктор Арно пожал мне руку, а молодой администратор больницы вручил мне свой адрес, попросил мой и проводил меня до самых ворот. Я все еще не мог поверить, что «вот и все». Они и в самом деле не представили мне никакого счета, и декорум был сохранен. Петр ждал меня за воротами; у нас неожиданно оказалось больше недели, а денег не было совсем. Мы наполнили свои фляги и проверили запасы продуктов: в моем рюкзаке нашелся кусок мумифицированного хлеба (хорошо, что высох, сушеные продукты не портятся, а перед употреблением их можно размочить) и какой-то коричневый порошок. Как он попал сюда? Что это? Оказалось, забытый шоколад. В станиоле он плавился, и я завернул его просто в бумагу. Он высох, затвердел и к тому времени, когда я нашел его, превратился в пыль.

С такими вот запасами мы снова очутились в пустыне, надеясь на автостоп. Куда мы направлялись? На то же роковое, многообещающее место с пустынными гадюками, «песчаными рыбами» и множеством следов. Что мы там собираемся делать? Попросим высадить нас у какого-либо навеса, где бы в полдень была тень. Полдень мы будем пережидать в тени, а остальное время ловить животных, по утрам спать. Когда кончится хлеб, будем голодать — человек может без пищи выдержать месяц. Воду придется экономить — у нас всего двенадцать литров.

Все шло как по маслу, и, когда мы увидели крытый колодец у дороги, мы высадились. Неподалеку была столовая гора, куда мы и отправились.

Ни по дороге, ни на горе мы не обнаружили ничего достойного внимания, зато сама гора вызывала восхищение. Ребенком читал я в «Старых чешских сказаниях» предание о Брунцвике и янтарной горе. Разница между сказкой и действительностью заключалась лишь в том, что наша гора стояла не в море воды, а в море песка и была не из янтаря, а из алебаstra (гипса). Вместо животных мы собрали немного камней; нас мучила жажда. До вечера мы выпили почти весь запас воды; в колодце Сафиет Инигуэль, где мы устроили опорный пункт, вода находилась на глубине 35 метров. Длина

всех имеющихся у нас веревок, включая шнурки от ботинок, не достигала и половины этого.

В густеющих сумерках между низенькими песчаными холмиками мы увидели очень слабый свет. Что бы это могло быть? Мы повели себя как заблудившиеся в лесу дети из сказки — пошли на огонек. Нас ждало очень приятное открытие, и находилось оно всего в километре от нашей стоянки: в двухстах метрах от дороги стояли два деревянных домика, а вокруг них различные дорожные машины. Транссахарская магистраль, искусно обходившая во всех других местах песчаные дюны по более плотному грунту, здесь пересекала длинный отрог Большого Западного Эрга. При сильном ветре песок засыпает дорогу, а иногда прямо на ней вырастает дюна. На языке дорожных знаков это обозначается треугольником и текстом «*Danger du sable*» («Опасно, песок»). И хотя речь идет о самом мягком песке, он представляет опасность даже в небольшом количестве: если машина со скоростью 80 км/час врзается в незаметный, толщиной в дециметр песчаный нанос на асфальте, следует сильный удар, при котором экипаж может покалечиться, а рессоры автомобиля лопнуть. Дюна побольше вызывает на дороге настоящее бедствие — заторы из увязших и засыпанных песком машин. И поэтому у дорожной службы здесь масса работы, особенно весной, в сезон песчаных ветров. В данном случае даже имело бы смысл построить в этом месте специальную стоянку, где в весеннее время постоянно могли жить и работать экипажи бульдозеров и других мощных дорожных машин — некоторые из них напоминали оборудование для устранения снежных заносов на наших горных дорогах.

Обитатели домиков приняли нас с общеизвестной сахарской сердечностью и гостеприимством, от которых мы могли лишь слабо обороняться. Важнее всего было то, что здесь стояла целая цистерна питьевой воды из Эль-Голеа, избавившая нас от нашей самой большой заботы. После ужина мы еще долго говорили обо всем на таком французском, который настоящий француз вряд ли бы понял. Но теперь без Софьи мы были предоставлены сами себе. С одной стороны, иногда бывало трудно, но с другой — мы делали быстрые успехи, так как нам не оставалось ничего другого, как стараться.

Когда мы объяснили нашим хозяевам, что привело нас в эти края, они дали нам много добрых советов. А поскольку в нашей коллекции до сих пор не было зна-

менитой рогатой гадюки, которую мы безуспешно искали начиная от Айн-Сефры, мы с восторгом приняли известие о том, что вон там, около той столовой горы, полно их следов.

На другой день мы отправились в указанном направлении к еще одной столовой горе, примерно в двух километрах отсюда. Ее склоны были по большей части покрыты слоем принесенного ветром песка.

В верхней части склона мы действительно наткнулись на свежий след взрослой змеи. Как выглядит след змеи рода *Cerastes*? Абсолютно неправдоподобно. Это не та волнистая линия, которую оставляют на песке ужеподобные змеи. След выглядит так, как если бы некто клал растянутую змею на песок все время на 5—10 сантиметров дальше, наискось к направлению движения. Отдельные параллельные оттиски не размазаны движением, наоборот, по ним можно сосчитать все брюшные щитки змеи. Искусственно можно получить подобный след, если прокатить по песку вал со спиральной нарезкой. Змея, конечно, не движется подобно винту и лишь чуть-чуть поднимается над песком; принцип и результат, однако, те же. Описанный способ движения удобен не только на сыпучих песчаных откосах, но и на совсем гладких поверхностях, где другие змеи скользят и не могут двигаться вперед.

Рогатые гадюки — очень известные и достойные внимания сахарские змеи. Над глазами у них расположены очаровательные «козьи» рожки, и во всех старых сахарских записках путешественников рогатыми гадюками упорно пугали читателей. Путевые заметки должны содержать всякие драматические события, чтобы на них был спрос; беда, если в них нет романтики и ужасных приключений. Коммерческие соображения не позволяли путешественникам описывать на ста страницах, как они прошли тысячи километров по пустыне и не увидели ничего, кроме пары сухих кустиков и нескольких жуков-чернотелок. На счастье, по дороге автор прослышал о рогатых змеях (по-арабски «лефа»), которые прячутся в песке. Узнал, что о них никому ничего не известно, и путевые заметки были спасены описанием вероломства змеи, которая, зарывшись в песок, терпеливо выжидает случая броситься в лицо человеку или хотя бы укусить его за ляжку. После чего несчастный по воле предприимчивого автора умирает в судорогах через десять минут. Даже еще в предвоенном издании «Жизни живот-

ных» Брэма я как-то прочел о том, как рогатые гадюки ночью сползаются к костру, на котором путешественники готовят ужин, а уставшие путники с трудом спасают от них продовольствие.

В действительности же, как я постепенно убеждался, все обстоит совсем иначе. Прежде всего мы воочию убедились в том, что рогатых гадюк в Сахаре вовсе не уйма, наоборот, на большей части территории их почти невозможно найти. Они не бросались нам в объятия и не собирались у огня. (Позднее я несколько раз по следам на песке убеждался, что рогатая гадюка при ночной охоте старается обойти спящего человека как можно дальше.)

Сейчас попытки найти хотя бы одну рогатую гадюку были безуспешны, и мы придумывали самые изощренные способы выслеживания, из которых приведу один шуточный метод, предложенный Петром. За образец им был взят обычный способ ловли водяных черепах в трясилах (влезаете босиком в трясину и шлепаете по грязи, пока не наступите на что-то твердое). Так вот, при ловле рогатых гадюк по методу Петра Шмерака вы снимаете обувь и терпеливо месите песок до тех пор, пока вас снизу что-то не уколёт — то есть рожки рогатой гадюки. Этот спекулятивный метод в действительности имеет много недостатков, важнейший из них — рожки у змеи гнутся, мягкие, они не могут уколоть.

Отчетливый след, увиденный нами на верхних откосах столовой горы, очень скоро перешел с песка на скальные блоки, где только местами лежал песок. Мы разделились и искали во всех возможных направлениях. Мы уже потеряли надежду, когда раздался особый, предостерегающий звук, который издают змеи рода *Cerastes* и *Echis*. Рогатая гадюка, гревшаяся на солнышке под навесом скального плитняка, увидела меня раньше, чем я ее. С трескучим шипением она вползла под огромный валун в суживающуюся щель, теряющуюся в темной глубине. Единственно, что осталось от нее, — отчетливый след на наносном песке под скалой.

— Петр, я нашел след! — заорал я в пустыню. Он услышал меня не сразу, но быстро примчался откуда-то издалека. К моему удивлению, он даже не подумал радоваться, узнав, что стоит ему сдвинуть двадцатитонный камень, как змейка будет его. Долго мы рассматривали со всех сторон это надежное укрытие, но оно было плотно окружено такими же камнями. Осмотр ничего не

дал, и лучше я расскажу, как возникает этот особый, предупредительный звук змеи рода *Echis* и *Cerastes*.

Змеи — животные пугливые и мирные, причем как ядовитые, так и неядовитые. Они и на мелких животных, служащих им пищей, нападают, лишь когда голодны. Соседство с сытой змеей совершенно безопасно. Встреч и конфликтов с крупными животными змеи стараются избегать и прячутся от них. Однако на ровных, слабо пересеченных местностях не всегда можно найти поблизости подходящее укрытие. И если змея почувствует себя в опасности, загнанной в тупик, она начинает обороняться.

Защищаясь, змея собирает свое длинное тело на маленькое пространство, которое можно легко оборонять. А потом пробует запугать врага разными сигналами — звуковыми или оптическими. Европейские змеи в большинстве своем издают шипение выдыханием или вдыханием воздуха; этот способ предостережения, однако, не является для змей универсальным. Интересный механизм предостережения у самых высокоразвитых ядовитых змей — гремучих; это трещотка на конце хвоста. Быстро вибрируя концом хвоста, змея издает характерный звук, у крупных особей очень интенсивный и слышимый на большом расстоянии. Этот способ защиты выработался, совершенно очевидно, как предупреждение бизонам. Крупные копытные могут неосторожно наступить на змею и затоптать ее, а она, в свою очередь, может их укусить. Сейчас трещотка является скорее ненужным пережитком, из-за которого гремучие змеи во вред себе лишней раз обращают на себя внимание своего врага — человека, который уничтожил уже последнее крупное животное прерий. Кроме предостерегающих звуков змеи используют и оптические сигналы — различные оборонительные и угрожающие позы, из которых известнее всего подъем передней части туловища и расплущивание шеи у кобр.

Однако продолжим о звуках и стрекотании. Оно похоже немного на звук, издаваемый змеей *Echis* (самая знаменитая из них — песчаная эфа — *Echis carinatus*, от яда которой якобы умерла Клеопатра) и *Cerastes*. Тело змеи вообще никогда не бывает скользким вопреки средневековым поверьям, оно и не гладкое, пустынные змеи на ощупь напоминают терку. По центру каждой чешуйки проходит узкий, остро выступающий «киль». Еще одна особенность пустынных змей — расположение

чешуек на боках, они идут не вдоль тела, а косо вниз. Чувствуя опасность, змея собирается в полукольцо, так что отдельные чешуйки соприкасаются друг с другом. Голова поворачивается в сторону врага, а тело находится в постоянном движении (это служит дополнительным оптическим предупреждающим сигналом); при трении боковой «терки» в соприкасающихся чешуйках появляется своеобразное шипение с треском, характер которого значительно меняется при изменении скорости движения. В этом положении змея может незаметно понемногу передвигаться к укрытию.

Но вернемся на нашу столовую гору. Мы убедились в том, что крепость нашей змеи неприступна. Петр снова занялся изучением окрестности, а я не мог смириться с неудачей. Еще дома я сконструировал орудие для ловли, сбрасывания гекконов и «ковыряния» — и поковырял им в злополучной щели. Из глубины послышался приглушенный, предостерегающий звук змеи. Тут я издал свой собственный, самый громкий и настоятельный предостерегающий крик, чтобы снова привлечь внимание Петра. Щель, как ни удивительно, дальше никуда не вела, хоть и была очень глубока и частично занесена песком, так что змейка не могла увернуться от «ковырялки», которая доставала до нее. Наконец мои старания и терпение были вознаграждены: змеиный черт так разгневался, что высунул рога и двинулся в карательную экспедицию против этого назойливого провокатора. На половине пути из укрытия он в нерешительности остановился, но я еще раз «поковырял», и змея превратилась в настоящую «пробудившуюся погирель». К этому времени вызванный мною Петр подбежал к «арене» — песчаной площадке 3×4 метра между отвесными стенами скал. Змеиный черт, как ни удивительно, вовсе не собирался считаться с действующим обычно правилом — змея никогда не нападает на человека — и гонял нас в этом ограниченном пространстве из угла в угол. Наша слабая попытка представить дело так, как если бы гнали его мы, сначала выглядела малоубедительно; мы бросали на змею разные мелкие части одежды, предлагая ей таким образом «попробовать» что-либо более подходящее, чем наши голые ноги. Тут Петру наконец удалось схватить отважного воина за шею и сунуть его в мешок. Никогда ни до, ни после этого не приходилось видеть мне, чтобы полотняный мешок так неистово прыгал. Мы всунули его в сетку и несли на «ковырялке» на вытянутых руках —

воспоминания о том, как и мешки могут кусаться, были еще свежи.

Здесь шла речь о «ковырялке» без подробного описания этого универсального инструмента. «Ковырялка» — характерный пример экипировки в том случае, когда все приходится нести на себе. Собираясь в такую поездку, я стараюсь брать вещей как можно меньше и только те, которые ничего не весят. Однако, сложив вещи, я обычно с ужасом обнаруживаю, что поднять их нельзя. И не остается ничего другого, как изобретать.

Если привинтить одну к другой три съемные ножки штатива *Ihagee*, получится полутораметровая палка; а поскольку ножки выдвижные, ее можно вытянуть до трех метров. К резьбе на конце одной из ножек я прикрепил прочную, загнутую на конце проволочку, которую вкладываю, если она не нужна, в полую ножку. Собранный таким образом орудие с сачком на конце может служить для ловли пугливых ящериц на расстоянии или скидывания гекконов, сидящих высоко на стене здания и иным образом недоступных. Используется и как зонд для прощаривания укрытий, крюк для переноски ядовитых змей. Во Франции мы разбирали систему на части и делали из них крепления для палатки. Вместо проволоки к ножкам можно прикрепить петлю для ловли ядовитых змей; но сейчас мы не успели пустить ее в ход — не оставалось времени вмонтировать петлю. Лишь в исключительных случаях я использовал описанный инструмент и как штатив, например в подzemелье фоггары в Аулефе-эль-Араб.

Подобно ножкам штатива, и остальные предметы в нашем багаже должны были выполнять множество необычных функций.

В этот же день на склонах «столовой» мы поймали еще двух рогатых змеиных чертиков и вернулись к нашим друзьям-«пескокопателям», измученные, но удовлетворенные. Когда мы развязали мешки и предложили им заглянуть в «ад с тремя рогатыми», они одобрительно хмыкнули и сказали, что нам повезло больше, поскольку они после целого дня копания в песке на дороге поймали всего двух песчаных рыб и одну небольшую агаму. Все это они передали нам в скромной консервной банке. У нас имелась только одна возможность отблагодарить их за любезность — сфотографировать. Это был наш универсальный способ, правда с определенным опозданием, благодарить всех наших сахарских

друзей, без помощи которых наша поездка не могла бы продолжаться. Поскольку фотографирование еще не стало для жителей Сахары обычным и распространенным развлечением, хороший снимок представляет там большую ценность, чем у нас.

Последняя ночь принесла две новости. В дюнах мы, к своему величайшему удивлению, обнаружили большого широкопалого геккона *Tarentola neglecta*, ему надлежало бы висеть на своих лапках с прикрепительными пластинками головой вниз под каким-либо выступом скалы, а не бегать по песку. Где он скрывался днем, осталось для нас загадкой; вряд ли он мог закопаться в песок своими «пластинчатыми» лапками, а на поверхности днем его бы убила жара.

Потом мы напали на след более мелкого родственника рогатой гадюки, принадлежащего к виду *Cerastes Viperæ*, который я должен благодарить за знакомство с гардайской больницей и продление пребывания в Алжире на неделю. Эту змею в Чехословакию еще не привозили. Вид малоизвестный, но, если помните, она является одним из героев сказки «Маленький принц» Сент-Экзюпери, так же как и сахарская лисичка — фенек, о которой речь будет дальше.

Утром предыдущего дня дул сильный ветер, из чего явствовало, что след был свежий. Мы пошли по нему и подсчитали, что с наступлением сумерек (когда она выныривает из песчаного укрытия) змейка успела «набегать», выслеживая добычу, почти два километра. Внушительная цифра для животного размером всего около 35 сантиметров; впрочем, ничего другого ей не остается, если она хочет прокормиться в пустыне. Кстати, наблюдения в террариуме показали, что змеи *Cerastes* охотятся постоянно; ночью выслеживают добычу, днем поджидают ее, зарывшись в песок, только глаза остаются на поверхности и просматривают все вокруг. Если мимо пробежит подходящая добыча, змея с быстротой молнии выскакивает из песка. А что она сделает, если мимо пройдет человек? Скорее всего останется в укрытии, не выдавая себя; однако, если вы остановитесь около нее и змея решит, что вы ее обнаружили, она выскочит из песка и убежит. Как только почувствует, что достаточно удалась от опасного места, снова зарывается в песок. При этом она не ввинчивается в песок, как пустынные удавчики *Eryx*, которые в него залезают. Змеи *Cerastes* просто утопают в песке без продольного движения, заер-

зают — и нет их. Однако на поверхности остается предательский след, который легко обнаружить.

Чтобы не пропустить еще раз самолет, мы отправились на север пораньше. Первая машина довезла нас до перекрестка в 30 километрах от Гардаи, где повернула на восток. Перекресток был на открытой ровной местности без малейшей тени. Господствовало безветрие, и близился полдень, а это означало, что движение прекратилось, как минимум, на три часа. Невдалеке виднелся небольшой островок кустарника; от нечего делать мы осмотрели кусты так тщательно, что там не скрылся бы и муравей, но ничего не нашли. Жара стояла невыносимая, и мы решили взять пример с мелких пустынных животных: расположились между кустами в их слабой тени и постепенно погрузились в беспмятство.

Было ли у вас когда-нибудь такое необъяснимое ощущение, что за вами кто-то наблюдает или следит? Вот такое неясное, неотвязное и беспокойное ощущение внезапно возвратило меня в настороженное, бдительное состояние. Даже не пошевелившись (я лежал на боку), я тихонько приоткрыл глаза и увидел два чужих глаза, которые внимательно рассматривают меня с расстояния едва ли двадцати сантиметров. Глаза принадлежали тонкой длинной, более метра, змее, тело которой, вплетенное в кусты, трудно было разглядеть. Глаза ее по сравнению с головой были непомерно велики, как у очень быстрой змеи-стрелы. С минуту мы смотрели друг на друга, и я приготовился сделать бросок правой рукой; бросок должен быть быстрым, как молния, и точно нацеленным. Я сделал его — и в руке у меня оказалось только несколько сухих веточек. Змея исчезла, как будто ее никогда и не было. Однако я был уверен, что мне это не приснилось, — я быстро вскочил и осмотрелся, надеясь увидеть уползающую змею. Вокруг было мертво, как и до этого. Я разбудил Петра, и мы окружили кусты. Мы рассмотрели их сантиметр за сантиметром, почти вывернули наизнанку — и ничего. Вокруг на песке не было никаких змеиных следов. Петр собирался выразить мне недоверие и напоследок провел ногой по ветвям. Что-то стремительно выскочило из кустов, и, хоть мы и бежали так быстро, как только могли, мы догнали этот летящий бич, только когда он пытался спрятаться в другом большом кусте. Это была зеринге, или зеринг (*Psammophis sehokari*), — змея хотя и ядовитая, но никогда не кусающаяся. Даже если бы она укусила человека, яд не

мог бы подействовать, ее ядовитые зубы расположены слишком далеко — в глубине пасти.

Неожиданно стремительные движения этих хрупких и нежных созданий часто пугают людей. В некоторых азиатских пустынных областях даже существует поверье, что такая змея может человека «прострелить» — пробежать сквозь него. Парадоксально, что те же люди часто вовсе не боятся толстых и медлительных змей, которые при встрече с человеком медленно уползают в укрытие и чье поведение, казалось бы, не возбуждает опасений, хотя на самом деле здесь они были бы более оправданны.

Мы продолжили наш путь на север и довольно быстро добрались до Алжира. Самым потрясающим впечатлением было то, что в Атласе с небес падала вода, а не песок. И пейзаж казался нам необычным и странным — зеленым, а из-за растительности нельзя различить, что это — эрг, рег, сериф или хамада. Местами деревья росли так густо, что, казалось, если человек войдет в заросли, он вряд ли выберется из них. Удивительно, как в этих местах могло жить такое количество людей. Для нас все это было довольно непривычно.

Глава VI

НАСКАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ В ТАССИЛИ

Экспедиция, теперь уже из шести человек, сформировалась опять на базе Союза охраны природы при Национальном музее. В нее вошли и секретарь организации Отакар Лейски, и доктор Милада Лейска, оба одновременно сотрудники Государственного института охраны природы и памятников.

В ходе сбора предварительной информации Оттик познакомился с доктором М. Розенхалом из Брно, успешным раньше нас побывать в Тассили и собственными глазами увидеть эти знаменитые рисунки. Его сообщение было неутешительным: рисунки плохо видны, сфотографировать их почти невозможно. Неприятная новость тем не менее соответствовала тому удивительному факту, что Анри Лот (известный нашим читателям по переводу книги «В поисках фресок Тассили») во время своих изыскательских и исследовательских экспедиций вместо то-

го, чтобы делать фотографии, привез с собой «орду» художников, которых ему удалось сманить с Монмартра в пустыню. Те из них, кто выдержал условия Сахары — ценой невероятных усилий, сделали копии наскальных фресок, во многих отношениях более совершенные, чем оригиналы в нынешнем их состоянии. Потом все-таки оказалось, что с помощью специально подобранной техники можно сделать достаточно наглядные фотографии, и притом дающие, бесспорно, более реалистическое представление о фресках. В этом мы, однако, убедились уже на месте. Перед отъездом мы думали, что без съемки копий нам не обойтись, если мы хотим привезти хоть какие-нибудь свидетельства об изменении природной среды Сахары и животного мира в период наступления пустыни, что отражено в рисунках. И вот нашей «ордой» художников с Монмартра стала художница Яна Косманова с Летны³. Кроме того, мы позволили себе роскошь иметь медицинское обслуживание, которое обеспечивала Вера Кралова из пражской санитарной станции. Само собой разумеется, Петр Шмерак не остался дома; из нашей прошлогодней тройцы не было только Софьи, которая в это время изучала в Париже какие-то подозрительные науки, и потому роль переводчиков должны были взять на себя Отик с Миладой. Союз охраны природы — организация общественная, поэтому он не мог ни организовать экспедицию, ни субсидировать ее. Он мог только поддержать нас в нашей просьбе выделить валюту на индивидуальный туризм. Так что на этот раз мы оказались в Алжире в десять раз богаче, чем в предыдущий, имея по 100 долларов на человека. Много это для Тассили или мало? Вероятно, достаточно, тем более что нам удалось достать по билету для каждого на трассу Алжир — Джанет (с правом пользования в любое время и на любой другой трассе).

Билеты мы приберегли до худших времен и отправились на юг известным нам способом по знакомой дороге Алжир — Блида — Медеа — Джелфа — Лагуат — Гардая. Перед отъездом мы собрались на небольшую экскурсию в «Обезьянью долину» за Блидой в отрогах Телль-Атласа, внезапно вырастающего здесь над приморской равниной.

Долина имеет статус резервации, но решающим экономическим фактором процветания расположенного

³ Летна — район Праги, так же как Монмартр расположившийся на холме.— *Примеч. пер.*

здесь «постоялого двора» — гостиницы и ресторана — стали обезьяны. Гостиница занимает «стратегическое» положение: она стоит у самой важной магистрали «Север—Юг», проходящей по узкому каньону среди дикой природы. Во время освободительной войны здание было разрушено, а окружающие леса подожжены французами, чтобы партизанам негде было укрыться. Все это принесло этим местам известность, и после окончания войны их восстановлению было уделено особое внимание. Не забыли взять под охрану и животных, что принесло дополнительный доход: большинство туристов, конечно же, останавливается здесь, чтобы посмотреть на обезьянок, которые носятся вокруг, но предпочитают все же террасу гостиницы, где можно выпросить у посетителей лакомство. Если гость хочет поиграть с обезьянками, ему приходится что-нибудь покупать им; при этом он покупает что-нибудь и себе. Предприятие процветает и обезьянок в обиду не дает. Все это — пример того, как молодые африканские государства могут обеспечить охрану фауны, несмотря на то что в них еще не созрело сознание необходимости охранять остатки животного мира.

Группа из шести человек, конечно, не могла путешествовать автостопом. И мы договорились встретиться в Джанете через тринадцать дней.

В оазис Гардаея путь вел дорогами, знакомыми с прошлого года; но от «перекрестка песчаной змеи» за Гардаея дорога наша теперь шла на восток, в Уарглу, административный центр всего края — оазиса размером с крупное европейское государство, а оттуда прямо на юг. Самая большая удача выпала на долю Петра с Верой, когда они «поймали» за Гардаея лендровер, направляющийся прямо в Джанет через Ин-Аменас и Иллизи (куда ходили только легковушки). В Джанете можно встретить в основном грузовики, которые в Хасси-Бель-Гebbуре сворачивают с шоссе и продолжают свой путь через Амгид уже по абсолютно безлюдной пустыне. В Амгиде никто не живет, там есть только источник.

В Хасси-Бель-Гebbуре нас встретила неутихающая песчаная буря, бензоколонка, единственная на всем шестисоткилометровом пути, и большое здание, часть которого служила «рестораном и столовой», как правило, только для шести одиноких людей, обслуживающих все

это. Они напоминали служителей маяка в центре пустыни, и у них были те же психологические проблемы: двое из них, жившие здесь уже несколько лет, часто за весь день не произносили ни слова.

Наш первый вопрос касался, естественно, интенсивности движения в сторону Джанета. Иногда целые недели туда не сворачивает ни одна машина, иногда же ездят через день, отвечали нам, можете занять вон ту маленькую лачугу, она свободна — и ждите. Воду из цистерны берегите, ее привозят сюда за 200 километров.

Мы прожили в Хасси-Бель-Геббуре четыре дня, прежде чем заметили сам «хасси» (колодец) — он находился в семи километрах севернее, и вода в нем была почти непригодна для питья. Его мрачно окрестили колодцем семи мертвецов, после того как группа путников заблудилась в песчаной буре и погибла недалеко от колодца, не найдя его. Пока мы ждали машину, со мной чуть не приключилось нечто подобное: песчаная буря утихла, и я пошел к дюнам, но вдруг ветер опять начал усиливаться. Я быстро добежал до шоссе: по нему до нашего жилища меньше километра. А ветер все усиливался. Видимость уменьшилась до двадцати метров, но, что было еще хуже, не было видно дороги, которую заметал песок. Через минуту я уже не был уверен, что иду по ней. И мне ничего другого не оставалось, как идти на четвереньках и искать дорогу на ощупь в порывах песчаных масс. Только таким образом мне удалось не сбиться с пути и добраться до хижины.

На четвертый день появились наконец два грузовика, которые направлялись не в Ин-Аменас, а прямо в Джанет. Однако это еще совсем не значило, что они возьмут нас с собой. Впереди нас ожидала почти тысячекилометровая трудная дорога с постоянной опасностью заблудиться в абсолютно безлюдной местности, и здесь каждому приходится рассчитывать только на себя. Взять с собой незнакомого и неопытного человека — огромная ответственность для начальника конвоя (без конвоя на эту трассу машины не выпускают), который отвечает за все — за то, чтобы не сбиться с пути даже в самую плохую погоду, не остаться без горючего, воды и продовольствия на случай непредвиденной аварии или остановки в пути. Нам удалось доказать, что мы в Сахаре не новички и лишних забот не доставим. Шеф и штурман Абдеррахман Мекки предложил нам места в своей, ведущей машине и представил нам своего грузчика, до-

вольно хилого на вид Зергуина, и трех членов экипажа второй машины, большого грузовика с прицепом. Грузчик второго грузовика Мохамед был полной противоположностью Зергуина — не менее двух метров роста. Несмотря на это, они были друзьями, а для остальных — мишенью для постоянных насмешек.

Путешествие по трассе Амгид — Джанет продолжалось шесть дней и было во всех отношениях незабываемым. Ландшафт все время менялся, а строение наносных песков привело бы в восторг любого геолога своим разнообразием. В одном месте, где трасса, проходящая по открытой равнине, была обозначена пустыми бидонами от горючего, выброшенными из машин, мы подъехали к необычному строению — сарайчику, стены которого были сложены из таких бидонов и обмазаны глиной. Мы остановились на обед.

— Как это называется?

— Как пожелаете, — ответил нам Абдеррахман. — Чаще всего мы называем это *Bidon Merde*, что приблизительно означает «У черта на рогах».

Мы надеялись спокойно пообедать, но поднялся ветер, потом вихрь, а потом уже начался настоящий ураган. Мы бросились к нашему оборудованию, чтобы его не унесло ветром и не занесло песком, особенно фотоаппаратуру. Только Отик достал из чехла свою «Практику» и попытался запечатлеть разъяренную стихию. Фотоаппарат, как ни странно, пережил это. В довершение всего полил дождь, так что на подветренной стороне нашего сарайчика и автомобилей образовался слой влажной «штукатурки». Как всегда, когда в Сахаре идет дождь, наступило резкое похолодание из-за быстрого испарения воды в сухом сахарском воздухе.

Стихия утихла так же внезапно, как и разбушевалась, — и мы продолжили наш путь. Дорога шла по твердому грунту, напоминавшему поле аэродрома и простиравшемуся во все стороны, насколько хватало глаз. Трудно было определить, куда мы должны ехать, но наш навигатор, однако, уверенно ехал все время вперед. Через довольно долгое время на горизонте, точно в том месте, куда мы направлялись, что-то возникло. Это оказалась одинокая старая акация; она служила, очевидно, надежным ориентиром. Вокруг нее было много свидетельств того, что проезжающие мимо караваны часто пользуются ее тенью для полуденного отдыха и обеда.

Самый известный из таких живых маяков пустыни —

тенерское дерево. Если дома у вас есть обычная карта Северной Африки масштабом 1:16000000, то в эрге Тенере, на восток от горного массива Аир, можно найти кружочек с надписью «*arbre*» — «дерево». (На карте Европы такого же масштаба кружочком были бы обозначены города наподобие Остравы или Кошице). Весной 1973 года в газетах всего мира появилось короткое сообщение, на которое вы могли не обратить внимания. У нас оно было напечатано под заголовком «Умерло самое одинокое дерево на свете». Самым грустным в этой истории было то, что дерево стало жертвой человеческой небрежности и черствости. Транссахарский грузовик, заезжавший задним ходом в тень под его крону, наехал на дерево. Оно было высотой чуть больше пяти метров, а черпало воду с глубины в десять раз большей.

Еще через полчаса езды мы увидели на безжизненной равнине еще одно неожиданное проявление жизни — газель. И хотя она вряд ли могла служить ориентиром, как упомянутое выше дерево, наши водители тотчас изменили курс и поехали прямо на нее. Но газель обратилась в бегство и быстро исчезла из виду среди небольших холмов местности. Водители остановили машины и вышли для каких-то переговоров. Затем вооружились тяжелым инструментом и полчаса трудились в поте лица, пока не отделили прицеп от грузовика. Двое из них сели в кабину и уехали. Остальные, уставшие от жары и работы, улеглись в тени прицепа. С минуту еще было видно, как грузовик кружит на горизонте, а потом он исчез.

Грузовик не появлялся довольно долго. Найдет ли он нас вообще? Напрасные опасения, которые, кроме нас, никому и в голову не приходили. Когда ампутированная передняя часть транспорта возвращалась, всех одолевала другая забота: привезли? Привезли. В кабине была та самая газель, и мы бросились к фотоаппаратам. Однако наши экспедиторы, обычно любезные и услужливые, смотрели на наше желание запечатлеть все это документально с досадой и неприязнью. Они быстро достали кувшин и над ним длинным ножом перерезали газели горло. Затравленный зверь упал, а сосуд наполнился кровью. Пока готовилось угощение, к нам подошел «шеф» конвоя и настоятельно просил нас нигде не показывать снимки газели. Такой способ охоты здесь строго запрещен, и, если об этом случае узнают, им грозят большие неприятности. Потом, когда наступило «пирше-

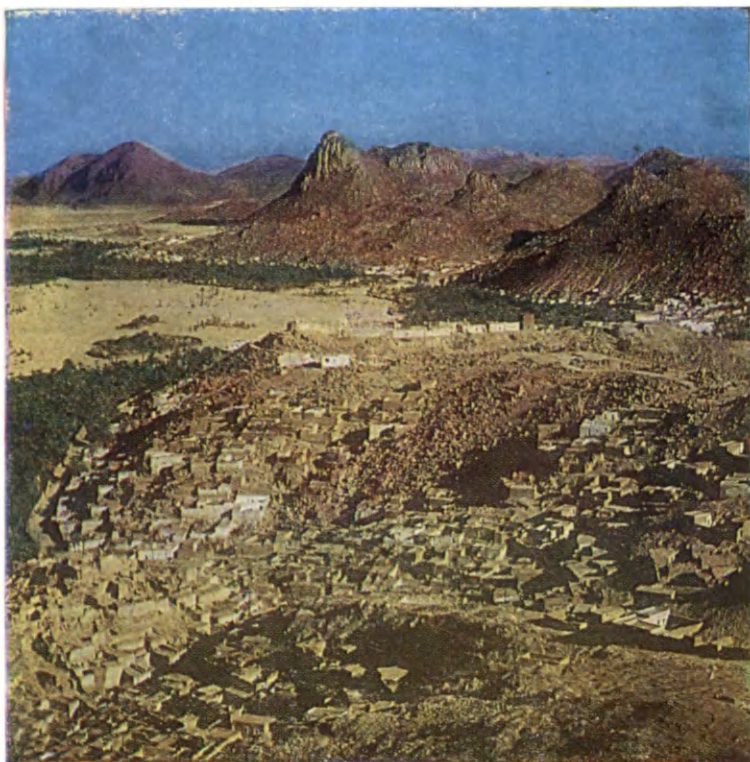
ство», каждый из нас получил свою долю, чтобы уж совсем не сомневаться в своей сопричастности ко всему.

По пути мы не раз видели рога и другие останки этого редкого животного; по всей вероятности, «улучшение питания в пути», свидетелями которого мы стали, не является чем-то необычным. Запреты и охранные меры мало помогают.

Из многих случаев истребления животных, с которыми мы столкнулись в Сахаре, этот менее всех достоин осуждения, поскольку в принципе это была охота с целью добычи пропитания. Белковая пища в Сахаре — проблема серьезная, и кочевое скотоводство, конечно же, не является идеальной формой «разведения животных» в Сахаре, как, впрочем, и в любой другой части Африки. Кочевое скотоводство способствует повреждению растительного покрова и наступлению пустыни, так как стада пасутся на одном месте и переходят на другое пастбище, только когда на прежнем не останется ни травинки. Некоторые виды домашних животных (особенно козы) при недостатке пищи часто выдергивают растения с корнем. Скученные стада при длительных стоянках разрушают поверхностные слои почвы, что в тропиках имеет столь же печальные последствия, как и уничтожение растительного покрова. В условиях интенсивного солнечного облучения почва быстро высыхает, распыляется ветром, или ее смывают дожди. Дикие же животные, наоборот, быстрее перебираются с места на место и не создают больших скоплений.

Они поедают растительность так, что она не теряет способность возобновляться. И эффективность превращения растительной массы в животный белок у многих диких животных выше, чем у домашних. Поэтому продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН—ФАО предложила для некоторых районов Африки разводить и отстреливать диких животных, живущих на свободе. Это заменяет в принципе кочевое скотоводство, а нарушений почвы и природных источников, к которым ведет нынешняя форма скотоводства, не происходит. Ввести такой способ производства животного белка в Сахаре труднее, чем в других частях Африки, так как этот район может прокормить чрезвычайно малое количество населения и животных здесь тоже мало.

На пятый день нашего становившегося все более трудным путешествия появилась зелень: огромные куртины травы и кустарников, местами даже деревья —

Джанет
Следы на песке

Chalcides sepsoides
Нога геккона из Таманрассета

Серия фресок. Тагит
Скальная скульптура. Тагит

Центральный Ахаггар,
снятый широкоугольным объективом с горы
След пустынной змеи

Рогатый чертик
Сольпуга из Таманрассета

Охота песчаной змеи зеринге

Двойная скальная башня в Тан Зумаитаке.
Песчаные эфы в домашнем террариуме

Охотящийся хамелеон...
«одним выстрелом» ловит двух сверчков

Скорпионы — опасные представители сахарской фауны
Гафинек по пути из Туниса в Палермо

Чучела варанов и шипохвостов на рынке в Гардае
Черный тассилийский шипохвост

Серый варан — величественный хищник
Варан с пойманной колючей мышью

Главная дорога в Тассили после дождя
Жук-златка вида юлодий. Восточный Ахаггар

«Татра» с трудом пробирается в песках долины Сирзуф
Чай в доме проводника Бухуша

Измерение глубины «гельты последнего крокодила» в Игерире
Жена и дети Бухуша

Фрески под скалой в Тин Тазарифте
Травертиновое озеро в Азарифе

«Отель Тарот» — эндемический тассилийский кипарис
с регистрационным номером «1» в Тамрите
Гельта Ифри. Спор о территории

акация и тамариски. С правой стороны на горизонте вырисовывались невысокие дюны эрга Адмер, с левой — поднималась гряда скальных замков причудливых силуэтов, тянущаяся к югу, — Тассили! Недаром на карте эта часть дороги обведена зеленой линией, а в объяснениях стоит: *pittoresque* (живописная дорога). Приближались горы, и после пяти дней одиночества мы наконец увидели и других людей кроме членов наших экипажей; появились разбросанные домики и небольшая крепость.

— Джанет? — спросили мы нетерпеливо.

— Какой там Джанет, — унимали нас перевозчики, — это маленький туарегский оазис Зауаталлаз с брошенной крепостью Форт-Гардель. Здесь перекресток, и, если бы вы ехали через Ин-Аменас, вы бы приехали вон туда, в горы.

До Джанета уже оставалось в общем около 150 километров, он был уже в принципе «в пределах досягаемости». В действительности же самый тяжелый путь нам еще предстоял, поскольку справа от дороги лежала пустыня, слева возвышались скалы и уже через 20 километров мы увязли в песчаном подъеме из долины Сисуф. Дул обжигающий ветер, по земле стелились подвижные языки песка.

Вытаскивать из песка застрявший в нем тяжелый, нагруженный доверху грузовик, поверьте, занятие не из приятных. Прежде всего приходилось разгрести песок перед колесами, затем раскладывать перед ними полосы «запасной дороги» весом в полцентнера каждая в виде перфорированной толстой жести длиной несколько метров. Машина наезжает на спасательные полосы и едет по ним до конца (полос бывает три-четыре пары). При этом начало «дороги» вдавливается глубоко в песок; его нужно найти, откопать, перенести полосу вперед и снова дать машине немного продвинуться.

Европейцу трудно представить, чего стоят описанные упражнения в сахарской жаре. Мы, конечно, старались помогать водителям, но не могли выдержать их темп — схватить полцентнера, пробежать с этим грузом 20 метров по рыхлому песчаному откосу вверх, бросить груз на песок, уложить его перед колесом — и назад за следующей полосой. В сорокапятиградусной жаре даже попытка завязать шнурок ботинка кажется изнурительным занятием. Песчаное поле было бесконечно, а экипажи машин в отличие от нас неутомимы. Ветер усиливался

и бичевал нас тучами песка. И вот в разгар этой стихии великан Мохамед вдруг подскочил к маленькому Зергуину, с трудом тащившему на спине жестяную «дорогу» втрое длиннее его, взвалил его себе на спину вместе с грузом и уже с ним и полосой поскакал галопом вперед, весело и озорно насвистывая. С отчаянным стоном бросился я стремглав к машине за своим фотоаппаратом, чтобы сделать снимок. Я успел несколько раз «щелкнуть» и затем упал в песок, обессиленный этим представлением, но счастливый тем, что успел сделать «бессмертный снимок». Меньше чем через две недели я поплатился за эту радость, но в тот момент я еще ничего не знал об этом.

Последние 150 километров мы ехали целый день; это была очень тяжелая дорога. К вечеру, однако, мы были щедро вознаграждены. Перед нами предстал Джанет, и его волшебная панорама все время менялась, пока мы проезжали долину, где слева расстился зеленый ковер из пальмовых рощ и садов, а справа поднимались склоны с прилепившимися к ним коробочками каменных строений и крепостью наверху. Завершал панораму возвышавшийся вдали величественный «Джанетский конус», могучее горное образование, размещенное с редким композиционным вкусом на тассилийском плато как раз там, где разместил бы его фотограф или художник. Долина под ним сворачивала влево, и зеленый ковер в этом месте терялся среди золотых песчаных дюн.

Мы отправились на почту за письмом от Веры и Петра и по дороге встретили их. Они были здесь уже десять дней и понемногу свыклись с мыслью, что уже никогда нас не увидят. Жили они в заброшенных гаражах Иностранного легиона вместе с молодым моторизованным немецким путешественником Экхардом Римом. Они собрали множество интересных коллекций и не менее интересно разместили их; например, в яме для монтажа прыгали четыре жабы, сразу ставшие предметом моей фотострасти; в тазах для стирки жили скорпионы, и повсюду были развешаны полотняные мешочки с гекконами, агамами, змеями и шипохвостами.

На другой день утром мы отправились в местное экскурсионное бюро, организующее поездки в горы к наскальным росписям. Экхард решил пойти с нами, хотя уже был там, — фрески стоили того.

Нам выделили проводника — старого туарега, звали его (как уж заведено в Алжире) Мохамед, он должен

был постараться, чтобы мы не заблудились; и еще с нами шел мальчик Саддик, в обязанности которого входило следить за пятью осликами, несшими наш груз, запасы воды и продовольствия.

Мы отправились из Джанета к груде гор тассилийского сброса и поднялись на 700 метров до перевала Тафилалет. Пейзаж с каньонами и отвесными скалами был фантастическим — диким и живописным. Как бы назло пустыне, местами попадались цветущие олеандры и островки другой зелени. Иногда в углублениях каньона мы обнаруживали лужу мутной воды с личинками насекомых, плавунцами и изобилием других интересных живых существ, а иногда и цветов. Целых восемь дней мы были вынуждены пить воду из этих сомнительных источников, называемых гельтами; но воды сахарских гор, видимо, не являются рассадниками инфекции, поскольку экспедиции Анри Лота пили ее здесь долгие месяцы, а горные туареги — всю жизнь.

После целого дня подъема по каньонам и скальным откосам мы внезапно очутились на верху плоскогорья, которое совсем не соответствует обычным представлениям о горах; к востоку простиралась, насколько хватало глаз, совсем ровная каменная поверхность, чуть снижающаяся, что можно было заметить по нескольким канавкам, выдолбленным теперь уже высохшими ручьями воды, бежавшими здесь в период зимних дождей. На западе за нашими спинами этот пейзаж обрывался восьмиметровым сбросом.

К вечеру на востоке у горизонта появилось нечто похожее на дремучий лес. Прежде чем солнце зашло, мы успели дойти до этого «леса». Перед нами оказались знаменитые скальные колонны Тамрита. Мы ночевали, подобно создателям доисторических художественных произведений, — под навесами скал, называемыми «абрис». Их выдолбили у подножия колоннообразных скал потоки воды тысячи лет назад; сегодня здесь все засыпал песок.

Все последующие дни мы бродили по узеньким улочкам и широким площадям необозримых лабиринтов и приходили в священный трепет от того, как наш Мохамед легко здесь ориентировался, на этих тысячах квадратных километров, мы бы заблудились здесь навсегда уже через сто метров. Мы увидели несчетное множество наскальных рисунков Тамрита, Тин Абу Тека, Ин-Итинена, Тин-Тазарифта и Сефара, и это только незначи-

тельная часть того, что открыто. А что великое множество их до сих пор еще не обнаружено, доказывают ежегодные новые открытия, к каковым имела некоторое отношение и наша следующая экспедиция, в 1973 году.

Мы были приятно удивлены тем, что информация о невозможности сфотографировать наскальные рисунки не имела оснований. Недостаток света можно было компенсировать — увеличить выдержку; увеличение контрастности снимка — дело дальнейшей обработки материала. Искажение цветов из-за освещения лучами, отраженными от желтого песка, можно исправить при печатании снимков, а можно снимать и при искусственном освещении (вспышкой).

В чем заключается ценность тассилийских фресок с точки зрения естествоиспытателя? Они не только свидетельствуют о развитии неолитических культур и их упадке, но и дают представление об изменении жизненных условий и природной среды; по ним можно судить о постепенном высыхании местности и исчезновении отдельных видов животных, а также оценить роль в этом человека, который своей деятельностью способствовал возникновению пустыни.

Тассилийские наскальные фрески относятся к нескольким основным периодам, которые перекрывают друг друга. Самая древняя эпоха (до 10 000 лет до н. э.) оставила нам изображения охотничьих сцен и всего богатства фауны того времени. Рисунки подтверждают существование большинства характерных представителей крупных африканских животных (страусов, жирафов, антилоп, слонов, а также гиппопотамов, которые не могут жить без воды) в Сахаре и в более поздние периоды, когда она была уже заселена скотоводческими племенами. К этому времени относится наибольшее количество рисунков, а их художественный уровень самый высокий. На рисунках скотоводческого периода преобладают стада одомашненных животных как символ изобилия и благосостояния. Кроме того, появляются рисунки интроспективные, изображающие сцены человеческой жизни, попадаются символы магического и культового характера.

В период расцвета скотоводства начинается роковой процесс опустынивания Сахары под влиянием постепенного изменения климата. Этот процесс продолжается с небольшими отступлениями до сегодняшнего дня, пустыня захватывает все новые земли. Многочис-

ленные скотоводческие поселения начали терять источники питания. Уже в те времена, так же как и сегодня в Африке и странах Сахеля, многочисленные сахарские стада явно способствовали опустошению земель и превращению их в пустыню. За уничтожением растительного покрова следовало постепенное разрушение почв, их размывали периодические дожди и развеивал ветер. За оставшиеся источники питания, вероятно, велась жесткая борьба, во время которой «музы молчали». Если рисунки и появляются, то их уровень при общем хозяйственном и культурном упадке тоже падает. После исчезновения постоянных скотоводческих поселений появляются рисунки мигрирующих групп, путешествующих на конях. Следующая волна опустынивания истребила в начале нашего тысячелетия и лошадей. Последние две тысячи лет здешняя ситуация представляется лишь очень примитивными изображениями верблюда.

Несколько раз в этом сказочном нереальном ландшафте Тассили нам попадались и тароты — тассилийские кипарисы. Здесь зарегистрировано 130 кипарисов, возраст которых определяется в тысячу лет; но мы нашли только одно молодое деревце. Деревья гибнут все быстрее, потому что на тассилийском плато становится все оживленнее, а других деревьев для топлива и домашних нужд здесь практически нет. Раскидистая крона старых кипарисов бывает живой только частично. Этот реликтовый вид, который не растет больше нигде на земном шаре, да и здесь встречается лишь на небольшой площади на высоте более 1500 метров, является живым памятником «лучших времен» Сахары. Семена тарота в настоящее время уже не дают всходов. Раскидистое дерево с номерным знаком «1» стоит в Тамрите у караванного пути из Джанета в Гат в Ливии. Благодаря своей тени дерево с незапамятных времен служит одновременно отелем, стойлом, складом и вешалкой.

Переполненные впечатлениями, вернулись мы в Джанет, где нас, и прежде всего меня, ожидал удар: машина Экхарда, в которой мы перед отъездом собрали и заперли все вещи, была ограблена. Не полностью, видно, вора довольно быстро спугнули. Больше всего вора заинтересовал мой рюкзак, лежавший под тем окном машины, которое он разбил. И хотя значительные материальные потери и пропажа всего запаса валюты, конечно, неприятны сами по себе, я пришел в отчаяние, только когда увидел, что нет мешочка с отснятыми пленками. От все-

го путешествия до самого Джанета не осталось ничего! А там был Мохамед, несущий Зергуина с полосой металла, все пейзажи, все дорожные происшествия, репортаж о преследовании газели... А не вызвана ли кража страхом перед обнародованием этих снимков? Но пропали и другие вещи и деньги; почему, однако, не пропало ничего в течение тех десяти дней, когда Вера, Петр и Экхард оставляли все свои вещи незапертыми, а просто лежащими открыто — и при этом часто с утра до вечера их не было дома? Жители оазисов и сахарские бедуины не занимаются воровством; а что, если это сами «стражи закона» с севера? Или водители проезжающих мимо транссахарских грузовиков, или просто туристы? Слишком много вопросов — и ни одного ответа. Что делать? Мне казалось, что следует заявить о краже в полицию, хотя остальные реагировали на это довольно спокойно, говорили, что это не поможет, и не хотели идти со мной. Тогда я заявил, что, если они со мной не пойдут, я пойду один, но пусть Ота научит меня, что и как я должен сказать по-французски. Ота минуту отсутствующим взглядом смотрел в пустоту, а затем сказал: «Он ма воле», что по-чешски означает: «У него есть зоб». Поскольку ни у кого из присутствующих не было неприятностей с щитовидной железой, а если бы и были, то замечание это прозвучало не совсем уместно в данной ситуации, я испугался, что ко всем прочим нашим несчастьям с Отой на обратном пути случился солнечный удар или какая-то другая болезнь, проявляющаяся обычно бредом. Позднее выяснилось, что ошибался я, поскольку фраза эта была произнесена по-французски («*on t'a volé*») и была в принципе ответом на мой вопрос. Между тем Милада и Ота решили пойти со мной в полицию. В результате появился протокол, если выражаться канцелярским языком. У меня по крайней мере был документ, который я мог представить при таможенном контроле.

Мир потерял для меня краски, а Джанет утратил свои прелести. Остались только жара и мухи. В полной апатии сел я в самолет, который летел на север, и немного оживился, только когда под нами появились Тафилалет и скальные «города» Тамрита. Я достал оставшуюся «Экзакту» (вторую тоже украли) и попытался с самолета снять пейзаж под нами. К сожалению, близился полдень, ландшафт потерял рельефность, и я оставил эту затею.

Мы высадились в Гардае и до Алжира доехали авто-
стопом. Здесь мы оставили лишний груз и коллекции
живности и снова совершили «вылазку» в пустыню —
теперь в северо-западную сахарскую впадину Шотт-
Мельгир с оазисом Бискра. По дороге мы остановились
в Тимгаде, самом большом памятнике римской колони-
зации на земле Алжира.

С незапамятных времен я испытываю особый интерес
к исторической архитектуре. Старые, потрескавшиеся сте-
ны служат идеальным убежищем массе животных, и
здесь можно найти то, что вы будете безуспешно разы-
скивать по всей округе. В тот момент, когда я собирал-
ся проникнуть в хорошо сохранившееся со времен коло-
низации подземелье, ко мне подошли два мальчика и
предложили купить у них горсть старых римских монет,
которые здесь еще и сейчас находят в большом количе-
стве. Я ласково улыбнулся им и объяснил, что монеты я
не ищу, да и все равно у меня нет денег для того, чтобы
купить такую редкость. Мальчики слегка удивились и
стали объяснять, что уступят дешево, — видимо, решили,
что я пытаюсь торговаться. Тогда я прибегнул к наг-
лядному методу. Я пошарил рукой в подземной шахте и
вытянул геккона *Tarentola mauretanic*, которых там
было видимо-невидимо.

— Вот это вы умеете искать?—спросил я как ни в
чем не бывало.

Ребята, как им и положено, пришли в неописуемый
восторг. Среди бесчисленных туристов, наводняющих
Тимгад, романтически вздыхающих икупающих су-
вениры, я был исключением, свежей струей, прямо оази-
сом в пустыне для молодежи, которая пока еще не ут-
ратила фантазии. Они бросили свой промысел и четыре
часа ловили со мной ящериц, сцинков и змей. Благода-
ря им я поймал интересную рыже-коричневую змею
Malpolon monspessulanus (обыкновенная ящерицная
змея). Они пришли в ужас, увидев, как змея кусает ме-
ня, и в отчаянии пытались растолковать мне, что это
опасно; но они еще не достигли возраста, когда человек
предпочитает, несмотря ни на что, оставаться в заблуж-
дении, так что через минуту они осмелели и один за дру-
гим потрогали змею. Тот, что посмелее, рассудив, что ес-
ли ничего не случилось со мной, то не случится и с ним,
довел это рассуждение до конца — дал себя укусить. От
этого все пришли в некоторое замешательство: им приш-
лось признать, что некая достойная уважения тысячелет-

няя традиция изжила себя. Следует сказать, что хотя это были змеи ядовитые и кусающиеся, но опять-таки они относились к группе, имеющей задние ядовитые зубы, которые при укусе в целях обороны не достигают раны, и яд туда не попадает.

Я уже собрался уходить, а ребята все уговаривали меня пойти к стоящим в отдалении столбам, у которых — они видели в прошлом году — бегало что-то, уж сейчас не помню, что именно. А когда поняли, что соблазнить меня им не удастся, записали мой адрес и дали свой. Наконец, когда я уже решительно распрощался с ними, они высыпали мне в карман все те старинные монеты и еще долго махали мне вслед.

Оазис Бискра лежит в самой северной части Сахары, но, несмотря на это, здесь было так же тепло, как и в Джанете, который лежит на 1500 километров южнее. Дело в том, что оазис лежит в низине, переходящей уже во впадину Шотт-Мельгир и защищенной с севера могучей стеной горного массива Орес. Для нас интереснее всего оказались окрестности плотины Фаум Эль-Герза на границе гор и низменности. Я нашел там пару песчаных эф, гревшихся на солнце в укромном месте между камнями. Это очень опасный вид ядовитых змей *Echis carinatus*.

Обе змеи, после того как я выгреб их крюком от штатива на открытое место, устроили великолепный концерт устрашающих звуков, описанных уже раньше в рассказе о рогатой гадюке, но на этот раз еще более угрожающих и громких. Однако, едва я предложил им убежище — приоткрытый полотняный мешок, — они приняли его с благодарностью, оставалось только завязать мешок. Чуть дальше дорогу мне перебежало очень забавное животное, маленькое насекомоядное с хоботком — североафриканский слоник *Elephantulus rozeti* размером приблизительно с тушканчика и с такими же длинными ногами. Способом существования и питания он напоминает большую землеройку. Невозможно забыть его характерный хоботок, которым он при движении постоянно машет вверх и вниз, если, конечно, не засовывает его в исследовательских целях в разные расщелины в поисках какого-нибудь лакомства. Комический вид слоника невозможно описать словами, даже фотография не может его передать. Только фильм мог бы наглядно представить его поведение.

Несмотря на все наши успехи и необыкновенно инте-

ресные экскурсии, особенно в Тассилин-Аджер, на этот раз я возвращался домой, слегка удрученный тем обстоятельством, что из-за происшествия в Джанете путешествие обошлось мне вдвое дороже, и притом я лишился значительной части фотографического материала. Не было решительно никакой надежды до будущего года возместить потери и собрать деньги для новой поездки. А у нас еще не было ощущения, что мы в Алжире закончили свои дела. Многие интересные области мы вообще еще не видели, и на наших результатах лежала печать ограниченности наших возможностей и средств. Отакар Лейски вспоминал больше всего Тассилин-Аджер и говорил, что оно не должно быть отдано на произвол все растущего туризма; его следует объявить Национальным парком Алжира, и работа по охране в этом парке не должна ограничиваться только наскальной живописью. Должна была бы, не должна была бы... Можем ли мы как-то повлиять на это? Это казалось нереальным; кроме того, у нас много работы и забот дома, а Африка уже снова безнадежно далека.

Глава VII

«СЛЕДЫ НА ПЕСКЕ»

В наших набегах на Африку настал «мертвый сезон»; я в это время участвовал в подготовке экспедиции в Эфиопию, а в 1969 году очутился на вулканах в Италии с экспедицией Стромболи. Сопки произвели на меня глубокое впечатление, они еще появятся в моем дальнейшем рассказе о Сахаре.

Осенью 1969 года выяснилось, что экспедиция в Эфиопию, которую мы готовили на весну 1970 года, откладывается по крайней мере на год. В задумчивости открыл я ящик письменного стола и вытащил оттуда несколько исписанных листков с надписью «Следы на песке» — набросок сценария фильма о Сахаре. Он вылеживался там с осени 1967 года, но и теперь он не казался мне таким уж плохим. Я показал его д-ру В. И. Станеку, и он его даже похвалил. В ответ на мою робкую просьбу д-р Станек согласился принять участие в реализации фильма.

Мы предложили проект экспедиции и набросок сценария фильма, который она должна была снимать, пра-

влению Государственного банка Чехословакии, встретили понимание и получили самое главное — валюту. Владимир Бартош, много лет участвовавший в наших исследованиях карстовых пропастей и пещер и экспедициях на Стромболи и Этну, дополнил программу ожидаемой поездки сценарием еще одного фильма — о работе наших геологов, ищущих уголь в области Бешара, заключил договор с Оставским телевидением и получил от них все необходимое для съемок. Мы заключили договор на съемки «Следов на песке» с соответствующим отделом Пражского телевидения, который обеспечил нас киноплёнкой и даже выдал камеру.

Тут встретились сложности: алжирское посольство в Праге сообщило нам, что для выдачи нам визы они должны получить из Алжира разрешение на съемки. До отъезда оставалось еще два месяца, и потому они советовали нам не волноваться.

Однако в день отъезда визы все еще не было. Учитывая то, что многие съемки мы могли осуществлять только весной и что существовали и другие определенные сроки, отложить отъезд мы не могли. Д-р Станек от участия в поездке отказался, а остальные выехали в Тунис. Владимир Бартош получил пленку и камеру на Пражском телевидении. В поездке приняли участие также П. Язаирова из редакции передач на Африку чехословацкого радио, Л. Сейфертова, главный редактор журнала по африканистике «Solidarité», и этнограф Хью Скиннер. Алжирскую визу, которую мы не смогли получить в Праге за два месяца, алжирское посольство в Тунисе выдало нам сразу же.

Таким образом, экспедиция в Алжир все же состоялась, но крюк в Тунис повлек за собой напрасные расходы средств и времени. Ситуация была критическая, но небезнадежная.

Поскольку с самого начала предполагалось, что мы предоставим результаты нашей кинодеятельности также и Алжиру, мы попытались заполучить какие-нибудь рекомендательные письма, облегчившие бы нам работу на местах. Во время переговоров в мэрии города Алжира, побратима Праги, мы, видимо по недосмотру, попали к начальнику кабинета мэра города господину Магиуту.

Господин Магиут был не просто чиновник, это был необыкновенный человек, уже с первого взгляда в нем был виден человек действия. Он был не стар, скорее, молод. Формальные подробности занимали его мало, он

старался понять, что привело нас сюда и почему мы все это делаем. После долгого разговора он наконец заявил, что мы, видно, знаем, чего хотим, и в нас есть «бон кураж». А это важно, потому что «кто хочет, тот добьется». Алжирцы хотели и завоевали независимость — и мы, конечно, тоже сделаем свой фильм, раз хотим. А чтобы фильм наш удался на славу, он дал нам на месяц машину с шофером, горючим и запасом продуктов.

— Ничего за это не надо, только ваш фильм, если это возможно, хотел бы когда-нибудь увидеть.

(Господин Магиут был родом из района, где велись особенно жестокие освободительные бои, а он провел несколько лет в окопах в заключении со строгим режимом.)

Следующий месяц мы ездили по пустыне. Владимир сумел за три дня отснять двадцатиминутный фильм о том, как геолог Топинка, наш благодетель по поездке 1967 года, и его коллеги ищут и добывают в пустыне уголь. Оставшееся время мы снимали «Следы на песке». Центральной темой фильма были интересные явления природы пустыни и угроза исчезновения различных видов животных. От частных примеров фильм переходил к общей проблеме возникновения и расширения пустыни и участию человека в этом процессе. Кончался фильм кадрами, показывающими, как сегодняшний человек может или полностью опустошить планету, или благоустроить ее и обогатить — в зависимости от того, какой выберет путь.

По возвращении в Прагу мы еще доснимали некоторые сцены из жизни мелких сахарских животных в домашних сахарских дюнах (к этому времени у меня было уже полкубометра настоящего сахарского песка). Опустошенные и обезображенные ландшафты для заключительных кадров фильма мы снимали уже в различных частях чешской земли, главным образом под Прагой.

И потому в доме у меня некоторое время было кинотеатре, где змейки и «песчаные рыбы» погружались в песок, хамелеоны вращали глазами и замедленно выстреливали языком. Когда съемки закончились, мне пришлось участвовать в монтаже; это отняло массу времени, но было поучительно. Затем предстояло озвучивать фильм, но на этой стадии все застопорилось. Оставшееся телевидение показало тем временем с успехом фильм Владимира о работе наших геологов в районе

Бешара. А вскоре после этого мы получили сообщение о том, что фильм «Следы на песке» озвучиваться не будет, так как он пропал.

На этом история киноэкспедиции «Следы на песке» кончилась: монтаж проводился на оригинале, и никто не позаботился о том, чтобы сделать копии. Тяжелее всего сознавать, что мы к тому же обманули доверие таких людей, как господин Магиут из алжирской мэрии, и не смогли выполнить моральные обязательства.

Глава VIII

«ГАФИНЕК»

Сахару я все-таки не возненавидел, и прежде всего благодаря Гафинку. Имя свое он получил позже, а сначала это был просто малюсенький фенечек, которого бедуины выкопали из норы где-то между оазисами Гардая и Эль-Голеа. В сценарии фильма «Следы на песке» этой прелестной пустынной лисичке отводилась значительная роль, и мы купили ее в качестве киноактера за 15 динаров. Фенек берберский (*Fennecus zereda*) взрослый — необыкновенно красивый зверек, а детеныши просто очаровательны. И если не будут приняты надлежащие меры, это очарование очень скоро станет для них роковым. Уже сейчас редко удается фенекам вырастить свое потомство вблизи оазисов и оживленных трасс. («Вблизи» означает в Сахаре 30—100 километров.)

Когда детеныши фенека так малы, что не могут убежать, приходят бедуины, берут мотыги—и малышки оказываются в мешках. Их продают у дороги или прямо в оазисе. Богатые наивные американки и сентиментальные немки, само собой разумеется, не могут устоять. В приливе восторженного экстаза они покупают золотистый меховой комочек с огромными ушами, нежным носиком и бусинками-глазками. О их жизни на воле они знают так же мало, как и о том, что этот зверек будет вытворять в их доме. Если кто-либо из читателей захочет завести фенека, предупреждаю, что они роют норы в стенах и ливанах, ночью скачут по столам и другой мебели, сбрасывают вещи на пол и играют, подбрасывая и катая их, поднимая невероятный шум. Если им повезет и они найдут сыпучие продукты (мука, соль), они с ог-

ромным восторгом разгребут их и разнесут по всему дому. Электрические провода они с удовольствием разгрызут на части. И так далее. Бороться с этим, запирая фенека на ночь в какую-нибудь клетку,— отвратительная жестокость. Если эти игривые зверьки не будут иметь возможность проявлять свои природные склонности, наступит быстрое отчуждение в их отношениях с человеком, если вообще какие-либо отношения возникли; не каждый, купивший фенека, сумеет его приручить, как Маленький принц Сент-Экзюпери. Туристы, покупающие в Сахаре фенека, понимают это только тогда, когда бывает уже слишком поздно. Последствия самые плачевные, судьба этих зверушек достойна жалости. Мой фенечек был в лучшем положении, потому что я отдавал себе отчет в том, что меня ждет, и был готов взять на себя ответственность за все его действия, о которых я еще ничего не знал. Жаль, что того же нельзя было сказать о некоторых других членах нашей и всех других экспедиций, купивших этого зверька. В конце концов у нас оказалось три фенека.

Вопрос о том, чем мы будем их кормить, разрешили фенеки сами, сразу по приезде в Гардаю, когда мы зашли в кафе съесть мороженое. Они набросились на него и вылизали все без остатка. С той поры в вопросах питания мы полностью положились на них: когда у нас была еда, мы давали им попробовать ее, а то, что оставалось после них, съедали сами. Пустынные животные не могут быть слишком привередливы в еде, иначе в пустыне не выжить; молодые фенеки ели все: молоко и мясо, овощи и конфеты. Ели и то, что нам вовсе не казалось вкусным, например черных твердых колючих сахарских жуков *Pimelia*.

Путешествие с фенеками проходило в общем гладко, то есть с обычными трудностями. Более серьезные проблемы возникли лишь при возвращении домой через Сицилию. Мы с Владимиром уже с прошлого года были одержимы новой страстью — вулканологией, наблюдением за действующими вулканами; по дороге нас охватило непреодолимое желание проверить, что нового на Этне. Весь свой багаж, полный змей, скорпионов и других бывших киноактеров, мы оставили в камере хранения на вокзале в Катании. Только фенечков нельзя было запаковать так, чтобы не было видно, что это такое, и заодно обеспечить им все необходимое. Не оставалось ничего другого, как приобщить их к вулканологии.

При подъеме на безжизненные склоны, покрытые вулканическим пеплом, я решился на слишком смелый опыт — пустил фенека побегать. Он помчался вперед. Временами он отбегал в сторону, чтобы что-то посмотреть и обнюхать, но сразу же возвращался к нам и бежал во главе группы, побуждая нас к большей живости. Членов нашей группы он оценивал однозначно — по их проворству, а я хотел иметь в его глазах авторитет, и мне не оставалось ничего другого, как мчаться по склону впереди всех, хотя у меня был самый тяжелый рюкзак.

На высоте 2700 метров мы достигли снежного покрова; тут было уже совсем холодно. Однако фенечка это не остановило, он был по-прежнему весел; только душные вулканические испарения на высоте 3000 метров сморили его, и я взял его на плечо.

Мы переночевали на вершине в лавовой берлоге, вытопленной фумаролой, у подошвы стометрового конуса, из которого непрерывно выстреливали огненные гейзеры вулканических бомб. Фенечки смотрели на все это несколько удивленно, прижимались друг к другу, и глаза их отсвечивали красным светом в темноте, отражая сверкающую лаву. Я лег около них, чтобы им не было так страшно, и наконец уснул сам.

Утром мы начали решительное отступление на Прагу. При пересадке в Риме нам пришлось несколько часов ждать другого поезда. Мы бродили по ночному Риму, и во время этих прогулок фенечек прославился как страстный охотник за тараканами, которых предпочитал всем остальным лакомствам.

Дома в Праге он осмотрелся, все обнюхал и решил, что жить будет на кушетке, где демонстративно улегся, намереваясь поспать. Позволить такой зверушке выспаться днем — серьезный риск: чем лучше он выспится днем, тем больше набезобразничает ночью. Я понял, что он может превратить меня в ночное животное, которое весь день подремывает, жмурясь. Чтобы воспрепятствовать этому, я старался в течение дня утомить его, как только мог, например брал его повсюду с собой. Это позволило мне сделать множество интересных наблюдений, которые относятся, правда, к поведению людей при встрече с необычным явлением.

Основной чертой такого поведения является тенден-

ция к сборищам, вызванная любопытством. И хотя непосредственной причиной сборищ вроде бы является животное, заинтересованные прежде всего успокаивают таким образом свое зрительное и осязательное любопытство. Любопытный сразу же заговорит, так что жертвой ситуации оказывается прежде всего хозяин животного.

Существовала, однако, немногочисленная категория людей, которым я не был нужен. Как, например, группа самостоятельно мыслящей молодежи, которая решила, что это транзисторный мини-пес, скорее всего купленный в валютном магазине. Моя точка зрения их вообще не интересовала. В другой раз нас встретила семья с коляской. В то время как папочка говорил супруге: «Посмотри, какая у него большая ласка», из коляски поднялся малыш и сказал: «Гав», чем значительно ближе подошел к истине. Фенек — хищник из семейства псовых, а ласка — ни в коем случае. Без сомнения, только на молодежь, не отягощенную предрассудками, наша надежда. С этого времени я называю фенека «Гафинек».

Жаль, что я не составил списка всех животных, за которых принимали фенека. Из обычных зверей вспоминаю африканского хорька, куницу, терьера, зайца, татарского пса, детеныша серны, белку, выдру, кенгуру, динго, но чаще всего его, конечно, принимали за лисицу, что ближе всего к истине. Иногда даже высказывалось предположение, что это похоже на фенека.

Интересной была встреча с иностранной группой узкоспециализированных профессионалов-естествоиспытателей. Один из них заявил, что это, конечно, опоссум, в то время как другой счел его похожим на дамана.

Иногда приходилось встречаться с мнениями просто невероятными — что это ушастая сова, черепаха, муравьиный лев и еще что-то, совершенно невероятное. Что касается муравьиного льва, тешу себя надеждой, что этот путаник, должно быть, имел в виду муравьеда.

Хотя я считаю себя более чем терпеливым человеком, я всегда с большим трудом подавляю приступ ярости, который охватывает меня при вопросе «Что это за порода?». Ничего не могу с собой поделать, у меня на этот вопрос просто аллергия. Однажды я был подвергнут особенно тяжелому испытанию. Мы ехали в трамвае. Вошла женщина с сыном. Они осадили меня. Прежде всего ко мне обратился дерзкий подросток, говоря... (смотри выше фразу о породе; мне отвратительно это даже повторять). «Иди к черту, глупец», — подумал я.

— Это не порода, это животное.

— А что это в таком случае за животное?—спросила раздраженно вышеупомянутая дама, прислушивающаяся к этому безобразию с породой.

— Это животное фенек,—ответил я стремительно полной фразой.

Мое сообщение ее, очевидно, не успокоило, потому что дама надулась и проговорила гневно:

— Хорошо, а чей это фенек?

Я не сразу понял эти странные слова. Она думала, что фенек—это мужской род от слова «фена» (по-чешски «сука»), так что вопрос ее означал нечто вроде «...чей это кобель?». Я произнес несколько вольно, что это сучий кобель, в надежде, что дальше продолжать такой разговор будет невозможно. Оказалось—возможно. Следующий вопрос был такой:

— Вы поймали его?

— Нет, купил,—признался я честно и совершил ошибку, потому что на лице ее появилась торжествующая ухмылка.

— Так, все ясно,—сказала она презрительно, обращаясь скорее к зрителям, следящим за сценой, чем ко мне. — Он и сам не знает, что это, собственно говоря, такое, только и может изображать умного.

В трамвай вошли новые пассажиры, в том числе бодрая девушка.

— Ой-е-ей, какой красивый фенек, откуда он у вас?

В глазах пассажиров я стал снова из ничтожества человеком, с которым нужно считаться. Я проникся к девушке благодарной симпатией и дал ей поиграть с фенечком. Вернувшееся ко мне душевное равновесие нарушил лишь мужчина, обратившийся ко мне с вопросом:

— Вы содержите его как пса или как кошку?

Я ответил, как умел:

— Содержу как фенека, что считаю единственно возможным. Как содержат пса или кошку, я и понятия не имею, никогда не пробовал, и меня это не интересует; я занимаюсь только разведением мелких домашних ядовитых змей.

Опять ко мне перестали относиться всерьез, хотя, конечно, это было несправедливо. Я не должен был признаваться в этом. Все меня решительно отвергли, только девушка с фенekom весело захихикала.

Одним словом, начало было тяжелым, но со временем я научился справляться с этим со сноровкой, осно-

ванной на понимании того, что правдой и честностью здесь ничего не добьешься.

Лучше всего сохраняет нервы и время метод поддакивания. Типичный разговор звучит примерно так: «Что это у вас, молодая лисичка?» — «Да, это молодая лисичка». Чаще всего вопрос разрешен к удовольствию обеих сторон. Лишь изредка разговор продолжается, например таким образом: «Но у лисицы не бывает таких больших ушей! Это больше похоже на фенека!» — «Да, это действительно фенек». — «Так почему же вы говорите: лисица? Я сразу догадался, лисица ведь вовсе не так выглядит, и морда у нее другая, и хвост тоже!!!» — «Все в порядке, не удивляйтесь. Фенек — это сахарская пустынная лисица». — «Но это ведь не лисенок». — «Это лисенок, хотя уже почти взрослый, как вы верно заметили. Видите ли, слишком много недоразумений бывает, когда я говорю людям, что это фенек, потому что мало кому это название известно. Так уж лучше сказать, что это лисичка, и все будет в порядке». — «Не удивительно, люди ведь, простите, не отличают пса от землеройки! А вы еще с ними разговариваете. Так желаю вам, чтобы он зимой не простудился, желаю удачи!» — и мы прощаемся почти как родные.

Для полноты картины я должен привести пример великолепной системы обороны против убийственного и разрушительного интереса публики. Однако для этой системы необходима необыкновенная пробивная сила даже в самых тяжелых условиях. Жаль только, что она не подходит для такого голубиного характера, как мой. Вот как это было: сотрудник зоопарка должен был перевести в новый павильон броненосца или что-то в этом роде. Едва он появился на пешеходной дорожке, послышалось: «Ой, посмотрите!..» — и толпа превратилась в непроходимую стену тел, протягивающих жадно руки. Мне эта ситуация казалась неразрешимой, я бы, наверное, беспомощно отступил. Но решительный сотрудник зоопарка с броненосцем на руках, устремив взор на несуществующую цель, которую как бы видел ясно сквозь толпу посетителей, пошел вперед, непрерывно повторяя сквозь зубы одно и то же мрачное заклинание, в котором вблизи можно было разобрать слова: «Пошли вы...» Толпа замерла в легком смятении и затихла, пытаясь уловить слова, тихо слетающие с его губ. Потом расступилась на две половины, между которыми сотрудник с животным прошел без труда.

Громкие и настоятельные призывы «Пожалуйста, освободите проход, не толпитесь, не напирайте!» в подобной ситуации просто не действуют. Наоборот, привлекают новых зрителей.

Когда я опубликовал статью о фенек в журнале «Свет в образех», к моим впечатлениям добавилось еще одно. Выглядело это примерно так. «Посмотрите, видите вы того зверька? Мы ведь как-то читали о нем — где это было, кажется, во „Власте“, — там и фотография была — подождите, что там писали, что это... мне кажется, чуньшила... да, теперь я точно вспомнила, это чуньшила. Это чуньшила?» — «Да, это чуньшила»⁴.

Старания мои были напрасны, я не смог переделать Гафинка в дневное животное хотя бы потому, что брать его с собой на работу я не мог. В результате он целые дни был один и успевал отоспаться, а ночью откалывал номера. В многоквартирном доме все это не просто; я даже получил анонимное письмо с такими словами: «Уберите эту тварь на ночь куда-нибудь, она всю ночь скребется». Однажды ему пришлось расплатиться самым неприятным образом за свою ночную деятельность и любопытство. Он сумел открыть террариум с рогатой гадюкой, и она выползла. Когда фенек увидел, что натворил, он попытался, видимо, снова водворить змею на место, но она укусила его в нижнюю челюсть и заползла под холодильник. Когда мы поутру проснулись и вошли в кухню, там повсюду была кровь. Змейку мы легко нашли, с ней все было в порядке, а Гафинек был похож на умирающего. Губа у него отекала, с нее все время капала кровь. Он не мог ни есть, ни пить и грустно сидел в углу. Ему становилось все хуже, и поэтому в полдень после нескольких консультаций с Ф. Карналиком, руководителем лаборатории змеиных ядов Института патологической физиологии Карлова университета, мы решили сделать ему инъекцию вакцины Беринга для Северной Африки. Но зверек защищался с такой жизненной силой, что мы сдались и убрали шприц с вакциной в холодильник. Нам так и не пришлось им воспользоваться, поскольку после полудня перестала идти из раны кровь, а к вечеру ему удалось выпить немного молока. Через

---

⁴ Чу нь ши ла — неправильно от «шиншила». По-чешски звучит особенно нелепо, так как «чуня» означает «хрюшка». — *Примеч. пер.*

несколько дней отек спал. Мне кажется, что фенеки не слишком восприимчивы к яду сахарских змей, хотя и не совсем иммунны; однако неясно, нападают ли они на змей в природе. Когда мы показали в Сахаре молодому фенеку мертвую змею, он мгновенно бросился на нее как на лакомство.

Ночная жизнь Гафинка расходилась с нашей дневной, и он жил среди нас совсем одиноко. И я решил, что надо привезти ему подругу-фенечку.

В то время, когда мы ездили в Африку, в Алжире работало много наших специалистов — врачей, ветеринаров, инженеров, технических экспертов. Многие из них, возвращаясь домой, привозили с собой фенечков, так что наша пара не была единственной в Чехословакии.

(В нашей семье фенечков мы различали Гафинка и Гафинку, и они всегда точно знали, о ком из них идет речь, хотя имена их были очень близки по звучанию.)

В Пражском зоопарке уже десятки лет жила многочисленная группа фенечков. И когда у Гафинка появилась супруга, я начал интересоваться семейной жизнью этих зверушек. Однако мне мало что удалось узнать. Частные владельцы никогда всерьез не занимались разведением фенечков в неволе; у большинства из них фенеки быстро погибали, а еще чаще хозяева пытались от них отделаться любым способом, как только выясняли, что в городской квартире жить с фенечками вовсе не так просто, как они себе это представляли.

Конечно, в Пражском зоопарке фенечки не погибали раньше времени, но редко давали потомство, и мать всегда загрызала новорожденных. То же самое случилось и у нас, когда у Гафинки впервые появились щенки — ей тогда было три года. В следующем году один щенок прожил три дня, и все это время мать была занята непрерывными поисками надежного укрытия для него; она в беспокойстве переносила его с места на место, старалась спрятать от нас и запихивала его во все щели под мебелью. Наконец она его загрызла, но нам показалось, что мы поняли, в чем дело. Годом позже мы решили провести в нашей небольшой однокомнатной квартире нелегкий эксперимент: в кухне, представлявшей собой основное жизненное пространство фенечков, под диваном мы поместили прочный картонный ящик с

отверстием для входа, обращенным к стене, и, когда там появились три Гафинечка, мы с матерью выселились из кухни на целую неделю и жили только в комнате. Пищу фенечкам мы подавали в щель приоткрытой двери, где ее брал Гафинец и относил семье в противоположный конец кухни. На наши робкие попытки проникнуть в кухню он реагировал решительной и самоотверженной атакой, но через неделю мы начали понемногу отстаивать свое право появляться там — сначала на короткое время, например к плите у двери, потом понемногу мы снова поселились на кухне, потому что решили, что критический период мы благополучно пережили. И действительно, трудности возникали теперь только при попытке сфотографировать малышей; родители были против (вероятно, под влиянием традиций мусульманского вероисповедания).

Все три детеныша благополучно пережили кризисы детского возраста (вы видите их на обложке книги, где отец учит их находить лакомства в песке) и пользовались всеобщим и заслуженным вниманием. Нас посетил даже главный зоолог Пражского зоопарка — не иначе как хотел выведать, как это мне удалось то, что они безуспешно в течение долгого времени пытались осуществить. Он полагал, что я нашел какую-то исключительно удачную комбинацию витаминов, гормонов и других биофакторов, и был явно разочарован, когда я объяснил ему, в чем дело. Нам удалось еще раз вырастить потомство фенеков, жаль только, что в нашей маленькой квартире мы не могли себе позволить оставить еще несколько молодых фенечков.

Гафинец прожил у нас в добром здравии тринадцать лет и умер от старости. Гафинка, на год моложе, пережила его только на два месяца. До последнего дня Гафинец оставался существом веселым и озорным — как и его хозяин. Конечно, с точки зрения охраны природы я совершил проступок — увоз его из Сахары был проступком, за который я сам часто осуждал других. Но думаю, что здесь существует все-таки небольшая разница, оправдывающая его похищение. Он был доволен жизнью у нас. Его потомство мы передали в зоопарк в Брно — и им не пришлось покупать отловленных на воле фенеков и тем самым обеднять природу. Он стал героем двух книг, трех фотовыставок, актером четырех телевизионных передач — я уж не говорю о статьях и снимках в журналах. А главное — он был всеобщим любимцем, и

жизнь его, конечно же, не была скучной и однообразной. Он подарил много радости — особенно детям, с которыми больше всего любил играть. Мне очень не хватает его.

Глава IX

ИНФОРМАЦИЯ О КРОКОДИЛАХ

В феврале 1971 года мне позвонил д-р Чихарж из Национального музея и пригласил меня на собрание многочисленной группы людей, в большинстве своем естествоиспытателей, собирающихся в Алжир, но не имеющих о нем представления. Вилем Бишоф посоветовал им обратиться ко мне и намекнул, что меня наверняка можно соблазнить приглашением принять участие в экспедиции. Удивительней всего было то, что они собирались выезжать через два-три месяца, невероятно короткий срок для выполнения всех формальностей. В группу входил выдающийся человек, энтомолог Августин Гоффер, заместитель председателя Чехословацкого энтомологического общества, о котором говорили: «Где Гоффер, там фоффер» («фоффер» по-чешски означает «гонка». — *И. Н.*).

Всем известна работоспособность, самоотверженность и бескомпромиссность ученого, который и в свои 64 года в полевых условиях не уступал молодежи.

Хотя это и кажется неправдоподобным, но за три месяца удалось преодолеть все административные формальности, необходимые для поездки. Однако кое-кто из собравшихся в поездку не выдержал «фоффера», и вместо них взяли новых членов экспедиции. Доктор Гоффер и препаратор Ян Горак составляли группу энтомологов, П. Язаирова и В. Водичка — киногруппу. Дело в том, что у меня возникла идея совместить приятное с полезным и при этом вернуть Алжиру то, что мы остались ему должны из-за утерянного фильма. Итак, мы предложили совместную работу алжирскому телевидению с условием, что будет оказана поддержка и группе энтомологов. Наши планы осуществились лишь частично — алжирское телевидение после нескольких дней переговоров с нашей переводчицей П. Язаировой приняло решение снять фильм только о достопримечательностях Алжира,

тематически продолжающий «Следы на песке», не оставившаяся на проблеме охраны природы. Для этого мероприятия выделялись вездеход типа лендровера, шофер и материальные средства, что не дало практически ничего для энтомологической группы.

Я долго колебался, к какой группе в сложившейся ситуации присоединиться. Энтомологи собирались изучать Атлас, который я почти не знал. В конце концов я отправился с киногруппой, хотя никакие интересные кадры о природе сниматься не должны были. Но это дало мне возможность снова проникнуть в горы Южной Сахары — Ахаггар и особенно Тассилин-Аджер, а следовательно, заполучить Гафинку обещанную «даму». А главное, как соавтор сценария фильма, я «принадлежал» к этой группе, тогда как моя эрудиция в области энтомологии... но об этом позднее.

Уже раньше мое внимание привлекло изготовление сувениров — чучел пустынных животных, которые продавались в каждом сколько-нибудь крупном оазисе. Жертвами непреходящей безвкусицы туристов оказываются в основном вараны и шипохвосты. В оазисе торговцев — Гардае изготавливается невероятное количество этих «сувениров».

Варан серый, или пустынный (*Varanus griseus*), — самое крупное пресмыкающееся пустыни, могучий хищник, который может прокормиться только благодаря постоянной миграции. Он распространен лишь в некоторых самых жарких районах Сахары. Это редкое животное, хотя его немалые размеры и дневной образ жизни облегчают его поиск, а в песчаных местностях слезку за ним. Он принадлежит к самым теплолюбивым видам; мы застали его однажды греющимся на солнце в летний сахарский полдень на асфальте, черная поверхность которого, очевидно, привлекла его тем, что была еще более раскалена, чем песок.

Поездка с киногруппой давала мне возможность снова побывать в Гардае и оценить, как далеко зашло дело с истреблением варанов и шипохвостов.

Еще в первый свой приезд я пытался определить по продажным ценам чучел численность варанов и шипохвостов в районе Гардаи и степень угрозы их существованию. Чучела варанов были в среднем в 20 раз дороже чучел шипохвостов. Я выяснил, что продавать их особенно выгодно, потому что изготовление чучела варана составляет лишь ничтожную долю его стоимости. И ло-

вить их легче, чем шипохвостов. Шипохвост — животное травоядное, у него постоянное место обитания, и он не уходит далеко от безопасного убежища, откуда его порой невозможно достать. Варанам же, наоборот, при их передвижении по местности спрятаться некуда, и если учесть все эти обстоятельства, то живущих в окрестностях Гардаи варанов по крайней мере в 100 раз меньше, чем шипохвостов. Действительность оказывается еще менее благоприятной для варанов. При высокой цене варанов бедуинам имеет смысл специально отправляться за ними в далекие путешествия и доставлять пойманных животных издалека. Животные, привезенные в мешках, после нескольких недель дорожной тряски по пустыне имеют жалкий вид. Чтобы вараны не сбежали, им выворачивают лапы и связывают их за спиной, а пасть сшивают (не связывают, а сшивают!) толстой нитью или проволокой.

Из проведенных мной расчетов было ясно, что развитие торговли чучелами-сувенирами серьезно угрожает существованию варанов на огромной территории Центральной алжирской Сахары. По моей оценке, сделанной в 1968 году, в районе Гардаи вараны могли быть полностью истреблены в течение ближайших 10 лет. Поэтому в 1971 году я поспешил в знакомые мне лавочки с сувенирами, но не увидел чучел варана нигде; продавались только шипохвосты. На мои вопросы продавцы отвечали одно и то же: варанов нет, бедуины их не могут найти. Все развивалось быстрее, чем в самых пессимистических моих предсказаниях.

Кто виноват в этом? Я всегда удивлялся способности бедуинов выдерживать такие тяжелые условия, в которых они живут, и невозможно сердиться на них за то, что они используют все средства, для того чтобы выжить. Гардаинские торговцы? Гардая, город в пустыне, вымер бы, если бы его жители не были такими удачливыми торговцами, предпринимателями и организаторами; они к тому же поддерживают бедуинов, своих поставщиков, в окрестностях оазиса. Вина их заключается в том, что они не сумели организовать дело так, чтобы сохранить меру в «использовании природного сырья». Во вред себе (не говоря уже о природе) они довели дело до того, что лишили природу воспроизводимости. Но самая большая доля вины лежит не на торговцах и не на бедуинах. Если бы не было спроса и пагубной мании туристов способствовать уничтожению достопримечатель-

ностей природы (и вдобавок к этому демонстрировать купленные безвкусные чучела в своих жилищах), торговцам не приходилось бы убивать животных.

Горевать и ругать виновных не означает активно способствовать охране вида, находящегося под угрозой истребления. Для того чтобы причислить себя к защитникам природы, мы должны найти выход из создавшегося положения и найденное решение провести в жизнь, реализовать.

Какое же можно найти решение? Тут возможны три варианта: запретить бедуинам отлов, а также торговлю, убеждать туристов не покупать чучела.

Отнимать у жителей пустыни средства к существованию вряд ли стоит. Кроме того, приказы и запреты — малодейственные средства в деле охраны фауны, и они превращают охрану природы в дело непопулярное и даже вызывающее раздражение.

Трудно воздействовать непосредственно на туристов, приезжающих со всего света. Культуру отношения к природе в таможенную декларацию не впишешь.

Что же, так ничего и нельзя сделать? Почему же, существует много возможностей. Я, например, предлагаю найти подходящую замену чучелам. Какую? Прежде всего яркий, красочный проспект с видами сахарской природы и животных; и если хорошие снимки интересных животных пустыни будут дополнены текстом воспитательного содержания о необходимости их охраны, возможно, спрос на чучела со стороны туристов уменьшится. Это могло бы вполне устроить и гардаинских торговцев сувенирами, если торговля открытками и другой печатной продукцией будет налажена так же хорошо, как и чучелами. (Пока что книги подобного рода, да и просто открытки с сахарскими животными в оазисах найти невозможно.) А как быть с бедуинами?

Поскольку кочевое скотоводство способствует наступлению и тотализации пустыни, в Алжире уже стараются найти для бедуинов новые источники средств к существованию. Думаю, что многие из них могли бы вместо «промысла чучелами» заняться организацией небольших зоопарков с животными пустыни, где турист сам бы мог сфотографировать зверей или купить их фотографии. Возможность сфотографироваться, например, с кротким вараном или шипохвостом на руках, конечно же, вызвала бы большой интерес.

Отлов варанов должен быть организован и, чтобы он

снова не превысил допустимую меру, проводиться под надзором специалистов до тех пор, пока торговля чучелами не станет наконец пережитком.

Как я уже говорил, найти решение — еще не все. Но, как станет ясно из дальнейших глав этой книги, в последующие годы я перешел к попыткам его осуществления.

Из-за недостатка времени и неприступности гор не было возможности во время пребывания съемочной группы в Тассилин-Аджерере посетить большие восточные каньоны с реликтовыми видами. Мне пришлось ограничиться экскурсией к доисторическим наскальным рисункам в знаменитую область Джаббарен, которую мне не удалось посетить в 1968 году из-за ее удаленности. При спуске с высоты 1800 метров по отвесному склону произошло событие — с виду незначительное, но с роковыми последствиями. Приведу его для устрашения всех, кто вмешивается в дела, выходящие за рамки его компетентности.

Был знойный июньский полдень, когда я, утомленный жарой, упал в тени одинокой акации у подножия перевала. Но я оказался здесь не один. Около меня сидел пестрый жучок, окрашенный в государственные цвета Австро-Венгерской монархии. Такого жучка я еще никогда не видел и, решив, что, может быть, он обрадует моего коллегу Горака, взял его с собой.

В Праге жучок передавался из рук в руки, пока не попал к одному самоуверенному «знатоку», который, ссылаясь на известных специалистов, определил, что это *Pachnoda savigni* — представитель фауны влажных тропиков Гвинейского залива — и в Сахаре ни в коем случае жить не может. Стало быть, я найти жучка в Сахаре не мог, а заранее его раздобыл и привез туда, чтобы иметь возможность прославиться, представив эту единственную в своем роде находку. Год спустя, когда я уже просто боялся попадаться на глаза серьезным естествоиспытателям (поскольку слухи о нелепом подлоге распространились широко), в Тассилин-Аджер поехала группа наших энтомологов во главе с доктором Гоффеном и привезла этих *Pachnoda savigni* целую дюжину. Теперь я снова отваживаюсь появляться в обществе, но жучков больше уже не собираю. А если уж и прихвачу какого, то самого обыкновенного, всем знакомого, который никого не интересует и, главное, в чьем существовании никто не сомневается.

Pachnoda savigni, очевидно, имеет отношение к тем многочисленным остаткам фауны и флоры африканских саванн, что были распространены в недавнее влажное время намного дальше к северу, чем сегодня. В наши дни с этими реликтами — исчезающими остатками ушедшей жизни сахарской пустыни — мы встречаемся чаще всего на небольших участках, где сохранилась еще вода. Однако бóльшую часть земель у источников и во влажных районах уже целые тысячелетия интенсивно использует и возделывает человек. В искусственно созданных сообществах полезных растений — оазисах, конечно, остатки первоначальной флоры и фауны уже не так разнообразны. Несмотря на это, сохранились — особенно в Тассили — местами небольшие островки мало измененной природы вокруг случайного источника воды, где по какой-то причине не поселились люди. Здесь-то и обнаруживаем мы именно те виды, которые для сахарской пустыни совсем «немыслимы», и коллекции пополняются массой «нелепых научных подлогов».

Самой большой нелепостью подобного рода, которая выставила на посмешище путешественников прошлого века, были сообщения (полученные от туарегов) о существовании крокодилов в центре Сахары — в Тассили. Только в 1876 году путешественник Эрвин фон Бари попал в легендарную «долину крокодилов». Он убедился собственными глазами, что крокодилы здесь живут (и их довольно много) в невысыхающих речных заводях, которые тянутся по дну каньона на десятки километров. Вскоре после своего возвращения в Гат фон Бари умер. Район Тассили еще на несколько десятилетий остался для европейцев сахарским «полюсом недоступности», но на переломе столетий сюда начали проникать французские воинские подразделения. И вскоре после этого сообщения о крокодилах совсем прекратились. Когда на место прибыли естествоиспытатели, они обнаружили лишь кожу двухметрового крокодила. Сейчас она выставлена в Океанографическом институте в Алжире. Считалось, что «последний сахарский крокодил» был застрелен поручиком Бовалом в 1924 году в Игереру. Однако в джанетских архивах, оставшихся от французов, обнаружены данные об отстреле крокодила в 1956 году! Сколько же, собственно, было этих «последних крокодилов» и не остался ли еще где-нибудь до сегодняшнего дня какой-нибудь крокодил? Чтобы хотя бы приблизительно оценить правдоподобность этих сообщений, мне необходимо бы-

ло посетить большие каньоны на востоке плоскогорья, но, к сожалению, и на этот раз они остались за пределами моих возможностей. Нерешенные вопросы, однако, не давали мне покоя.

Случайное событие, происшедшее при возвращении киногруппы из Тассили в Ин-Аменас, в значительной степени определило дальнейший план операций Союза охраны природы в Сахаре. Союз в это время реорганизовался в Общество охраны природы и ландшафта.

Пока мы ждали самолет на Алжир, нас принял в своей резиденции с кондиционером мэр. Едва я вошел в комнату, как тут же поспешил обратно в машину за фотоаппаратом и вспышкой. В углу комнаты я увидел голову с длинными рогами какой-то антилопы неизвестного мне вида. С позволения хозяина я сделал несколько снимков, по которым позднее Петр Вернер определил, что это самая крупная североафриканская антилопа *Addax nasomaculatus*. Последние немногочисленные стада этого вымирающего вида, по современным сообщениям, еще кочуют в Северном Чаде и Нигере. И хотя антилопа там строго охраняется законом, это ничего не значит, так же как и здесь, в Алжире, где она, очевидно, до сих пор еще кое-где появляется. Экземпляр, который я сфотографировал, был отстрелен в окрестностях Ин-Аменаса.

Мэр показал нам снимки нескольких наскальных рисунков, которые он обнаружил в редко посещаемых местах Тассили. Было похоже, что он в этих вещах знает толк, и я задал ему свой излюбленный вопрос, что он думает о крокодилах Игереру.

— Там уже нет никаких крокодилов, последнего застрелили в тысяча девятьсот двадцать четвертом году французы, — сказал он со знанием дела. — Но я видел их в другой части Тассили, в гельте Акзель (гельта — местное название скопления поверхностных вод) между Форт-Гарделем и Джанетом. Когда это было? В тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году, я искал там исторические наскальные рисунки, но ничего не нашел.

В самолете из Ин-Аменаса в Алжир мне было о чем поразмыслить. Информация казалась неправдоподобной, но ведь речь шла о Тассили, где большая часть фантастического богатства доисторических наскальных росписей была найдена только после второй мировой войны! Мы понимали, что, если место обитания крокодилов будет обнаружено, их могут быстро уничтожить, как только

это станет широко известно: торговля чучелами крокодилов даже превзойдет промысел чучелами варанов. Крокодиля кожа стала бы украшением любой канцелярии или частной резиденции. Охотничья элита, конечно же, не пожалела бы усилий, потому что чем диковинней животное, тем ценнее трофей. К сожалению, такую добычу охотно покупают и некоторые музеи.

Экспедиция, которую организовали мы, имела бы своей целью прежде всего обеспечить сохранение популяции, если обнаружит ее. Но поскольку никакой исполнительной властью мы не обладаем и наша деятельность и влияние кратковременны, наша задуманная с наилучшими намерениями поисковая экспедиция лишь способствовала бы истреблению животных, обратив внимание на их местонахождение (об этом, например, могут рассказать проводники, без которых экспедиции, разумеется, не обойтись в здешних скальных лабиринтах). Конечно, если бы слухи о существовании крокодилов подтвердились, можно было бы мобилизовать для их сохранения международные организации по охране природы и постараться добиться помощи компетентных административных органов Алжира. Более того, это был бы исключительно важный аргумент в пользу провозглашения Национального парка в Тассили.

Однако необходимые исследования потребовали длительных изнурительных усилий многих людей для подготовки экспедиции и больших капиталовложений, о которых в общем-то не пришлось бы жалеть в случае успеха экспедиции; ну а что, если в Тассили уже нет ни одного крокодила? Для науки принципиально важно решить проблему независимо от того, какой результат будет получен, положительный или отрицательный. Но с точки зрения охраны природы, о чем я думал в первую очередь, если бы информация о скрытом месте обитания крокодилов не подтвердилась, экспедиция оказалась бы напрасной.

Самолет с прибывшей с юга съемочной группой приземлился в Алжире, где не оказалось и следов энтомологической группы Гоффер—Горак; они до сих пор были где-то в лесу. Наш самолет в Прагу отбывал только через четыре дня, и я отправился на их поиски. Идея была в принципе бессмысленная, но я нашел их на следующий день в лесу массива Джурджура. Их это удивило еще

больше, чем меня. Доктора Гоффера невозможно было узнать. Шестидесятилетний благоденствующий пан превратился в стройного, потерявшего 15 килограммов, заросшего лесного человека — диковатого, но более чем довольного. Уже сейчас было ясно, что результаты поездки будут исключительно ценными и принесут успех и что снова Гофферу не будет покоя, пока он опять не попадет в Алжир. Исследования энтомологов только на первый взгляд не имеют ничего общего с охраной природы. Результаты таких исследований являются первой предпосылкой для изучения возможности биологической и интегрированной борьбы естественными средствами против вредных видов насекомых путем разведения их биологических врагов. Внедрение этих методов борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур является важнейшей задачей охраны природы и жизненного пространства. Отравление земного шара ядовитыми химикалиями, предназначенными первоначально только для вредителей, сейчас достигло таких размеров, что можно, к примеру, уже проследить рост концентрации ДДТ в телах арктических тюленей; с людьми в этом отношении, естественно, дело обстоит значительно хуже.

Таким образом, доктор Гоффер представлял собой значительное подкрепление потенциальной команды по охране природы, создаваемой для решения африканской проблемы. Поисковые экспедиции принесли общее представление и необходимую информацию о природе Алжира. Если мы не хотим застрять на уровне успешных импровизаций, автостопа и некоординированной индивидуальной инициативы, мы должны прежде всего дать своим устремлениям программную и организационную основу. И вот на заседаниях «совета мудрецов» был создан первый вариант проекта, названного «Проект сотрудничества по охране и использованию алжирской природы», который Общество охраны природы и ландшафта передало в конце 1971 года дипломатическим путем алжирским властям. Мы предлагали, во-первых, использовать наши материалы для культурно-просветительской деятельности (публикации, выставки и тому подобное), во-вторых, провести конкретные мероприятия по охране природы (изучить ситуацию, в которой находятся исчезающие виды, разработать меры по охране и так далее). Само собой разумеется, мы предлагали и дальнейшие энтомологические исследования, результаты кото-

рых вместе с частью обработанных коллекций были бы переданы Алжиру.

Алжирским властям предлагалось сотрудничество в создании Национального парка в Тассили, в разработке его проекта и подготовке документации. Мы упомянули и о необходимости выяснения судьбы тассилийских крокодилов, и охране их в случае, если они еще существуют.

Сначала вообще ничего не происходило. Бумаги, переданные Алжиру через посольство, оказались вне нашей досягаемости, а их дальнейшая судьба — вне нашего влияния и надзора. К тому же я потерял на некоторое время возможность заниматься сахарскими делами из-за подготовки других мероприятий, которые достойны того, чтобы о них коротко упомянуть.

Под впечатлением вулканологической экспедиции членов карстовой секции «Стромболи 1969» родилась идея создать большую экспедицию для таких же исследований. И вот в моем скромном жилище в сентябре 1969 года собрались девять человек, которые положили начало экспедиции «Вирунга» к действующим вулканам Нирагонго и Намлагира в Центральной Африке. После длительных подготовительных работ мы выяснили, что в современной политической обстановке в Африке и при наших возможностях это недостижимая цель. Поэтому программа была рассчитана на Тибести — самое высокое сахарское нагорье с гигантскими вулканами Эми-Куси, Пиц-Тусиде и другими. Тибести лежит на севере Республики Чад. Подготовка проходила весьма успешно, и в ее рамках была организована тренировочная экспедиция Вирунга — Тибести в Югославию для исследования каньона Мртвица в Дурмиторе. Тренировочная поездка, хорошо организованная и обсужденная с черногорским Союзом охраны природы, была почти сорвана: Государственный банк выдал валюту только двум ее участникам. А они выехали в разное время, и никто из них каньона Мртвица не увидел. В то же время в Республике Чад вспыхнуло восстание народа тубу, населяющего нагорье Тибести, перешедшее в длительную гражданскую войну. Тибести вследствие этого до сих пор является закрытой и недоступной территорией. Все это привело к тому, что экспедиция Вирунга — Тибести прекратила свое существование.

Кому-то из нас пришла от отчаяния странная мысль поехать хотя бы в Эквадор, где находится самый высо-

кий в мире действующий вулкан Котопахи. Вот так в 1972 году мы и вылетели туда как «экспедиция Котопахи», в которой для меня интереснее всего была поездка на острова Галапагос. Описываемые события на долгое время лишили меня возможности работать интенсивно над сахарским проектом.

Вряд ли можно назвать подготовку экспедиции приятным времяпрепровождением. За ней стоят многие и многие часы самой неприятной административной работы. Потому-то, должно быть, так много желающих отправиться в экспедицию и так мало действительно отправляющихся. Тяжелее всего начало, переход от иллюзии к разработанному проекту.

Поскольку на «Проект сотрудничества...» с Алжиром долгое время не было никакого ответа, я решил заняться изучением ситуации с тассилийскими крокодилами; нужно было действовать, пока не стало поздно,— организовать хорошо подготовленную и оснащенную поисковую экспедицию.

Здесь были свои трудности, о которых я уже упоминал; сейчас добавились новые, финансовые. Экспедиция подобного рода может стать рентабельной, если найти к ней коммерческий подход. Я узнал, что «проблемой крокодилов» интересовался независимо от нас один зоолог, готовый вложить в экспедицию гораздо больше средств, чем это могли сделать мы. (Я упоминал о его несколько своеобразных способах действия в связи с жуком *Pachnoda savignii*.) В этих условиях было необходимо держать в тайне место предполагаемого обитания крокодилов и некоторые подробности, что, в свою очередь, усложняло подготовку. Из осторожности мы выбирали только надежных людей. Поэтому экспедицию готовили вначале три потенциальных члена «группы охраны природы», в которую кроме генерального секретаря Лейского вошла еще Радомира Вольфова из молодого поколения Общества. Она самоотверженно взяла на себя решение административных вопросов, в то время как я «беззаботно» отправился в Эквадор.

Во время пребывания в Эквадоре мне пришлось несколько писем, из которых я понял, что подготовка поездки в Сахару проходит и медленно и плохо, как это обычно бывает вначале. Так что все шло своим чередом. Я же со своей стороны во время заключительной поездки на Дарвиновскую станцию и экскурсий по Национальному парку Галапагос получил много ценных сведе-

ний, которые могли пригодиться для сахарских проектов.

На рубеже 1972—1973 годов концепция экспедиции начала проясняться и одновременно приобретать черты реальности, которые, само собой разумеется, еще много раз исчезали, чтобы возродиться снова. Были осуществлены две тренировочные экспедиции. Одна — к заводу Полтруба в Полабье, учебной базе естественного факультета Карлова университета. Экспедиция носила прежде всего инструктивный характер; мы готовились к ловле животных в сахарских заводах.

Вторая поездка носила исследовательский характер и касалась проблемы, сходной с той, которую мы собирались решать в Сахаре. Предметом исследования было определение места обитания в Чехии эскулаповой змеи.

Мало кто видел эту интересную змею в жизни, однако всем известен жезл Эскулапа со змеей. Эскулап был патроном врачей древнего Рима и изображался античными народами в виде старца, держащего в руке жезл, вокруг которого обвивается его почитаемая спутница — эскулапова змея. Позднее изображение этой змеи перекочевало в известную эмблему медиков. Не исключено, что это вид лазающего полоза *Elaphe longissima*, впускавшегося, например, при закладке бань и лечебных купален. Удивительный факт обитания этой змеи в Чехии объясняется тем же: они были подобным образом подселены сюда в прошлом столетии. Родиной этой змеи является Южная Европа, северная граница ее распространения проходит по Южной и Восточной Словакии.

Когда я в 1957 году составлял список охраняемых видов животных, живущих на воле в чешских землях, факт обитания этой элегантной змеи у нас ставился под сомнение, но мне удалось в последний момент доказать, что эта популяция до сих пор не исчезла и сейчас упоминание о ней можно найти в соответствующем разделе среди видов, для охраны которых принимаются специальные меры. Какие же, собственно говоря, необходимо принимать меры для сохранения популяции этих змей на небольшом пространстве их обитания? Этого не знал никто. Было только известно, что область, где они обнаружены, не отличается настолько теплым климатом, чтобы эскулаповы змеи могли успешно размножаться; их яйца очень нежны и чувствительны к теплу, инкубация длится долго, и им необходим теплый, влажный микроклимат.

Казалось бы, при наступлении преждевременных холодов зародыши должны погибнуть. Но, вероятно, в местах обитания имеются теплые источники или другая местная тепловая аномалия, раз яйца нормально развиваются здесь уже в течение целого столетия. А потому даже незначительное изменение окружающей среды в месте кладки яиц может обречь на гибель целую популяцию.

Наша короткая тренировочная экспедиция, целью которой было прежде всего определить форму угрозы и вытекающие из этого необходимые меры по охране, все эти проблемы решила. Змеи продолжали там жить, мы нашли взрослую самочку длиной более 155 сантиметров. Местные жители, как выяснилось, не только не преследуют эскулапову змею, но, наоборот, охраняют, так как существует поверье (в принципе правильное), что она изгоняет из места своего обитания ядовитых змей и ловит мышей лучше кошки. Змеи живут здесь прямо в стенах зданий, а зимуют обычно в хлевах или навозных кучах, во влажном тепле которых выводят потомство.

Коротко результаты наших исследований можно изложить так: непосредственной угрозы существованию популяции нет, просветительская работа (особенно в школах) должна поддерживать существующую симпатию населения к этим змеям. Сохранение популяции в известной степени зависит от традиционных форм мелкого земледелия. Поскольку область их обитания мала, популяция малочисленна, а змея своей благородной элегантностью привлекает внимание террариумистов, важно, чтобы область распространения не стала широко известна — змею могут начать отлавливать с целью домашнего разведения. Поэтому нельзя даже и думать об объявлении территории заповедной, это тоже своего рода форма обнародования, и результаты его бывают обратными намерению.

В то время экспедиция насчитывала уже шесть человек, и состав ее увеличивался, пока не достиг «круглого» числа — десяти. Почему десять? На этот раз важно было иметь собственное средство передвижения, и понемногу вырисовывалась возможность получить напрокат «Татру». Небольшая экспедиция была бы не в состоянии нанять машину и оплатить горючее. Кроме того, мы не были уверены, что основная цель нашей экспедиции — крокодилы в Сахаре — будет достигнута. А потому стоило включить в программу и другие виды исследований, имеющие отношение к остаткам сахарских

вод и всем формам жизни «допустынного» периода, которые в этих водах и их окружении сохранились. И вот в экспедиции появился ихтиолог Властислав Скоржепа, которого туареги прозвали «мон шер сардиньер», и гидробиолог, доцент Отакар Штерба из университета имени Палацкого в Оломоуце. Подыскать машину и обеспечить ее обслуживание на трассе взялся старый «знарок Сахары» Владимир Бартош. Ему помогал сотрудник Остравского музея Петр Павлик, который стал членом нашей команды. В состав экспедиции вошел геолог и проводник Густав Гинзел, участник нескольких спелеологических и вулканологических экспедиций на Стромболи и Котопахи, со всех точек зрения полезный и необходимый человек в экспедиции, говорящий на семи языках. Профессиональную публицистику представлял еще один участник «Котопахи», журналист и альпинист Благослав Браун. Последним вошел в экспедицию Франтишек Слама, педагог из Либерец.

Экспедиция должна была отправиться в конце лета — начале осени. В это время в невысыхающих тассилийских гелятах самый низкий уровень воды, и в них легче всего наблюдать и изучать жизнь.

Для четырех членов экспедиции, у которых отпуск приходился на время школьных каникул, это было самое удобное время.

С приближением времени отъезда появились новые осложнения. В основном это касалось освобождения некоторых участников от работы и введения в действие новых предписаний относительно заграничных экспедиций. Последний удар перед самым отъездом нанесло нам алжирское посольство. Оно сообщило, что ввиду планируемого проведения в Алжире конференции неприсоединившихся стран выдача въездных виз на неопределенное время прекращается. (Перед этим нас уверяли, что это не будет касаться нашей экспедиции.)

Большинство участников не могли откладывать свой полученный с трудом внеочередной отпуск. В машине были сделаны необходимые приспособления, а через два месяца ее надлежало вернуть. За простой машины пришлось бы заплатить огромную сумму. И было решено поступить как в 1970 году: экспедиция получила визы в Тунис и отправилась с надеждой, что получит алжирские визы по дороге или в Тунисе, после окончания конференции. Если же виза не будет получена, придется перейти на запасную программу работы в Тунисе.

Мы выехали с решимостью не сдаваться: «Кто хочет, тот добьется», и было нас восемь человек. Лейски и Браун должны были прилететь в Алжир, если нам удастся получить визы. Нам пришлось объезжать Австрию, где из-за карантина были закрыты границы, через швейцарские Альпы; наконец мы оказались в Италии. В Сицилии мы провели небольшие испытания ходовых качеств «Татры» в труднопроходимой местности, а затем на почти отвесном склоне Этны. Мы поднялись на высоту 3100 метров и провели ночь у кратера, который со времени нашего последнего посещения завалил потоком лавы «неистребимую» вулканологическую обсерваторию и верхний участок подвесной дороги.

— Мне уже начинает казаться, что эта Африка состоит из одних бочек,— хмуро произнес Густав Гинзел, после того как мы вместе с машиной проторчали три дня на складе тунисской пристани из-за какой-то таможенной формальности.

Но, даже выбравшись из-под бочек, мы все равно не могли продолжать путь. Визу в Алжир мы не получили, не помогло и вмешательство нашего представительства. Границы оказались закрытыми даже для многих участников ярмарки, которая проходила в то же время, что и конференция.

Знаете старый сахарский анекдот о француженке, которая осторожно приближалась к туарегу, восседавшему на верблюде, чтобы сфотографировать? Когда она уже собиралась нажать на спуск, он повернулся к ней и на чистом «сорбоннском» французском произнес:

— Мадам, на вашем месте я бы поставил оранжевый светофильтр, иначе у вас на снимке песок сольется с небосводом.

На самом деле ничего подобного в Африке произойти не могло. И сейчас еще сфотографировать туарега — целая проблема, они решительно отвергают назойливые попытки иностранцев. Наша экспедиция, однако, получила материалы и финансовую поддержку от многих предприятий, которые взамен хотели получить эффективные рекламные и пропагандистские снимки.

Во время нашей вынужденной задержки в Тунисе, когда каждый развлекался как мог, я попытался выполнить эти обязательства.

И вот я нарядил одного из членов нашей экспедиции

в туарегский костюм, купленный во время предыдущей поездки. Наши меценаты были в восторге от удачных снимков.

В Тунисе мы увязли на целых пятнадцать дней и предприняли много неудачных попыток проникнуть в Алжир. Кроме того, мы собрали различные природоведческие коллекции в разных областях Туниса. Несколько опасной оказалась наша попытка пересечь самый большой африканский солончак Шотт-эль-Джерид на трассе Таузар — Кебили. Сорокакилометровая дорога была наезженная, в средней своей части шла в основном по насыпи, которую давно никто не приводил в порядок. Часть пути проходила прямо по соляной корке шотта. У начала дороги стоит дорожный знак «Въезд любым машинам запрещен» — местные власти снимали с себя таким образом всякую ответственность... Если бы не был конец лета очень сухого года, наша попытка проехать здесь на тяжелой «Татре», наверное, кончилась бы плохо — предательская соляная корка над бездонным болотом могла бы проломиться.

Солончак не был единственной достопримечательностью, с которой мы столкнулись в этой опасной поездке. Когда наша машина приблизилась ко дну котловины, видимость вдруг уменьшилась примерно до 500 метров, и все, что было за этим, исчезло. Только насыпь дороги поднималась как бы в пустоте к небосводу еще на несколько сот метров вперед и растворялась в воздухе. Это был великолепный мираж, «фата-моргана», и он занимал весь горизонт. Это необычайно эффектное и производящее впечатление явление нечасто можно наблюдать. Мы решили воспользоваться редкой возможностью запечатлеть «фата-моргану» как раз в тот момент, когда из пустоты перед нами возник легковой автомобиль, вокруг которого стояли люди, вышедшие из него, чтобы осмотреть начало соляного настила шотта. Машина была как бы поднята над землей, а фигуры около нее будто ходили по зеркалу. Картина менялась с высотой наблюдения: с крыши нашей «Татры» было видно значительно больше и дальше, чем с земли, где более низкие предметы, выходящие из «зеркала», как бы несколько поднимались вверх и потом исчезали.

Снимки были помещены в иллюстрированном издании «Следы на песке», выпущенном Чехословацким Агентством печати Прессфото.

Чтобы глубже понять явление «фаты», надо знать

оптику, механику жидкостей и теорию тепловых явлений. «Фата» появляется в пустыне чаще всего в утренние часы, до полудня, когда воздух после ночи еще намного холоднее, чем песок, который быстро нагревается от солнечной радиации. У самой поверхности появляется неустойчивый, более теплый слой воздуха. На границе с верхним холодным слоем воздуха возникает отражение, так что мы видим вместо поверхности земли отражение небосвода; при ограниченном размере отражения возникает впечатление небольшого озера. У нас можно наблюдать «мини-фату» летом над раскаленным шоссе в виде обманчивых луж, исчезающих при приближении.

На пятнадцатый день в нашем консульстве в Гафсе нам наконец сообщили, что границы открыты и наша просьба рассматривалась первой среди удручающе огромного количества просьб о визах, накопившихся за это время. Мы совершили марш-бросок в Алжир, где нас приветливо встретили наш постоянный почитатель господин Магиут и земляки-архитекторы, работающие в техническом отделе мэрии.

Господин Магиут снабдил нас рекомендательными письмами, что означало, между прочим, бесплатное обеспечение горючим на всем пути по Алжиру. Покровительство Алжирской мэрии было подтверждено и надписью на крыльях нашей машины. Наконец-то мы отправились к месту назначения — на юг, в Тассили.

Глава X

КАК Я НЕ НАШЕЛ КРОКОДИЛА

По пути в Тассили я занялся невеселыми подсчетами. Сначала мы рассчитывали на восемнадцать дней «чистого времени» для исследовательской работы в разных частях нагорья. Это было меньше, чем требовала запланированная программа. А теперь из-за задержки в Тунисе у нас осталась едва ли половина этого времени. Всякие неурядицы с местом работы некоторых участников экспедиции заставляли нас скорее сократить, чем продлить, экспедицию, а при этом путешествие к югу вообще утрачивало смысл. Таким образом, психосоциологическая атмосфера в группе была уже сейчас достаточно сложной.

Несмотря на огромные пространства Сахары, я все время убеждаюсь, не без удовольствия, что «мои следы на песке ветер до сих пор не занес». В самые неожиданные моменты я встречаю кого-то, кто помнит меня с давних времен и считает добрым знакомым. Но, к своему ужасу, я часто сам не могу даже вспомнить, откуда, собственно говоря, знает меня человек, который проявляет такую радость при встрече со мной. Такая неожиданная встреча ждала нас и в Гардае. Омар Аффу, которого я знал еще по Айн-Салаху с 1967 года, узнал меня и пригласил всю экспедицию к себе домой; он очень жалел, что мы так спешим, и, узнав о наших планах, написал в Иллизи какое-то письмецо по-арабски. Мы поблагодарили, проехали какую-то там тысячу километров и передали в мэрию письмо, о содержании которого не имели ни малейшего понятия.

— Вантити лучше всех из наших проводников знает местность. И хотя он нам нужен, если господин Аффу считает, что с вами должен ехать он, мы его позовем, и вы договоритесь с ним,— сказали нам в мэрии.

И вот мы отправились в самый труднодоступный район Тассили. С первого же дня мы поняли, что это никакой не «гид», а *имидиги* (по-туарегски «приятель»). Ему мы были обязаны исключительными успехами нашего первого, прикидочного этапа, осуществленного в рекордно короткий срок.

На полпути от Иллизи к Зауаталлазу мы свернули на юго-восток. Мы спускались с горы к знаменитому каньону Мигеро (Имигроу), откуда путешественник Эрвин фон Бари в 1867 году первым из европейцев сообщил о крокодилах в центре Сахары. Наша «Татра» мужественно пробивалась вперед по дороге, скорее обозначенной, чем проложенной по каменистой равнине. Для такой местности «Татра» оказалась незаменимой машиной. Для пустыни, вероятно, было бы полезно иметь еще возможность менять давление в пневматической системе, поскольку мы увязали там, где более легкие машины типа лендровера проезжали без труда. Мы предусмотрительно взяли с собой длинные ленты перфорированного железа, которые по моему заказу изготовили для экспедиции «Эфиопия» еще в 1969 году.

Площадь нагорья Тассилин-Адджер огромна — около 500 километров длиной и 50—150 шириной. Его юго-восточная часть напоминает поднятую под углом плоскую доску, на юго-западе ограниченную отвесным сколом; к

северо-востоку доска чуть-чуть поднимается и разрезается огромными каньонами, оставшимися от больших рек, по которым еще и сейчас катятся воды во время половодья после зимних дождей. Пустыня быстро «всасывает» эту воду.

По дороге нам дважды попадались многочисленные группы газелей *Gazella dorcas*, и мы могли наблюдать их с относительно близкого расстояния. За один-единственный день я видел их больше, чем за все предыдущие поездки. Это был первый признак того, что мы приближаемся к исключительно интересному месту, и одновременно доказательством того, что едем не по транспортной магистрали, не по охотничьим угодьям.

Слева от дороги уже начинался один из тех мини-каньонов, которые брали здесь свое начало и уходили на юго-восток. Вантити попросил остановиться, и тотчас же из-за поворота каньона появились туарегские женщины. (Отакар Штерба назвал это место в своих записях «районный город „У трех баб“»). Из-за их спин настороженно выглядывала группка детей; мужчины были со своими стадами вне пределов нашей видимости. С помощью Вантити мы осуществили пристрелочный «опрос» на тему «рушаф» (по-туарегски «крокодил»). Женщины отрицательно качали головами. Их тут давно никто не видел. Молодежь сейчас даже и не знает, как он выглядит.

Но нас, конечно, интересовала и природная среда, в которой крокодилы Сахары жили целые тысячелетия и исчезли только тогда, когда сюда проник авангард цивилизации — воинский гарнизон. Мы взяли из машины запас продовольствия на два дня и все необходимое для работы. Вантити повел нас по щебенчатой скальной равнине, простирающейся к юго-востоку; два часа шли мы по этой местности, и ничто не говорило о том, что так будет не всегда.

Вдруг на ровной поверхности появился шрам, пересекающий ее поперек. Перед нами — каньон Имигроу, почти стометровой глубины и несколько сот метров в ширину. Найти место для спуска оказалось совсем не просто. Внизу, на плоском дне каньона, был совсем другой мир: изобилие воды и растительности. Отдельные заводи (гельты), тянущиеся друг за другом по речному руслу, были лишь воспоминанием о реке, которая течет здесь только в период зимних дождей.

Спуск по совету Вантити мы отложили до утра.

Внизу было великое множество кусающихся насекомых, которые днем на солнце не появляются (не исключено, что тут бывает и малярия). Ночью стало очень холодно, так что никто из нас не проспал страстно ожидаемого рассвета — все уже давно проснулись, скрюченные от холода, и с отчаянием дожидались наступления полуденной жары. Когда в полдень человек вдруг оказывается в голой пустыне, этот ночной, пронимающий до костей холод кажется ему абсолютным благом, о котором он только мечтает. Так что сахарская пустыня кроме всего прочего имеет еще и то достоинство, что здесь постоянно есть чему радоваться. Спустившись на дно каньона, мы разделились на три группы: одну, стационарную, которая занялась обловом заводи, и две исследовательские, двинувшиеся по каньону вверх и вниз.

Уровень воды в гельтах был намного ниже среднего; одни гельты представляли собой незначительные лужицы между каменными валунами, другие — тянулись метров на сто. Глубина лишь в редких случаях превышала два метра. Берега — иногда скалистые, иногда песчаные — густо поросли тростником, в котором мы порой теряли друг друга. В большинстве гельт вода была мутной, однако местами пробивались чистые источники; нашли мы и сильно минерализованные, и газированные железистоуглеродные источники — приятное пополнение наших жалких запасов питьевой воды. Даже в самых маленьких высыхающих лужах оказалось немислимое количество рыбы — некоторых мы вытаскивали из воды прямо за хребет, выступающий над поверхностью воды. Ловить рыбу в больших заводях было, наоборот, иногда довольно трудно — большие, подточенные водой валуны мешали закидывать сети и сачки. Из четырех видов рыб, обнаруженных среди отлова стационарной группы, самой интересной была *Tilapia nilotica*, распространенная широко в водах Нила и Нигера и ранее, вероятно, входившая в ихтиофауну всей Сахары.

Богатство рыбы уже само по себе было косвенным доказательством существования большого разнообразия мелких обитателей в воде, служащих пищей рыбам. Бросались в глаза большие плавунцы и хищные личинки стрекоз. При поверхностном исследовании мы обнаружили по крайней мере два вида жаб и обычные виды мелких наземных позвоночных. Исключительно много было птиц: несколько видов певчих, три вида больших голенастых и два — хищных.

Все это богатство жизни было сосредоточено в узкой полосе «микромира» каньона — совершенно иного мира по сравнению с окружающей пустыней, который своей относительной сохранностью обязан, конечно, неприступности этих мест. Но достаточно проложить лишь одну удобную дорогу, и каньон может на короткое время стать раем для охотников. Для истребления крупных птиц хватит одной облавы. Для отравления вод, слегка просачивающихся через песок на дне каньона и текущих от заводи к заводи, хватит и небольшого количества отбросов — из тех, что уносят реки в самых густонаселенных частях земного шара от всех поселений человека.

Мы не встретили никаких следов крокодилов, до недавнего времени живших тут. Но несомненно, небольшое количество этих животных могло бы здесь прокормиться еще и сейчас. Поэтому попытка восстановить популяцию подселением не должна казаться в принципе невозможной. Научную же ценность первоначальной популяции, приспособленной к здешним условиям, конечно, ничем возместить нельзя.

За два дня нашего пребывания в Имигроу мы провели наблюдения, собрали коллекции и сделали находку, значение которой мы поначалу не оценили. Это была серия доисторических наскальных рисунков, которыми так богато Тассили; рисунки скрывались под навесами откосов каньона. Мы сделали несколько снимков самых отчетливых рисунков здешней «галереи». Наше внимание привлекли два изображения жирафов, выполненные в совсем различных стилях: одно — примитивный схематический штриховой рисунок — совершенно очевидно, принадлежало к более древним памятникам охотничьего периода, в то время как другое — явно более поздний рисунок с проработанным узором характерных пятен на шее жирафа — по своему исполнению соответствовало скорее более зрелым рисункам последующей, пастушьей эры. Внимание Отакара Штербы привлекли изображения странных созданий овальной формы, напоминавших, по его мнению, медуз. Конечно, возражать пану доценту невежливо, но мы все же деликатно намекнули ему, что это вздор. Представьте себе наше изумление, когда позже в гельте Имидрар он нашел этот «вздор» живым — там плавали сотни мелких пресноводных медуз *Limnocnida*.

Из-за недостатка времени мы смогли осуществить только беглый осмотр каньона, который со своей верх-

ней частью Игерир имеет длину более 70 километров. Мы возвратились на дорогу Иллизи — Джанет и продолжали путь на Зауаталлаз. Здесь мы получили от местных жителей еще одну информацию: проводник Брагим Бен Бухуш вроде бы видел крокодила в группе невысыхающих гелът каньона Имидрар. Поскольку это было недалеко от дороги, соединяющей Зауаталлаз с Джанетом, мы включили в программу проверку и этого сообщения, а Брагима взяли проводником. Наша «Татра» увязла в песке, как только сошла с накатанной дороги, так что до гелъты нам пришлось добираться четыре часа. Точнее сказать, это были три гелъты, связанные одна с другой, но разные по характеру. Первая была небольшой заводью с мутной водой размером 4×5 метров и глубиной немного больше метра. В ней водились рыба вида *Barbus* и уже упомянутые медузы. За первой заводью, в узком скальном ущелье с отвесными склонами, была вторая гелът. Дно ущелья заросло труднопроходимыми джунглями, кустами и камышом. Через двадцать метров мы подошли к трясине — дальше пройти было нельзя.

Нам удалось проникнуть в ущелье по скальной стене, благодаря тому что здесь было много уступов. Солнце заглядывало в ущелье от силы на два часа, и вода была необыкновенно холодная: 18°C. Гелът имела глубину около двух метров и длину более 50 метров. И здесь были рыбы и множество медуз. На другой конец, однако, перебраться можно было только вплавь. Еще на 30 метров дальше, над скальным порогом, была третья гелът, примерно 10×15 метров, глубиной более пяти метров, с совсем чистой водой и по крайней мере на пять градусов теплее, чем вода во второй гелъте (термометр к тому времени разбился). Тут не было никакой рыбы, только несколько гигантских головастика, как у нашей чесночницы рода *Pelobates*. Владимир, который пробрался каньоном (здесь уже расширяющимся) на несколько сот метров выше, обнаружил еще две гелъты.

И хотя здешние воды были необыкновенно богаты всякой живностью, трудно было предположить, что в бассейнах таких размеров крокодилы могли прожить целые тысячелетия в изоляции, даже если учесть, что в менее сухой период воды на дне каньона могло быть намного больше. В этом каньоне было относительно мало рыб и еще меньше жаб. Крупные водоплавающие птицы, многочисленные в Имигроу, здесь не водились. То есть

во всей системе не хватило бы пищи даже для одного взрослого крокодила.

По приезду в Джанет мы представились в мэрии и изложили свои планы. Секретарь задумался, а потом посоветовал нам познакомиться с Керзаби, как раз находившимся в это время в Джанете, директором Национального парка Тассили.

Мы были «радостно изумлены». Еще в проекте, переданном алжирским властям дипломатическим путем в конце 1971 года, мы предлагали создать Национальный парк в Тассили. Исследования, которые мы проводили сейчас, были направлены главным образом на то, чтобы собрать дополнительные, конкретные аргументы в поддержку этого проекта, который уже, как мы только что узнали, был осуществлен официально в 1972 году. Только что назначенный директор еще не видел парка, а в данный момент безуспешно пытался найти в Джанете помещение для канцелярии; он производил впечатление человека на своем месте, который относится к своим обязанностям неформально. Керзаби сразу предложил нам помощь в пределах своих возможностей и проявил интерес к нашей деятельности, особенно его заинтересовали наскальные рисунки, которые мы сфотографировали в Имигроу; открытию новых мест с доисторическими наскальными фресками уделялось особое внимание, а в Имигроу их до нас не находили. Мы пообещали передать ему фотографии и топографическую документацию, но одновременно обратили его внимание на то, что значение природного богатства каньона (даже без крокодилов) несомненно выходит за рамки нахождения там еще одной серии рисунков и каньон, лежащий далеко за пределами Национального парка, заслуживает того, чтобы быть объявленным самостоятельной резервацией. Керзаби в принципе согласился с нами и попросил переслать ему документацию и обоснование, а он уж попробует предложить проект и провести его. Он, однако, предупредил нас, что результаты, конечно же, будут не скоро, так как вышестоящие органы считают дело решенным уже самим объявлением парка и преследуют только одну цель — сохранять и пропагандировать здешние наскальные рисунки и поддерживать развитие туризма. И хотя сам Керзаби не естествоиспытатель, ему хотелось бы сохранить и другие достопримечательности этого района, добиться расширения парка и создать еще заповедники. Он считает, например, одним из важней-

ших предназначений парка охрану вымирающих тассилийских кипарисов и попросил нашей помощи в этом деле, и вообще он был бы рад с нами сотрудничать постоянно. Керзаби уже пришлось убедиться в том, как нелегко найти квалифицированного специалиста, готового пройти пешком десятки километров по пустыне, питаться пищей туарегов и пить воду из горных луж. Исследовательских станций с кондиционерами, с европейской кухней здесь еще долго не будет.

Национальному парку Тассили повезло вдвойне: он не только был создан, но и попал вдобавок к тому в хорошие руки.

В странах, еще недавно бывших колониями, природа обычно воспринимается не как одна из культурных ценностей, а как бесплатное «сырье для потребления». Во времена освободительных войн, когда и человеческая жизнь имела лишь цену пули, и в последующие периоды с насущными хозяйственными и другими проблемами, требующими немедленных, порой вынужденных решений, не могло быть условий для таких, казалось бы, абстрактных мероприятий, как «охрана природы». Во многих из этих стран хотя и созданы крупные парки, но только после вмешательства извне и на основе коммерческой рентабельности туризма. Бывает, что коммерция — главное, что волнует администрацию парка, так как работа последней оценивается и поощряется в зависимости от того, какой финансовый доход приносит парк. За примерами не надо ездить в Африку: после провозглашения Национального парка на острове Млет в Средиземном море были изменены его природные условия и ландшафт, и все это лишь для того, чтобы богатые туристы могли заплывать туда на яхте. Остатки средиземноморских тюленей, которые до этого жили на побережье острова, «благодаря» процветанию парка исчезли — по крайней мере одной заботой меньше у администрации парка.

Керзаби дал нам проводника и караван верблюдов для изучения загадочной местности Акзель, откуда в 1967 году поступила информация о якобы живущих там крокодилах. Область находилась в предгорье, которое никем не посещалось даже в последнее время, когда самые высокие части нагорья стали «вотчиной» археологов.

Мы договорились с проводником, что проедем «Татрой» по дороге к ущелью Асакао так далеко, как только возможно, а затем продолжим путь на верблюдах. Все так и произошло, и наш караван медленно поднимался вверх по лабиринту каньонов. Подъем был медленным по двум причинам: животные в этом невероятно засушливом году были слабы, так что мы садились на них, только когда проходили по ровной местности, остальное время они везли только груз. Погонщики верблюдов тоже оказались обессиленны: они соблюдали пост — был рамадан. Как верующим мусульманам, им в течение целого месяца нельзя было ни есть и ни пить до захода солнца, а им к тому же приходилось смотреть на то, как их хозяева на каждом привале подкреплялись хотя бы глотком воды.

По какому-то недоразумению при обсуждении маршрута случилось так, что к вечеру мы очутились под каньоном Асакао, хотя, чтобы попасть к гельте Акзель, нам надо было бы свернуть на запад. В результате поход наш на Акзель продлился на три дня.

Наконец мы прибыли на место. Все мои опасения относительно сохранения тайны до сих пор неизвестного места обитания крокодилов, надежности проводников и хорошо продуманные сложные меры предосторожности оказались напрасными. Здесь было еще меньше возможности для существования хотя бы одного крокодила, чем, например, в гельтах Имидрара. В бассейне, перегороженном скальным порогом, уровень воды поддерживался только просачивающимися подземными водами, и в условиях невероятной засухи этого года в гельте размером в несколько метров наибольшая глубина чуть превышала полметра. Не исключено, что в еще более засушливые годы эта гельта высыхала совсем. В ней не было даже рыбы, только множество водорослей и мелких организмов — широкое поле деятельности для нашего гидробиолога. О том, что тут все же во время дождей катится приличный поток, свидетельствовала шестиметровая яма, выдолбленная под порогом скалы; когда поток иссякал, в ней еще очень долго стояло озеро, но сейчас и оно высохло.

Еще два дня караванного пути, которые я провел, проклиная безответственного информатора, — и мы опять были у нашей «Татры». Там я понемногу успокоился, решив, что нет худа без добра. И без акзельских крокодилов наша экспедиция получила богатейшие и со всех

точек зрения ценные результаты. Кроме того, мы узнали, что парк в Тассили уже существует и его администрация серьезно интересуется нашими результатами. Собранный экспедицией материал не поглотит пыль музейных запасников, он будет служить Национальному парку Тассили при проведении в жизнь охранных мер. Разговор с директором открыл перед нами перспективу принципиально более эффективного сотрудничества на ближайшие годы, чем когда-либо раньше, и всего этого не было бы, если бы безответственный информатор не растревожил мою фантазию сообщением о крокодилах в Акзеле.

В Джанете мы сделали короткую остановку, чтобы пополнить запасы, а Петр Павлик отправился на почту. По дороге кто-то схватил его за полу и спросил по-чешски:

— ...так где же вы, собственно?

Это был Ота Лейски, который должен был прилететь к нам в Алжир вместе с редактором Брауном. По приезде в Джанет мы их не нашли и решили, что вообще их больше не увидим. А где Блажа Браун? Он заболел по дороге стандартной североафриканской болезнью, действие которой живописалось в главе о моей первой поездке в Адрар в 1967 году. Из самолета его вынесли почти в бессознательном состоянии, и Оте с большим трудом удалось не дать поместить его в холерное отделение джанетской больницы. Почему приехали так поздно? Они делали все, что могли, не в пример учреждениям. Учреждения сильнее человека, и они рады были тому, что вообще смогли приехать.

Радость свидания быстро вытеснили серьезные проблемы. Одни члены экспедиции все больше нервничали по поводу опоздания на работу, и их желание было однозначно — наикратчайшим путем скорее к дому, не считаясь с тем, что не вся программа выполнена. Другие, наоборот, придерживались того мнения, что, несмотря на задержку в Тунисе, следовало бы насколько возможно завершить дела в Алжире. Мы до сих пор не посетили каньон Игерир, который является верхним «потоком» Имигроу, где, как говорят, крокодилы жили дольше, чем в самом Имигроу, в более доступном широком каньоне. До оазиса теперь проложена дорога, так что наша «Татра» вполне может туда проехать. Когда

Анри Лот закончил свою экспедицию, во время которой он обнаружил рисунки в нагорье над Джанетом, он выслал в Игерир небольшую исследовательскую группу на поиски крокодилов. Группа при беглом осмотре ничего не нашла (что не так важно), и местные жители им тоже сообщили, что крокодилов там нет уже с 1924 года (что важнее, хотя, возможно, по каким-нибудь причинам они и могли намеренно скрыть действительную ситуацию, ведь, по записи в Джанетском архиве, здесь был застрелен крокодил еще в 1956 году, то есть год назад! Как случилось, что они об этом ничего не знали?). Наше выяснение судьбы тассилийских крокодилов в любом случае было бы неполным, если бы мы обошли Игерир.

Хуже всего было вновь прибывшим членам нашей экспедиции. После всех трудов и мучений, да еще и дорогостоящей дороги до Тассили перспектива влезть в переполненный грузовик и ехать как можно быстрее домой не могла их вдохновлять. Мы решили все обсудить по дороге и отправились в Зауаталлаз.

Наш имидрарский проводник Брагим Бен Бухуш сказал нам, что как раз сейчас в Зауаталлазе находится старый охотник Салем Шибани, который лучше всех знает судьбу игерирских крокодилов, поскольку он сам там одного поймал. Я попросил Брагима познакомить нас и помочь договориться, поскольку старый охотник говорил по-французски еще хуже, чем мы, и свободно изъяснялся только по-туарегски, «тамашеком». Я приготовил все необходимое для записи разговора на магнитофон, чтобы неясные места подвергнуть дополнительному изучению дома с помощью квалифицированного филолога.

Сообщение Салема Шибани было более интересным, чем мы предполагали. Разговор наш — после не очень удачного с предыдущими информаторами — имел форму допроса; при этом недоверчивые члены экспедиции выспрашивали подробности, которые он не смог бы вспомнить уже и через неделю, не то что через десятилетия, прошедшие со времен этих событий. В ответах гордого и терпеливого старца мы, однако, не нашли никаких видимых противоречий. Он даже нарисовал животное на куске картона и попытался воспроизвести звуки, которые издавал умирающий крокодил.

Салему Шибани исполнилось в то время 73 года, однако, несмотря на это, он был полон сил; без сомне-

ния, он считался среди местных туарегов знатоком этих мест и хорошо знал их историю. Рассказ его относился к пятидесятым годам, точнее установить год не удалось. Скорее всего упомянутая ранее запись в Джанетском архиве о последнем игерирском крокодиле относилась как раз к этому случаю.

Тогдашний начальник французского гарнизона в районе Тассили, в Форт-Гарлете (Джанет), попросил Шибани посмотреть, нет ли в Игерире еще крокодилов, а если есть, пусть он убьет одного и снимет кожу. Шибани застрелил у большой игерирской гельты крокодила двухметровой длины, снял кожу и закопал кости, насыпав над ними холм, как над человеческой могилой. Снятую кожу взвалил на верблюда и привез в Джанет.

В ответ на наши вопросы об образе жизни крокодилов он сообщил, что в холодное время они грелись на солнце на берегу, а летом находились в основном в воде, так что видна была одна голова. Крокодилы часто перебирались по суше из одной гельты в другую.

Нас очень интересовал вопрос, почему крокодилы так быстро погибли в этом столетии (когда Шибани был ребенком, они еще не были редкостью), в то время как в течение целых тысячелетий перед тем сохранялись, несмотря на ухудшение условий, небольшую область распространения и недостаток пищи. Мы, вероятно, уже никогда не узнаем ничего определенного относительно биологии и экологии исчезнувшей популяции, которая относилась к виду *Crocodylus niloticus*, но под влиянием изменения жизненных условий имела иную форму. По всем дошедшим до нас сообщениям, взрослые крокодилы не превышали в длину двух метров, что составляет лишь половину длины нильских крокодилов. Однако нигде нет упоминаний и о меньших экземплярах. Из-за недостатка пищи здесь, очевидно, происходила жестокая борьба и внутри популяции, а молодые особи, вероятно, уничтожались взрослыми, если не освобождалась территория со смертью взрослого крокодила.

На наши вопросы об отношении туарегов к крокодилам Шибани ответил, что ни игерирские, ни другие местные жители крокодилов не преследовали, они их избегали. Он даже отрицал охотничьи экскурсии французов. У части нашей экспедиции на основе этого сложилось даже впечатление, что крокодилы погибли естественным путем (произошло сокращение численности ниже биологического минимума, или дегенерация) под

влиянием все ухудшающихся условий жизни и уменьшения жизненного пространства. Относительно уровня вод, количества рыбы и других источников пищи для крокодилов Шибани сказал, что за его жизнь ничего не изменилось — в такой короткий период уменьшение нельзя было заметить.

Вряд ли можно произвести точный подсчет убитых французами крокодилов (кроме нескольких экземпляров, упомянутых в литературе или представленных в музеях и коллекциях) и оценить, стало ли это роковым для популяции; ничего определенного не сказал об этом и Шибани. Предположение, что небольшая популяция изжила себя естественным образом, нельзя принять главным образом уже потому, что популяция крокодилов пережила здесь целые тысячелетия, а исчезла одновременно с приходом цивилизации, имеющей огнестрельное оружие. Вряд ли это случайное совпадение.

Скорее всего можно предположить, что произошло это сразу по двум причинам. Крокодилы жили здесь, совершенно очевидно, в условиях, близких к критическим, они были потенциально «обречены», и приход цивилизации совсем незначительным вмешательством мог решить их участь — сохранить им жизнь или уничтожить их. Охотники опередили защитников природы более чем на полвека. По-видимому, крокодилов еще можно было спасти перед второй мировой войной. Позже — уже только с подселением новых особей из других мест.

В конце разговора мы попытались выяснить точку зрения Шибани на возможность существования еще какого-нибудь «забытого» крокодила в Тассили. Мы упомянули гельту Имидрар, но, не считаясь с присутствием проводника Брагима Бен Бухуша, уверявшего, что он видел крокодилов в этой гельте, Шибани категорически отверг такую возможность. Он настаивал на том, что крокодил, которого он убил по приказанию французского офицера в гельте Игерир, был последним.

Звукозапись всего разговора длится около часа, но последняя его часть носила уже чисто контрольный характер. Затем мы провели короткую дискуссию уже на другую тему — куда ехать дальше. «Спешащие» настояли на том, что в Игерир мы уже не поедem, ну а противники поспешного возвращения отвоевали себе за это возможность проехать по более длинной трассе — через Ахаггар и Центральную Сахару. Вот так мы распрощались в Зауаталлазе не только с виновником гибели

последнего игерирского крокодила, но и с Тассили и тассилийскими туарагами вообще.

По дороге через Ахаггар мы осуществили облов гелты Таззаит, а наши альпинисты Отакар Штерба и Густав Гинзел совершили блицвосхождение на красивейшую гору Илламане («аман» означает на тамашеке «вода», «Илламане» — что-то вроде «Господин вод»). Дальнейшее наше путешествие на север из-за недостатка времени напоминало скорее гонки. В Ин-Экере нам, как гостям руководителя постоянной изыскательской геологической партии, были предоставлены для ночлега «номера люкс» в домиках с кондиционерами. Руководитель партии любил природу и имел душу природоохранителя. Он знал историю тассилийских крокодилов, все неясности относительно их нынешней судьбы и искренне сожалел, что наши поиски завершились так безуспешно. Он сам в меру своих возможностей старается заниматься охраной местной фауны и пришел к выводу, что главное в этом — воспитание и просвещение местных жителей.

«Я добился того, что одна из отдаленных водяных скважин была приспособлена под водопой для диких животных. Спустя некоторое время мне удалось снова побывать там, и знаете, что я там увидел? Охотников в засаде. И я провел другое мероприятие по охране природы — уничтожил этот водопой. Если бы я не был руководителем геологической партии, я бы занялся тем же, что и вы, но по-иному: я ездил бы с передвижным кино и школой и занимался просвещением. Но мне кажется, что и сейчас я косвенно служу делу защиты природы — мы обеспечиваем людей работой, даем им возможность получать продукты питания другим путем вместо охоты на вымирающие виды животных. В дальнейшем останется только позаботиться о том, чтобы охота не превратилась в жестокое развлечение».

И хотя мы приехали в Ин-Экер, когда уже стемнело, с единственным желанием поскорее лечь спать, мы проговорили чуть ли не до самого утра. И самым замечательным во всем этом было то, что разговор об охране природы был поучительным прежде всего для нас, людей, занимающихся этим профессионально, — не для хозяина. Но именно это и хорошо. Ведь, в конце концов, алжирскую природу могут сохранить только сами алжирцы, если таких ее защитников, как наш хозяин в ин-экерском СОНАРЕМе, будет становиться все боль-

ше,— а не приезжающие сюда изредка и ненадолго визитеры.

Глава XI

УДАЛОСЬ СДЕЛАТЬ ДОБРОЕ ДЕЛО

Часто проходит много лет с момента рождения идеи экспедиции, прежде чем последняя осуществится или провалится, то же происходит и с книжкой об экспедиции. Рукопись этой сахарской хроники была закончена в 1974 году, но прошло еще три года, прежде чем было решено ее издать. А тем временем события, связанные с нашим сотрудничеством с Алжиром, не переставали развиваться — скорее наоборот. И потому не остается ничего другого, как дополнить уже оконченную рукопись еще одной главой, в которой рассказывается о событиях более значительных и принципиально важных, чем во всех предыдущих главах этой книги, вместе взятых.

Однако не будем забегать вперед.

Наш «Проект сотрудничества в области охраны и использования алжирской природы» стал предметом обсуждения на переговорах о чехословацко-алжирском сотрудничестве в области культуры, и в рабочий проект договора была включена экспедиция в Алжир, намеченная на весну 1975 года. Подробности намечалось уточнить в процессе переговоров с принимающей стороной.

«Проект сотрудничества...» предлагал большой список мероприятий, которые, на наш взгляд, следовало провести в Алжире и которые могли осуществить члены нашей добровольной организации по охране природы. Список был составлен для того, чтобы алжирская сторона могла выбрать те мероприятия, которые считала самыми необходимыми для охраны природы. Мы упомянули и о других, не включенных в проект акциях, а также подчеркнули, что готовы приветствовать участие в них алжирских коллег и возможность прямого сотрудничества на местах.

Затем мы получили ответ принимающей стороны — администрации Национального парка Тассили — от 4 апреля 1974 года. Директор парка Керзаби перечислил в нем самые важные мероприятия, которые он хотел бы осуществить, и среди них:

— охрана доисторических наскальных росписей;
— охрана растений и создание питомника (речь шла, хотя об этом и не говорилось прямо, о тассилийских кипарисах);

— охрана животных и по возможности увеличение численности видов, находящихся под угрозой истребления;

— просветительская деятельность, особенно в виде кинофильмов, выставок и печатных материалов.

Первый пункт (охрана наскальных росписей) привел меня в отчаяние, так как охрана наскальных росписей, которой алжирская сторона отводила первое место, не является делом охраны природы. Это — дело организации охраны памятников, а она в Алжире поставлена, вне всякого сомнения, лучше, чем охрана природы; если бы мы начали работу в этой области, мы заранее могли бы рассчитывать на поддержку и положительную оценку наших действий на всех уровнях, включая организацию, от которых зависит, будет ли это мероприятие осуществляться и на каких условиях.

Найти специалиста по консервации памятников, согласного отправиться в Сахару, не составило бы проблемы, но...

Но для осуществления достаточно широкой программы по охране природы требовалось больше времени и людей, чем было отпущено предполагаемой шестой экспедиции. А если мы возьмем на себя еще и охрану памятников, то сделать это можно только за счет охраны природы.

Члены экспедиции, занимающиеся охраной памятников, будут во всем иметь преимущество, остальные же получат машину, проводника или другие «дефициты», только если им останется.

Я проявил твердость и отказался заниматься охраной наскальных росписей. Пусть меня никто не будет любить, но с этим Алжир легко справится и без нас. Алжиру, хотя он до сих пор не осознает этого, необходима охрана природы. Если нам удастся только обратить их внимание на эту потребность и пробудить к ней интерес, уже можно будет считать, что наши усилия не напрасны, потому что «кто хочет, тот может», а если алжирцы захотят сохранить свою природу, то сумеют это сделать так же хорошо, как сумели завоевать свободу или как умеют охранять памятники культуры.

Вместо охраны наскальных росписей я предложил

продолжить энтомологические исследования; проведенные Гоффером работы принесли исключительные результаты в области систематического изучения энтомофауны, и, конечно, было бы жалко не продолжить их. И дело даже не в том, что обработка собранных в двух его поездках в Алжир коллекций позволила описать шестьдесят новых видов и три новых рода насекомых. С точки зрения охраны природы принципиально важно то, что исследования Гоффера были прежде всего нацелены на энтомофагов — хищные виды, являющиеся почти единственной надеждой в деле охраны природы, а также сохранения жизненного пространства человека, все более отравляемого ядовитыми химическими средствами, используемыми против экономически вредных видов насекомых. Но чтобы вводить биологические или комбинированные методы комплексной борьбы с вредителями, нужно прежде всего иметь как можно более полное представление о всех насекомых-хищниках, чтобы было из чего выбирать самого эффективного биологического врага каждого вида вредителей.

Подготовка шестой экспедиции только казалась простым делом. Вроде бы не было жизненной необходимости доставать деньги на поездку, получать различные разрешения, обещания, визы и тому подобное. Но нам сразу же пришлось убедиться в том, что простота эта обманчива, и чем дальше, тем хуже. Несколько раз мы стояли на грани полного краха, и только чудом все снова воскресало, возрождая наши надежды.

Короче, все было совсем по-другому и в то же время намного сложнее. Среди наименьших трудностей была: проверка нашего проекта с профессиональной точки зрения; комиссия президиума Чехословацкой Академии наук по комплексному изучению развивающихся стран вызвала меня для обсуждения программы. Обсуждение продолжалось почти два часа, но наконец не осталось и тени сомнения, и концепция получила положительную оценку. Однако вслед за этим приостановилась переписка между нашей и алжирской стороной; министерство культуры ЧССР решило, что алжирская сторона потеряла к этому интерес. Наша переписка по поводу экспедиции с администрацией Национального парка Тассили не принималась во внимание, для реализации проекта имели силу только дипломатические отношения — наша судьба решалась в местах, недоступных нашему влиянию. Неопределенные и запоздалые ответы из Алжира

делали все менее реальным отъезд нашей экспедиции весной, что было немаловажно. В другие времена года эффективность почти всякой деятельности, связанной с живой природой, значительно снижается, и результаты не соответствуют приложенным усилиям; в нашем случае это особенно касалось запланированных энтомологических исследований Гоффера.

Неопределенная позиция алжирской стороны проявилась и в том, что посольство Алжира в Праге долго не решалось выдать нам въездную визу. Уже кончалось лето, а с ним и наши надежды. Наступило последнее действие драмы, потому что через несколько месяцев кончался двухлетний срок действия рабочего плана договора, в который входила и наша экспедиция.

«Бой проигран, бойцы обратились в бегство», — говорит поэт о чем-то, вероятно, очень похожем на нашу тогдашнюю ситуацию. И я начал поспешно оформлять выездные документы в Югославию (я еще в начале года предусмотрительно запросил у банка валюту для поездки в Югославию), и в начале сентября все было готово для выезда в Загреб. Там меня уже ждал мой знакомый инженер Драганович из Хорватского института охраны природы, с которым мы вместе собирались изучить положение различных видов животных, находящихся под угрозой истребления, в излюбленном туристами Национальном парке на острове Млет. Все было великолепно подготовлено, и документы на выезд в Югославию лежали у меня «в кармане», и все же поездка расстроилась. Второго сентября из алжирского министерства информации и культуры пришла нота, которая хоть и не разрешала всех сомнений, но все же привела к тому, что алжирское посольство в Праге немедленно выдало нам требующиеся визы на трехмесячное пребывание в Алжире восьми участников экспедиции. Но к тому времени их осталось всего шесть, да и фамилии отчасти не совпадали с заявленными: одним не удалось получить отпуск, другим удалось, но лишь на первоначально запланированное весеннее время, а не на «неопределенное». Катастрофической была ситуация с ботанической программой. Она была разработана в основном для изучения тассилийских кипарисов. Сначала предполагалось, что руководить этой программой будет Марцел Рейманек, затем доктор Чванчара и, наконец, Вацлав Петржичек, ботаник из Государственного института охраны памятников и природы. Ему был обещан внеочередной отпуск,

но в июле ему отказали в этом. Однако речь шла о проблеме охраны природы, которую алжирская сторона считала наиважнейшей, и потому заниматься ею я считал необходимым из принципиальных и престижных соображений. Когда почти «двенадцать пробило», проблема кипарисов была передана в руки Петра Шмерака, педагога по образованию. Поскольку предполагалось, что специализированные группы экспедиции будут работать в разных местах независимо друг от друга, я считал необходимым по причинам безопасности не оставлять никого одного, и в экспедицию включили его молодую жену Людмилу.

В общем, ситуация была во всех отношениях запутанной, и все, что я описал,— лишь отдельные примеры. Хотя посольство дало нам визы, посылающее нас министерство все еще колебалось, и я продолжал готовиться к поездке в Югославию. Но мне предложили такой вариант: одного или двух человек послать раньше, чтобы на месте выяснить, будут ли обеспечены нам необходимые условия для запланированной деятельности. Если эта первая группа пошлет из Алжира положительное сообщение, остальные вылетят через неделю.

Вот так расстроилась моя великолепно подготовленная поездка в Югославию; я спешно отправил в Загреб письмо с извинениями, и восьмого сентября мы вдвоем вылетели в Алжир. По дороге я беззаботно фотографировал с самолета интересные метеорологические явления с ощущением того, что все трудности уже позади. О нашем приезде было заявлено официально, значит, нас будут встречать; опись содержимого нашего багажа мы предъявили алжирскому посольству в Праге полгода назад, чтобы избежать малейших таможенных неурядиц.

Приземляемся. На аэродроме огромное скопление народа. Более часа мы пытаемся пробиться в зал для пассажиров, там мы застреваем надолго. Я безуспешно пытаюсь разглядеть по другую сторону баррикады доктора Керзаби. Наконец мы у стола таможенника, а с нами громада ящиков с материалами выставки и сумок со снаряжением для трехмесячной работы в пустыне. Таможенник пришел в ужас, наши специальные паспорта не произвели на него никакого впечатления, он призвал своего начальника, и тот все конфисковал. И вот мы очутились перед воротами аэропорта как сироты, которые никому не нужны и которых никто не знает. Все автобусы в город уже уехали, вместо них приближалась

гроза. Рабочий день вот-вот кончится, и, если сейчас же ничего не предпринять, мы потеряем возможность что-либо исправить сегодня.

Наша деятельность в Алжире началась восемь лет назад автостопом, и им мы закончили сегодняшний день. Машина, пойманная у аэровокзала, направлялась к мэрии, и наш первый визит был к нашему знакомому инженеру Вацлаву Янсте. Отсюда мы связались по телефону с Керзаби. Он очень удивился. Шофер Саид (которого он послал к самолету с машиной) сообщил ему, что никто не прилетел. В общем-то я даже и не удивился тому, что Саид не узнал в этой толчее людей, которых никогда в жизни не видел; к тому же он уехал раньше, чем мы попали в таможенный зал. Теперь он приехал за нами в мэрию, но налет на аэропорт за конфискованным багажом из-за позднего времени пришлось отложить на следующий день.

Несмотря на все это, непохоже было, чтобы возникшие трудности были результатом чьего-то злого умысла (наоборот, меня заверяли, что администрация Национального парка Тассили готова обеспечить нашу деятельность в Сахаре), и я послал в Прагу сообщение, которое ждали остальные четыре члена экспедиции, — что все в порядке и они могут прилететь следующим рейсом.

К их приезду действительно все было «в порядке»: в аэропорту, как и положено, их встречал директор Национального парка лично, таможенный контроль прошел гладко, и в город их отвезла присланная за ними машина. Я завидовал им немного, ведь мы целую неделю ездили в аэропорт ежедневно, пока нам не удалось наконец выволить свой багаж из таможни — всего за день до прилета второй группы.

На этом организационные трудности не кончились, но я уже отвел им много места в книге и не буду продолжать этим заниматься хотя бы потому, что вряд ли это кого-либо особенно заинтересует, да и произошли более важные события.

Еще до отъезда из столицы на юг прошли переговоры по поводу фильма «Следы на песке». Старый сценарий 1970 года, лейтмотив деятельности третьей экспедиции, стал на этот раз основой сотрудничества с алжирской киностудией; правда, главный оператор несколько сомневался, стоит ли браться за такую отвлеченную тему, но потом дал себя убедить в том, что из этого можно сделать что-то, чего в Алжире еще не было,

Теперь уже у нас была группа документалистов из четырех человек (прибавился оператор с ассистентом), и кроме запланированных фотосъемок снимался также и фильм.

Базой нашей экспедиции стало здание администрации Национального парка Тассили, откуда отправлялись отдельные экспедиции, иногда на один день, иногда на десять и дольше, так что члены разных групп порой недели, а то и больше не видели друг друга. Прямо противоположное тому, что происходило в предыдущей экспедиции, когда мы путешествовали все вместе в одной машине. И это было к лучшему. Тогда на нашей общей передвижной базе разница интересов была постоянным источником трений. Если ихтиолог требовал остановиться около ничем не примечательной для остальных лужи и долгие часы вымачивал в ней свои сети, то остальным в это время нечем было заняться, и они не просто скучали, а представляли себе, куда бы успели за это время доехать и что сделать; снова доберемся до цели сегодняшнего путешествия в темноте, и невозможно будет по следам найти подходящее место для ловушки грызунов...

Такие и подобные мысли обуревали остальных, пока один работал. А если бы мы не остановились у этой лужи, ожесточился бы ихтиолог. Тогда это было неразрешимо, теперь этих проблем не стояло. Каждый занимался своим делом, никого не задерживал и никому не мешал.

Вступительные кадры фильма «Следы на песке» по сценарию назывались «Вода — основа жизни». Идея эта всем нравилась, но как воплотить ее в образ здесь, у Джанета, никто не представлял. Великолепная мысль пришла Гофферу — он посоветовал обратить внимание на гельту Ифри, облюбованное им и его коллегой Дворжаком с 1972 года место сбора насекомых.

Гельта у селения Ифри расположена в широкой плоской долине примерно в десяти километрах от оазиса Джанет. Она имеет слегка прогнутую и очень удлиненную форму: ширина ее около десяти метров, длина почти в 10 раз больше. У северной оконечности гельты начинаются заросли высокого тростника и тамариска и тянутся на север от гельты на несколько сот метров; такие же заросли окаймляют гельту по берегам, особенно с востока; здесь было любимое место охоты Гоффера. Примерно в ста метрах к югу долина частично перегороже-

на отвесной скалой; туда мы и направились прежде всего. Взобравшись с камерой наверх, мы увидели под собой как на ладони искомый образ — «Вода — основа жизни». Вокруг озерца простирался зеленый ковер буйной растительности. Но не слишком далеко. За границами проступающих на поверхность подземных вод образ резко менялся на прямо противоположный: раскаленный песок, волны дюн до самых гребней голых скал, растрескавшихся от дневной жары и ночного холода, грубо обтесанных песчаными бурями до причудливых форм какого-то неземного, космического тела.

С такого расстояния мы могли в первых кадрах фильма показать лишь контраст мертвой пустыни и скопления растительности около гельты. Чтобы продемонстрировать взаимосвязь воды и жизни и на животных, мы вернулись к заводу, отсняли жаб, бросающихся в воду при малейшей тревоге, мелких птиц, летающих над поверхностью вод, и пестрых стрекоз, садящихся на камыши вокруг нас. Пока мы подыскивали в зарослях тamarиска место для съемок, перед нами внезапно взлетела до невероятности огромная для здешних мест птица, перелетела гельту и скрылась в скалах над ее западным берегом. Это была серая цапля *Ardea cinerea*.

Кого только здесь нет, на этом небольшом клочке «прощания с водой» в пустыне! Все это можно было увидеть ранним утром, прежде чем сюда пригонят свои тощие стада пастухи из близлежащего поселения Ифри; мы решили соорудить укрытие, чтобы не пугать птиц.

Укрытие? Проблема решалась легко — строительного материала вокруг хоть отбавляй. Мы бросились в заросли тростника — и через два часа укрытие готово. Постройка не была, конечно, образцом искусства, но цели своей служила. Мы сделали две «бойницы» для одновременной съемки кинокамерой и фотоаппаратом.

На другой день мы отправились в путь необычайно рано, остановили машину в полукилометре от нашего наблюдательного пункта и под прикрытием камыша доползли до него. Там мы прильнули к своим аппаратам и начали ждать.

Над горизонтом вместо занавеса поднялось солнце и озарило скалы над гельтой. Лучи, отражаясь от скал, освещали укромные уголки густых зарослей на восточном берегу. Камыши тихонько дрогнули, и на сцену выступил первый претендент на главную роль, но это оказался совсем не тот, кого мы ждали. К нашему удивле-

нию, на берегу стояла молодая кваква (*Nycticorax nycticorax*) — представительница здешних крупных водоплавающих птиц. Она пытливо заглянула в воду и замерла; потом быстро и ловко выловила добычу и проглотила ее. Мы не успели рассмотреть, что это было. Тотчас же рядом с нашим укрытием появилась маленькая, невероятно подвижная птичка-гномик — кулик-воробей (*Calidris minuta*) — и побежала по берегу, вытягивая из трясины длинным клювиком мелкую живность. Камера тихонько жужжала и пожирала один за другим ролики киноплёнки.

— Смотри, Бен, вон там,— зашептал я на ужасном французском в ухо оператору как можно тише и одновременно как можно отчетливой. В южной части гельты наконец показалась самая величественная фигура первой сцены фильма — наша вчерашняя знакомая, серая цапля. Почти тут же рядом с ней (на три метра ближе к нам) из зарослей тамариска вышел ослик, чтобы напиться. Цапля внимательно осмотрела его и, убедившись, что человека с ним нет, спокойно осталась на месте (от людей она улетает). Пока Бен направлял на нее камеру, из-за поворота гельты появились две серые утки *Anas strepera* и вплыли в кадр. Над ними кружилась целая стая мелких птиц. Одним словом, начало фильма удалось на славу, и мы успели сделать все как раз вовремя.

Вскоре к гельте начали медленно стягиваться пастихи, и парад окончился. Крупные птицы исчезли, будто бы их вообще не было, а из мелких осталась пара сиротов. В том, что это был с их стороны верх неосторожности, нас заставили убедиться чуть позже мальчишки с рогатками.

Если бы я не был здесь при восходе солнца, я едва бы поверил в то, что в здешних зарослях скрывается такое множество птиц. Нельзя ли сделать здесь еще что-либо кроме вступления к фильму? В тот же день, в полдень, я разговорился с туристом из Дании; он спросил меня, не знаю ли я какие-либо здешние достопримечательности кроме этих доисторических рисунков. Он с досадой говорил о местных проводниках и их односторонней подготовке; все, что они могут,— это водить людей от одной наскальной росписи к другой; он посмотрел уже сотни таких рисунков, и с него достаточно; здесь наверняка можно найти массу других достопримечательностей, которые иностранец может обнаружить только

случайно и только избавившись от проводника и от экскурсионной группы. «Знаете что? Пойдемте завтра с нами рано утром к гельте»,— предложил я ему. Он пошел, залез с нами в камышовое укрытие, отснял на две цветные пленки все, что здесь увидел; потом мы показали ему в окрестных песках, как по следам найти рогатую гадюку,— и он был в полном восторге. Он готов был ходить с нами каждый день.

И я был доволен: для меня это был «опытный образец» туриста, и он полностью подтвердил мои предположения, на которых я потом построил концепцию проекта создания «охраняемой территории Ифри». О чем в нем говорилось? О том, чтобы сохранить жизнь в этом месте «возврата в прошлое» Сахары, помочь местным жителям да и, собственно говоря, самим туристам. Избавить птичий мир гельты от угрозы истребления и беспокойства; построить более совершенный наблюдательный пункт с крытым подходом и предложить постоянно растущему числу туристов кроме обязательных рисунков ознакомиться также с жизнью обитателей островка воды в пустыне. Жители Ифри могли бы получить источник немалых доходов как проводники и хранители территории; они могли бы организовать продажу традиционного чая и открыток с изображением птиц, населяющих гельту; со временем можно было бы устроить прокат биноклей и фотоаппаратов с телеобъективом и продажу пленок. Ради успешной торговли местные жители сами стремились бы к тому, чтобы птиц в гельте было как можно больше и чтобы они не были пугливы. В основе лежал бы тот же принцип, что и в создании процветающей гостиницы в «Обезьяньей долине» над Блидой, где начинала свое странствование наша вторая экспедиция. Добрый пример легко становится образцом для подражания, и охрана местной фауны принесла бы позднее успех и в других местностях.

Труднее всего оказалось снять ту часть фильма, где показываются типичные представители сахарского животного мира, их приспособляемость к экстремальным условиям жизни в пустыне, характерные жизненные проявления, а также опасность, которую несут деятельность человека и наступление цивилизации. Животное не скала и не растение. Оно не ждет и не желает действовать по сценарию. Животных надо не только найти, но и поймать, потом хотя бы немного привычить их переносить присутствие людей. Ценным пособием для съе-

мок оказались несколько пластин из плексигласа, воткнутые в песок,—что-то вроде импровизированного террариума и одновременно киноателье, в котором мы моделировали нужную среду из камней, песка и кустиков. Вот в такие созданные нами и огороженные (чтобы животные не сбежали) кулисы мы сажали одного или нескольких животных и упрашивали их продемонстрировать, как они роют укрытие, ловят добычу, сбрасывают шкуру и так далее. Кроме «сухого» у нас еще было «водное» ателье — кювета, на стенке которой монтировался штатив.

Лишь временами я видел работу других групп. На самом большом рабочем столе в административном здании Национального парка Тассили были размещены стеклянные чашки для проращивания семян тассилийского кипариса, собранных на территории парка в шести-стах метрах выше. Одновременно проводились эксперименты по посадке черенков. Каждый входящий в комнату прежде всего бросался к столу и нетерпеливо осматривал семена: пустили росток или нет? Ожидание было томительно, оно продолжалось уже больше месяца, а все еще ничего не проросло. Пока однажды, а точнее, на сорок четвертый день не появился первый росток, а затем постепенно и остальные. Потом мы перенесли проросшие семена в небольшую импровизированную оранжерею во дворе, защищенную от прямых солнечных лучей стенами из тростника, а от высыхания — пластиковой пленкой. Первый шаг, сделанный нами в деле охраны тассилийских кипарисов, принес удачу.

1975 год даже для Сахары был засушливым, дождь не шел и в горах. И так уже несколько лет, а теперь начали сказываться разные неприятные последствия. Экскурсии по территории Национального парка Тассили пришлось ограничить и некоторые трассы исключить из программы, поскольку на всей территории остался единственный постоянный источник воды — сефарская гельта в глубокой расщелине скалы. Все остальные источники воды высохли, и только кое-где в местах бывших гелът можно было выкопать яму и после долгого ожидания собрать медленно просачивающуюся воду. Вот и пришлось нам сократить ту часть программы, которую надо было проводить непосредственно на территории парка.

Недостаток воды (в сочетании с другими обстоятельствами) вызвал и более серьезные последствия. Гоффер

провел сравнение распространения и состояния на сегодняшний день зарослей тамариска в долине, протянувшейся от оазиса Джанет до гельты Ифри, и констатировал, что на большей части территории уничтожена половина той растительности, которая была здесь в 1972 году, то есть всего три с половиной года назад. Растительность погубило главным образом чрезмерно развившееся скотоводство и использование дерева как топлива. Директор парка Керзаби предложил провести беседу с местными жителями, которые своим безрассудным уничтожением оставшейся растительности сами себе «роют могилу». И действительно удалось собрать «митинг», и предостерегающая речь Гоффера была переведена на тамашек — язык туарегов. Его предостережения выслушали внимательно и с пониманием, но решение представленной проблемы, конечно, требует усилий административных органов. Стада домашних животных (верблюдов и коз) нельзя увеличивать неограниченно, а в период засухи их надо, наоборот, уменьшать до минимума. Вместо традиционных домашних очагов, в которых сжигается растительное топливо, нужно популяризовать газовые плитки (природного газа в Алжире избыток). Необходимо также как можно скорее найти нетрадиционные источники питания для увеличивающегося населения, если общество хочет, чтобы природные источники не иссякли совсем... Конечно, решать такие проблемы в центре Сахары сейчас трудно, но, если им вовремя не уделить должного внимания, завтра они могут оказаться уже неразрешимыми; одним из возможных путей как раз и является охрана природы и коммерческое использование ее растущим туризмом по образцу, описанному для гельты Ифри.

Главной целью экспедиции было исследование каньона Игерир, куда мы направлялись, но так и не попали из-за недостатка времени в 1973 году.

Теперь ситуация была обратной — нам пришлось исключить из программы Имигроу; для легких вездеходов (японские «тойоты») это оказалось рискованным, и вдобавок ни один водитель в Джанете эту трассу не знал. Мы с благодарностью вспоминали нашу «Татру» и нашего проводника в экспедиции 1973 года Вантити — тогда мы даже не поняли, что осуществили в принципе невозможную поездку.

Каньон Игерир — один из «притоков» Имигроу и в отличие от безлюдной Имигроу с незапамятных времен

достаточно густо заселен. То, что обозначено на карте как «оазис Игерир», в действительности представляет собой шесть селений — Эдарене, Игерир, Каден, Эджеф, Агреме и Теламил. Большинство из них, однако, вымирающие — плодородность почв уменьшается, люди покидают их, много нежилых строений. В последнее время надежду на оживление подает туризм, который, как ни удивительно, проникает даже сюда через ужасное, идущее через скалы тридцатикилометровое ответвление дороги от трассы Иллизи — Джанет. «Тойота», которая привезла сюда нашу киногруппу, выдержала только дорогу в один конец и при парковании у нашего «отеля» (пустой каменной хижины со свежим песком на полу) навсегда испустила дух. Только позднее я смог оценить должным образом это счастливое обстоятельство, которое растянуло наше пребывание здесь, рассчитанное по плану на пять дней, на десять. Водитель «ковырялся» в машине целый день, пока не сдался. Тогда я нанял проводника, двух верблюдов и отправился в тридцатикилометровый путь к главной или, лучше сказать, единственной «настоящей» тассилийской «дороге». Как мы потом убедились, нам посчастливилось — мы поймали машину до Джанета на следующее же утро. Дальше пришлось организовывать спасательную и ремонтную экспедицию, благодаря которой и произошли самые ценные открытия в Игерире.

База наша располагалась в Эджефе; здесь соединяются два небольших каньона, давая начало Игериру. Юго-западная ветвь к Кадену и Игериру короткая, плоская и широкая, в основном песчаная; юго-восточная — значительно уже, с гладким, обработанным текущими здесь потоками в период сахарских дождей скальным дном. Некоторые гельты в русле были глубокими и большими и представляли собой изолированные резервуары, соединяющиеся с другими только подземными водами; иногда между этими заводами протекал соединяющий их ручеек. Самая большая глубина оказалась в гельте Ауарит — одиннадцать метров. Температура воды на поверхности была в середине октября в полдень 28°C; в полуметре от поверхности — 21,5; на больших глубинах температура практически не отличалась от этой, суточные колебания здесь не чувствовались.

Всюду в гельтах было огромное множество рыб — усачей *Barbus biscarensis* и *Barbus deserti*. Бен договорился с местным парнем, рыбаком, чтобы он раздо-

был нам для фильма «капитальный экземпляр»; не прошло и минуты, как он получил экземпляр более полуметра в длину. Рыбы здесь, очевидно, выросли до больших размеров, чем в Имигроу.

Постепенно мы проникали во все более отдаленные уголки этого узкого, замкнутого мира. Первую, двухдневную экскурсию мы совершили в Эдарене — необыкновенно живописное селение в устье юго-восточной ветви каньона. Возможно, самой большой местной достопримечательностью были виноградники; сбор винограда давно закончился, но Бен раздобыл целый мешок изюма.

Попадались нам, само собой разумеется, и интересные представители фауны. Ярмиле удалось поймать тонкую змею более метра длиной, которая тут же ее укусила. Так как никаких последствий не было, без дальнейших исследований стало ясно, что это неядовитая змея — но больше я о ней сказать ничего не мог. Никто в наших предыдущих экспедициях змей подобного вида не встречал, и даже после возвращения домой мы не смогли ничего разузнать о ней — кроме того, что это, вероятно, полоз *Coluber*.

Достопримечательности здешней природы были сосредоточены главным образом в части каньона, лежащей между селениями Эдарене и Эджеф. Из водоплавающих птиц, летающих над гелтами, нам удалось поймать африканского лапчатонoga (*Podica senegalensis*), которого по снимку определил доктор Добрука.

В одной из боковых щелей каньона бегали «акауки». Но что означает это туарегское «акаука»? Это что-то пугливое, размером больше гунди (*Stenodactylus*), издали напоминает сурка. В наши ящички-ловушки «это» ни разу не попало. Единственная надежда была на длинный телеобъектив — и только после возвращения мы определили по фотографиям, что акауки — это дамамы *Procapra ruficeps*.

Даманы лишь на первый взгляд кажутся «обыкновенными» животными. В действительности, хоть в это и трудно поверить, эти самые маленькие копытные дальние родственники слонов.

Однако некоторые загадки здешней фауны так и остались нерешенными. Две из них касались животного мира узкой гелты — три метра шириной и километр длиной — в мини-каньончике с отвесными, в основном неприступными стенами, где в пяти метрах от края кань-

она была вода. Первая загадка явилась мне издали на один миг — по воде проплыло что-то напоминающее одновременно ондатру и выдру, потом погрузилось в воду. Все дальнейшие поиски и выслеживание из засады ни к чему не привели.

Другой фантом был хоть и невидимым, но зато отлично слышимым. Он получил временное, рабочее название «верещалка тростниковая». Звуки шли нерегулярно, но почти непрерывно из островка густого тростника на дне небольшого каньона длиной около двадцати метров, разрезавшего водную поверхность гельты на две части. «Верещалка» была где-то совсем рядом с нами, но густые высокие заросли скрывали ее. А вдруг это верещит еще один забытый «последний» сахарский крокодил? Мы залегли на краю откоса и полчаса не отрывали взгляда от этих джунглей. Звуки были все те же и шли из одного и того же места. Наконец я высмотрел в скальной стене выступы и упоры, по которым можно спуститься на самое дно; как раз только в этом месте у края оно было сухим. «Верещалка» находилась едва ли в полутора метрах от меня и продолжала весело верещать, но, как только я попробовал раздвинуть тростник, стрекот прекратился и я ничего не увидел. Пробраться сквозь эти болотные заросли без мачете оказалось невозможным. Я застыл на месте, и через минуту стрекот возобновился. Я шевельнулся — стрекот умолк. И так снова и снова, до отвращения. Из-за недостатка времени пришлось отложить разрешение загадки «верещалки тростниковой» до следующих экспедиций.

Когда мы отсняли самые необходимые, базовые, дающие общее представление кинокадры и документальные кадры, я «взял отгул», чтобы наконец удовлетворить свое непреодолимое желание отправиться вниз по каньону, туда, где в двадцати километрах сходятся каньоны Игерир, Тассет и Массине и дают начало Имигроу. В последнюю минуту ко мне решила присоединиться Ярмила.

Дорога шла от базы Эджеф вдоль предполагаемой «гельты последнего крокодила». Это была средних размеров заводь, глубиной четыре метра, тянущаяся широким тростниковым болотом и зарослями тамариска до следующего оазиса, вернее, до небольшой группы строений, называемой Агреме. Справа стекала со склона железистая минеральная вода. Здесь каньон резко менял направление с северо-восточного на западное, а затем

на северное. На повороте стояли странные развалины — остатки крепости еще со времен турецкого нашествия на Северную Африку.

Дальше каньон вел к последнему оазису — Теламил с великолепным источником ржаво-рыжей минеральной воды. Как раз в это время местные жители занимались своим излюбленным и абсолютно бесполезным и губительным для этих мест развлечением — выжиганием. Они не только избавлялись таким образом от сухой травы и засохших кустов, но и губили огнем старые пальмы. Мы удалились уже на два километра от оазиса, когда огонь разгорелся так, что каньон заполнился густым дымом и до нас долетел приносимый слабым ветром пепел с сажей. А в оазисе могучие языки пламени вздымались высоко над кронами пальм.

Эту страсть выжигания мы всеми силами стараемся искоренить и у нас, хотя последствия ее для нашей природы не столь губительны, как для Сахары. Здесь это просто самое радикальное средство создания и расширения пустыни в оставшихся островках зелени и жизни. Я уже перестал удивляться тому, что все меньше остается в Имигроу населения из-за потери плодородности возделываемых и используемых земель. Если ведение местного хозяйства находится в зависимости от таких губительных привычек, результат не может быть другим, несмотря на то что здесь по сахарским условиям на редкость много источников воды. Ограничение выжигания — бесспорно первоочередное условие охраны здешней природы.

За оазисом Теламил плоское дно каньона на протяжении нескольких километров представляло собой голые скалы. И здесь, как между Эдарене и Эджефом, вода текла по довольно маленькому каньону, местами настолько узкому, что можно было его перепрыгнуть. Но впереди вырисовывалась новая зона буйной растительности; на краю ее стояло жилище единственного здешнего обитателя. Место это называлось Азариф.

Постепенно мы проникали в великолепный дикий край. Ветвящийся водный поток и разнообразие растительности создали необыкновенные по своей прелести уголки с небольшими, невероятно чистыми хрустальными озерами и мелкими водопадами; камни в воде украшали филигранные волнистые сталагмиты. Каскады озер и образующие их плотины поросли сочной зеленью, в которой преобладали мхи. В душу мою закралось

«страшное подозрение» — не нашли ли мы Плитвичские озера⁵ в Сахаре? Действительно, плотины были из травертина⁶, и все здешнее водное великолепие появилось в наше время тем же способом, как и знаменитый каскад природных плотин в югославском Национальном парке — Плитвичские озера. Это замечательное явление природы, поскольку подобные геологические явления созданы биохимическим процессом.

Появление травертина — достаточный довод для принятия охранных мер и в богатых водой областях; а в таких исключительно засушливых местах, как Центральная Сахара, где каждый источник воды является редкостью, заслуживающей охраны, тем более должен быть окружен вниманием и заботой каждый уголок с «живым» травертином.

Пока я восторгался травертиновыми экспонатами, Ярмила приходила в восхищение от рыбок в заводях. Кроме усачей *Barbus*, которыми изобилуют все гелты, здесь были и представители семейства цихловых — даже два или три вида. Поймать удалось только тилапии вида *Tilapia nilotica* и *Tilapia zilli*, известные уже по Имигроу как самая большая ихтиологическая редкость, — местами их тут оказалось великое множество. Третий вид я смог лишь запечатлеть на фотографиях, к сожалению, по ним удалось только установить, что это какой-то совсем новый вид, который мы не встречали даже в предыдущей экспедиции в Имигроу.

Азарифский участок каньона Игерир, право же, не напоминал нам ничем, что мы в центре Сахары. Тут даже росли грибы! Я вспомнил оператора нашего фильма: сколько он истратил пленки на кадры, почти ничего не стоящие по сравнению с тем, что можно было снять здесь! Что-то надо предпринять — сегодня дальше не пойдем, быстрым шагом мы еще сегодня должны успеть вернуться на базу, хотя дойдем в темноте; но в каньоне не заблудишься. Завтра найдем пару осликов, погрузим камеру, пленку, запасы... только бы не приехала раньше времени спасательная экспедиция, которая должна отремонтировать машину и «высвободить» нас отсюда.

---

⁵ Плитвичские озера (Plitvička jezera) — каскад из 16 карстовых озер и 140 водопадов на р. Корана в Югославии (Хорватия). Национальный парк. — *Примеч. пер.*

⁶ Травертин (известковый туф) — легкая пористая горная порода, натечные скопления кальцита (CaCO₃), отлагаемые углекислыми источниками. — *Примеч. пер.*

Мы успели «тютелька в тютельку». Она приехала к нам через несколько часов после того, как мы ушли из Эджефа, где, как они думали, мы с нетерпением их ожидали. Найти нас было невозможно, но предполагалось, что не позднее вечера мы вернемся. Они нашли нас только на третий вечер, но даже их недовольные лица не могли омрачить нашей радости от того, что мы успели за это время сделать. Если что и заслуживает в Тассили охраны, так это область Азариф в каньоне Игерир, и снятый нами кинодокумент может значительно этому помочь.

Мимоходом, даже в Азарифе, где живет единственный житель, мы собрали немало доказательств уничтожения окружающей природы. Выжженные земли, покрытые обуглившимися остатками растительности, озерца, загрязненные пеплом сожженного тростника, травертиновые плотины, пробитые человеческой рукой просто так, забавы ради.

Азарифская часть каньона протянулась примерно на два километра. В заключение нашей второй рабочей экскурсии мы попытались заглянуть за «конец живого мира». Многочисленные водные потоки постепенно исчезали, уходили под землю, и только несколько заводей обозначали направление, в котором они текли. Дно каньона покрывал все утолщающийся слой наносного песка, а дальше к северу уже не было не только гелът, но и следов какой-либо растительности. По словам туарегов, воды снова выходили на поверхность в Имигроу; только в периоды сильных ливней и «паводков» обе водные системы соединялись, и то лишь на короткое время.

Вот почему популяция крокодилов была в последние столетия разделена на две изолированные группы. Европейская цивилизация, представленная воинскими гарнизонами, шла с севера, с базы Форт-Полиньяк (Иллизи). Можно предположить, что крокодилы в Имигроу исчезли раньше, чем последние могикане в Игерире, судьбу которых, вероятно, решило расположение гарнизона в Форт-Шарле (Джанет) и еще более близком Форт-Гардель (Зауаталлаз), откуда до Игерира «всего» сто километров. Сейчас здесь ситуация такая же, как и во времена упомянутого второго этапа колонизации: Джанет стал административным центром, базой для проникновения в Тассили туристов и исследователей. Игерир сегодня доступнее, чем Имигроу.

И снова я задумался о крокодилах, когда стал на-

брасывать проект создания игерирской резервации. Конечно же, я уже не надеялся найти «забытых сироток» (не примите, пожалуйста, всерьез шутку о «верещалке тростниковой» по дороге в Эдарене), но оставалась еще проблема, к которой следовало определить свое отношение: стоит ли пробовать обновить популяцию подсадкой экземпляров, привезенных из других мест?

Уничтоженную, приспособленную и, вероятно, уже измененную популяцию ничем заменить, конечно, нельзя. С точки зрения генетики это будет только замена, или, как говорят яростные противники таких экспериментов, фальсификация, генотипов. Так что же, мы можем природу только обеднять и не должны пробовать ее обновить или обогатить? Объективного риска нарушить экосистему и существующее биологическое равновесие привнесением чуждого элемента и уничтожением автохтонных видов (как было с кроличьей эпидемией в Австралии и уничтожением всех пресмыкающихся после подселения мангуст на острове Млет) — этого в случае подсадки крокодилов в Игерире не приходилось бояться. Скорее следовало опасаться, что они не приживутся в местных условиях. Однако если уж игерирская резервация должна быть создана для процветания природы и местных жителей, то в здешних условиях меры по охране природы можно проводить за счет средств, полученных от туристов, открыв для них некоторые части заповедной территории, — на дотации полагаться не приходится. А что здесь предложить туристам? Азариф — область слишком «хрупкая» (и, на счастье, отдаленная), ее, наоборот, надо объявить закрытой «зоной тишины», служащей только науке. Туристам можно «продать» вид на историческую достопримечательность — развалины турецкой крепости в Агреме, аграрный курьез — сахарские виноградники в Эдарене; своеобразные виды ландшафта и возможность увидеть — если повезет — водоплавающую птицу или пугливого дамана на экскурсионных тропах.

Игерир в культурно-историческом отношении вряд ли может соперничать с Национальным парком Тассили и его наскальными фресками, хотя и здесь они иногда попадаются на плоских стенах каньона. К тому же это еще более труднодоступная область. Прежде всего он будет привлекать любителей достопримечательностей природы, но стоило бы предложить что-либо привлекательное и для туристов с различными интересами.

Крокодил — животное эффектное, а в центре Сахары это просто диковинка. Лучше всего было бы поселить экземпляра три в относительно изолированную «гельту последнего крокодила» в непосредственной близости от Эджефа, куда легко добраться. Большую часть дня (особенно в более холодные периоды, когда туризм в Сахаре достигает своего апогея) крокодилы проводят на берегу, греясь на солнце. Если их не преследовать и не пугать, они легко привыкают к людям; а если бы служитель резервации их еще и подкармливал, можно было бы в полном смысле слова их приручить и демонстрировать туристам. Одновременно этот эксперимент по адаптации представлял бы интерес и для биологов.

Если бы крокодилы прижились, начали размножаться и чрезмерно распространяться, то разрешение отстрела или отлова их за соответствующую плату приносило бы дополнительный доход резервации. Так что доводы для подселения крокодилов найти можно, останется вопрос безопасности. Из истории первоначальной популяции случаи нападения крокодилов на человека неизвестны; крокодилы двухметровой длины (большие здесь не вырастали), видимо, не такие агрессивные. А если бы вдруг здесь появился чрезмерно крупный экземпляр, притом представляющий опасность, его легко было бы устранить в любой момент.

Последняя поездка нашей киногруппы состоялась к восточному и юго-восточному предгорью Ахаггара, самому безлюдному краю сахарского Юга. Мы хотели попробовать поискать крупных животных, особенно аддакс — антилоп (*Addax nasomaculatus*). С нами был лучший из джанетских проводников, чувство ориентации которого приводило меня в изумление, хотя я уже кое-что повидал в Сахаре. Наши поиски, можно сказать, были и напрасны, и в то же время превзошли все ожидания. Мы видели много следов не только газелей, но и антилоп, которых искали. Особой наградой были следы целого семейства гепардов — двух взрослых и трех детенышей. Найти эти следы, однако, нам удалось в местности со скальным грунтом, где сохранились лишь небольшие островки грубого скального песка, — и все попытки пойти по следу были обречены на неудачу. И со съемками антилоп было то же самое — мы даже не видели их. Единственная газель, которую мы спугнули, скрылась от киноаппарата в непроходимом лабиринте скал.

И все же поездка принесла нам более ясные представления о современном положении крупных животных. Антилопа аддак в Восточном Ахаггаре существует до сих пор, хотя на всей территории Алжира этих животных, очевидно, осталось не более десятка. Как ни удивительно, здесь пока есть гепарды. Но как долго они еще здесь будут? Даже в таком удаленном краю, куда добираться надо не менее двух суток вездеходом с какой угодно стороны (от Джанета в Тассили или от Таманрассета в Западном Ахаггаре), у одного из источников мы обнаружили добротное охотничье укрытие. У водооя как раз была многочисленная стая, а по небу кружили два гигантских хищника — против света распознать их не удалось. Однако было очевидно, что даже в центре Сахары уже нет такого места, где бы животные могли чувствовать себя в безопасности перед выстрелами браконьеров.

Возвращение в столицу Алжира прошло под знаком злополучной выставки, что была оформлена на средства министерства культуры ЧССР как дар Алжиру. Сначала в таможене аэропорта на нее наложили арест на неделю, да и потом ей везло не больше.

Но все кончилось хорошо. Наш постоянный доброжелатель господин Магиут предоставил нам возможность устроить двухнедельную выставку после окончания нашего путешествия на юг, перед возвращением в Европу. Выставка имела успех, который подтвердил, а кое в чем даже превзошел все мои ожидания. Толстая книга записей была заполнена еще до окончания выставки. В ней было много похвал, но они казались мне не столь важными, как, например, такие высказывания: «...а что, мы сами не способны позаботиться о сохранении находящихся под угрозой гибели богатств нашей природы? Не стыдно ли, что обращать наше внимание на это приходится иностранцам?» «Отлично,— думал я,— так держать!» Нам удалось «раздразнить» алжирцев; пусть разозлятся и примутся за дело сами, а мы послезавтра уже отбываем домой. Все, что необходимо сделать, за них никто сделать не может. Мы могли оценить, посоветовать, порекомендовать подходящий способ и побудить к активным действиям. Кажется, последнее удалось сделать именно выставке.

Наша программа под общим и упрощенным назва-

нием «Экспедиция Сахара» была первым успешным деловым вкладом Чехословакии в благородное дело международного сотрудничества по охране природы, и притом вкладом сразу в несколько областей. Заслуги принадлежат многим людям, не жалевшим для доброго дела ни времени, ни сил, ни средств.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сахара... В нашем воображении возникает безбрежное песчаное море, безжизненное, опаленное солнцем. Недаром слово «Сахара» восходит к древнеарабскому «ас-сахра», что означает «пустыня». Действительно, Сахара — это олицетворение всех пустынь, самая большая, поистине Великая пустыня. Однако она отнюдь не безжизненна и далеко не вся песчаная. Песчаные массивы составляют лишь пятую часть территории Сахары.

А велика ли площадь самой Сахары? Кто знает... Ведь границы этой великой пустыни по ее южной окраине столь неопределенны, столь подвижны, что разные исследователи принимают площадь Сахары от 6 до 11 миллионов квадратных километров — с диапазоном почти вдвое! Но как бы ни принять Сахару — даже в самых строгих рамках она остается Первой пустыней мира. С запада на восток Сахара простирается на 5 тысяч километров, а с севера на юг — на 2 тысячи километров. Но дело не только в размерах — Теодор Моно, выдающийся исследователь Сахары, назвал ее «наиболее прекрасной и совершенной пустыней в мире».

Сахара «держит» ряд мировых рекордов среди пустынь мира — здесь самые высокие температуры воздуха, отмеченные где-либо на Земле, — 59°C (в Алжире — Тиндуф), здесь минимальные количества осадков — в некоторых местах полный нуль в течение целого года, а то и нескольких лет, а суточные перепады температуры достигают 30°C — от полудня до полуночи! Впадина Каттара расположена на 134 метра ниже уровня моря, а потухший вулкан Эми-Кусси в нагорье Тибести вздымается на высоту 3415 м над уровнем моря.

Эрги, хамады, сериры, себхи, вади, шотты — все эти звучные слова характеризуют ландшафтное разнообразие Сахары: песчаные, каменистые и щебнистые пустыни, русла высохших рек и солончаки, которые приходится преодолевать пустившемуся в путешествие по пустыне.

Множество опасностей подстерегают человека в пустыне, но самые грозные — это безводье и изнуряющая жара. Без тени и влаги человек может погибнуть в пустыне в течение одного дня. И все же пустыня словно магнит притягивает к себе исследователей и открывает свои удивительные красоты и сокровенные тайны перед смелыми и опытными.

Сахару знали еще древние народы Средиземноморья: с востока в нее проникали египтяне, с севера — карфагеняне и финикийцы. Первые заметки о природе Сахары появляются в сочинениях Геродота в середине V века до н. э.

Во время одного из своих походов Александр Македонский проник в глубь Сахары до оазиса Сива. В оазисе Феццан еще сохрани-

лись развалины военных укреплений древних римлян, которые вели войну с карфагенянами. Следом за военными отрядами искали новые пути в Сахаре ученые-путешественники — Бальбус, Таулинус, Матернус. Матернусу первому удалось в начале 70-х годов нашей эры пересечь Сахару с севера на юг: он вышел на берега озера Чад.

Эпоха средневековья оказалась бесплодной в исследованиях Сахары; в эти века были утрачены даже сведения, собранные древними греками и римлянами. Географ д'Анвиль, составивший в XVIII веке карту мира, будучи человеком добросовестным, оставил на месте пустыни Сахары белое пятно, в то время как некоторые его современники рисовали здесь воображаемые страны.

Лишь в начале прошлого столетия оживились исследовательские экспедиции в Сахару. В первом десятилетии прошлого века во время экспедиций в глубину Сахары погибли немецкий путешественник Хорнеманн и шотландец Мунго Парк. В 1822 году трое англичан — Д. Денхем, Г. Клаппертон и У. Одни пересекли Сахару, пройдя из Триполи к озеру Чад. В 1825 году их соотечественник Г. Ланг пересек Сахару от Триполи до Томбукту, но был убит на обратном пути. Более успешным было путешествие французского исследователя Р. Келли: он переделался арабом и от Сьерра-Леоне добрался до Томбукту, а далее до Марокко. Ему принадлежит первое подробное описание Томбукту.

Большую книгу о своем путешествии написал Г. Барт, исследовавший в 1850—1855 годах области между Томбукту и озером Чад. Немного позже, в 1859—1861 годах, А. Дюверье во время путешествий от Гата до Музурука сумел найти общий язык с племенами туарегов, и они разрешили ему жить в их палатках и наблюдать их жизнь, обычаи и обряды.

Немало путешественников второй половины прошлого века нашли смерть в Сахаре — Э. Юбер и Р. Дурно-Дюпер в 1874 году, Э. Бари в 1877-м, П. Флаттерс в 1881-м.

На рубеже прошлого и настоящего веков была организована комплексная французская экспедиция по изучению Сахары.

В 1928 году вышла в свет книга Э. Готье, подытожившая все известные к тому времени сведения о природе Сахары. В этот период развернулись экспедиционные исследования с геодезической и геологической съемкой, были стерты последние белые пятна с карты Сахары. В Западной Сахаре работали исследовательские группы под руководством известных ученых А. Лота, Р. Капот-Рея, Т. Моно.

Пожалуй, лишь на плато Тассили еще не ступала нога европейца. И вот в 1935 году туда проник француз Бренан с группой спутников. Они обнаружили на скалах удивительные картины: изображения животных, людей, бытовых и охотничьих сцен. Поразило всех то, что здесь были изображены обитатели саванн — жирафы и слоны, носороги и бегемоты, львы и длинноногие буйволы. Это было наглядным свидетельством того, что Сахара «на глазах человека» из саванны с реками и озерами превратилась в безводную пустыню. Остается ответить на вопрос: был ли этот процесс естественным или он вызван влиянием хозяйственной деятельности человека? К сожалению, приходится ответить на этот вопрос так: опустынивание Сахары вызвано длительным периодом развития скотоводства на ее просторах. Свидетельство тому документальное — поздние фрески Тассили с множеством стад домашнего скота. Люди сделали Сахару непригодной для жизни и вынуждены были уйти из нее. Остались лишь караваны, пересекающие просторы пустыни от оазиса к оазису.

Караваны верблюдов — это символ Сахары. Жизнь кочевника невозможно представить себе без верблюда, этого корабля пустыни. Он может по несколько дней обходиться без воды, довольствуясь только растительностью, а после долгого перехода по раскаленным пескам способен выпить сразу шесть ведер воды. Парадоксально, что верблюд — сравнительно недавний пришелец — появился здесь уже в одомашненном состоянии в VI веке до нашей эры. Его привели кочевники из Аравии. На фресках Тассили среди животных пра-Сахары верблюда не увидишь. Так что верблюд — отнюдь не африканское животное. Дикая двугорбый верблюд сохранился в Заалтайской Гоби, а одогорбый верблюд не имеет дикого предка, — очевидно, эта порода, приспособленная к жизни в тропических пустынях Аравии, а затем и Африки, была выведена человеком из уже одомашненного двугорбого верблюда.

Бренан неоднократно возвращался впоследствии к открытым им фрескам, зарисовывал их, но полное, комплексное научное исследование их провел Анри Лот с большой группой ученых и художников. По определению ученых, возраст фресок Тассили — от 5 тысяч лет до н. э. до эпохи Рима.

Так стало доподлинно известно, что Сахару превратил в пустыню человек. И вслед за этим была осознана необходимость охраны природы Сахары, сохранения того хрупкого экологического равновесия, которое еще поддерживает природные процессы даже после тысячелетий вмешательства человека.

Однако если признать, что Сахара как пустыня есть создание рук человеческих, то встает вопрос: а стоит ли принимать меры по охране пустынных экосистем? Ведь если эти экосистемы антропогенные, то и ценности эталонов природы они не имеют?

Ответ на этот вопрос может быть лишь один: охранять экосистемы пустыни Сахары необходимо. Дело в том, что природные пустынные экосистемы существовали и до вмешательства человека, однако их распространение не было столь широким, как ныне. Свидетельством того, что эти экосистемы имеют исторически длительный период существования, является приспособленность растений и животных к аридным условиям, наличие эндемичных видов, тонко адаптированных к дефициту влаги, избытку инсоляции, сыпучему или каменистому субстрату.

Биоценозы пустынных экосистем Сахары значительно беднее, чем подобные сообщества пустынь Соноры, Каракумов или австралийских. Можно предположить, что ядра этих биоценозов до появления человека в Сахаре располагались на ограниченных территориях в наиболее засушливых, климатически обусловленных районах Центральной и Восточной Сахары или происходят из древних очагов аридности в Аравии.

Во флоре Сахары известно немногим более 1200 видов растений, из них более 300 — виды-эндемики, не встречающиеся более нигде. Около 30 родов растений из семейств крестоцветных, маревых и сложноцветных также эндемичны для Сахары. Гаковы роды нукулярия и фредолия, мурикария, зилла и лонхофора. А в роде зигофиллум (парнолистник) на территории Сахары обнаружен целый ряд эндемичных видов.

Есть места в Сахаре, где флора особенно бедна. Так, в области Фецдан на юго-западе Ливии произрастает лишь десять видов растений, а по югу Ливийской пустыни можно проехать сотни километров, не обнаружив ни одного растения.

Однако имеются в Центральной Сахаре и области с довольно

богатой флорой. Это пустынные нагорья Тибести и Ахаггар. В них обнаружено около 400 видов растений, а на их склонах выделяются высотные пояса растительности. Здесь сохранились реликтовые виды — свидетели былых эпох с более влажным климатом: фикус иволистный, папоротник венерин волос. На плато Тассилин-Адджер еще можно найти отдельные экземпляры средиземноморского кипариса, возраст которых достигает четырех тысяч лет, и небольшие группы оливковых деревьев.

Из экологических групп растений в Сахаре преобладают эфемеры, появляющиеся на короткое время после редких дождей. Немало также многолетних ксерофитов, достигающих своей мощной корневой системой глубоких влажных горизонтов подпочвы. Суккулентов в Сахаре мало — лишь по западной окраине этой пустыни можно увидеть молочай.

На плотных суглинистых почвах равнин развиваются злаково-кустарниковые сообщества. В разреженном травянистом ярусе преобладают различные виды аристиды, а также паникум — дикий родич домашнего проса.

В древесно-кустарниковом ярусе произрастают саксаулы и акации, а под ними — мелкие кустарники корнулака, рандония, белый парнолистник. Листья на этих кустарниках появляются лишь на короткий период, а затем опадают, и фотосинтез идет в утолщенных черешках и концевых веточках.

На севере Сахары обычно можно увидеть небольшое дерево ююба, или унаби. Плоды его крупны, сочны и вполне съедобны.

На песчаных массивах — эргах, или арагах, — изредка попадаются злаки аристида и дантония. Кустарники песчаных морей Сахары укрепляются на подвижном субстрате с помощью разветвленной корневой системы. Это каллигонум, или джужун, тамариск, эфедра и сахарский дрок.

На щебнистых грунтах регов, или сериров, встречаются лишь отдельные экземпляры растений. Приземистые, подушковидные кустарники фредолия проникают своими корнями сквозь плотный грунт и используют влагу на глубинах более метра.

Во впадине Каттара на засоленных почвах шоттов образуется соляная корка, и здесь могут выживать только ярко выраженные галофиты — сарсазан, солерос и сведа.

Если же на ровную поверхность шотта наметет небольшой слой песка, на нем сразу поселяется парнолистник или верблюжья колючка, и вокруг них образуется миниатюрный барханчик.

В приатлантической Сахаре можно увидеть своеобразные растительные сообщества из крупных суккулентов — кактусовидных молочаев.

По сухим руслам — вади, — заполняющимся водой только после редких дождей, растительность заметно богаче. Причем эрозионная сеть в Сахаре более развита, чем можно было бы ожидать при том количестве осадков, которое выпадает здесь сейчас. Это еще одно свидетельство того, что в прошлые геологические периоды климат Сахары был более влажным. В руслах вади растут акации, тамариск, эфедра. Здесь можно сорвать плоды с небольшого дерева — баланитеса египетского; ветви его колючи, зато плоды вполне съедобны и называются «египетские финики».

Повсюду в пустыне, между барханами, среди щебня и камней, внимательно присмотревшись, можно увидеть крошечные комочки причудливой формы, которые при малейшем дуновении ветерка начинают катиться по поверхности. На вид они совсем сухие и без-

жизненные, но как только на них попадают капли дождя, эти комочки набухают и, напитавшись влагой, начинают прорастать. Оказывается, это лишайник — леканора съедобная, или пустынная манна. Даже в самой, казалось бы, безжизненной пустыне можно утолить голод, собрав горсть этой «манны» и размочив ее в воде.

Там, где в пустыне имеются постоянные выходы подземных вод, артезианские источники или реки, вокруг них формируются островки зелени и жизни — оазисы. Несомненно, что и до появления человека в Сахаре оазисы существовали, но теперь можно лишь гадать, какие естественные растительные сообщества формировались в них. Теперь наиболее характерное дерево сахарских оазисов — финиковая пальма. Плоды этой пальмы найдены в гробницах египетских фараонов; она возделывалась человеком еще в IV тысячелетии до нашей эры.

Финиковая пальма дает человеку и вкусные плоды, и древесину, и листву для покрытия крыш и плетения всевозможных изделий. Но, пожалуй, самое главное, что дает пальма, — это тень: ведь в тени пальм сохраняются источники воды, там можно выращивать многие культуры, которые погибли бы под открытым солнцем, и здесь находит спасение и отдых измученный жарой и палящим солнцем путник.

Фауна Сахары, так же как и флора, сравнительно бедна — в пределах этой пустыни распространено примерно 70 видов млекопитающих, 80 видов гнездящихся птиц, 100 видов пресмыкающихся, 10 видов земноводных, 80 видов муравьев, 300 видов жуков-чернотелок, 120 видов прямокрылых. Видовой эндемизм в среднем по всем группам животных составляет около 40 процентов. Из общего числа видов животных Сахары — примерно четыре тысячи — лишь около 500 видов глубоко приспособлены к обитанию в пустыне, остальные же связаны с более или менее увлажненными местами обитания или оазисами.

Хорошо приспособлены к обитанию в пустынях разнообразные грызуны — песчанки, иглистые мыши, тушканчики, гунди. Гунди — это зверьки длиной до 25 см, с коротким хвостом, покрытые мягкой, пушистой шерстью. Живут они в скалах, среди камней. Они греются на камнях, ловя утренние лучи солнца.

Песчанки живут колониями, роют глубокие норы, часто это целые подземные городки с ходами сообщения между ними. Песчанки размножаются очень быстро — в году у них бывает по два-три выводка, в каждом по шесть-восемь детенышей.

Помимо самых обычных — краснохвостых песчанок в Сахаре обитают своеобразные жирнохвостые песчанки; у них в коротком толстом хвосте откладываются жировые запасы, используемые в период засухи и бескормицы. Самая крошечная песчанка — монодия, населяющая Эль-Джуф, длиной всего 5,5 см, с хвостом — до 8 см.

Египетский тушканчик, широко распространенный в Сахаре, имеет длину до 15 см да еще хвост с кисточкой до 25 см. На задних лапах у него по три пальца и щетки из длинных жестких волос. Такие щетки позволяют тушканчику легко прыгать по сыпучему песчаному субстрату.

Из крупных копытных в Сахаре сохранились еще несколько видов антилоп. Самая крупная из них — антилопа орикс, длиной более 2 м, высотой в холке до полутора метров, весом более 100 кг. Острые длинные рога слегка загнуты назад. Ориксы не привязаны к водопоям, могут подолгу кочевать в пустыне, довольствуясь влагой, получаемой из зеленых растительных кормов. Немного уступает

по размерам ориксу антилопа аддакс, с большими и острыми лирообразно изогнутыми рогами. Аддаксы населяют все типы пустынь — от востока до запада Сахары, но всюду стали редкими из-за преследования человеком, впрочем, как и все другие антилопы. В различных районах Сахары можно встретить еще небольшие стада мелких антилоп — обыкновенной газели, песчаной газели и газели доркас. По южной окраине Сахары обитает более крупная газель — дама.

В нагорьях Тибести, Ахаггар, Аир, Эннеди живет гривистый баран, ростом до метра, с характерной шейной гривой, свисающей у самцов почти до земли. Гривистые бараны — обитатели скал, обрывов, ущелий, каменистых склонов. Они ловко лазают по крутым скалам, кормятся травой, ветками и листвой кустарников.

Среди хищных зверей наиболее приспособлен к жизни в пустыне фенек — миниатюрная лисица, столь любовно описанная автором книги. При длине тела около 40 см фенек имеет уши длиной до 15 см. Живет фенек в песчаных пустынях, где роет норы, в которых прячется днем. Ночью он охотится на грызунов, ящериц, птиц, насекомых, поедает также и сочные растительные корма. Если застать фенека врасплох вдали от норы, он может быстро зарыться в песок.

Из птиц заслуживают особого упоминания рябки — быстрокрылые, похожие в полете на голубей. Рябки кладут три яйца в небольшую лунку или просто на землю. Почва около гнезда накаляется днем до 70 градусов и более, и родителям приходится по очереди непрерывно сидеть на гнезде, защищая кладку своим телом от перегрева. Рябки поочередно летают к источнику, порой за десятки километров, и приносят влагу в оперении груди и брюшка. Этой влагой они охлаждают кладку, а позже и поят вылупившихся птенцов. Оперение у рябков обладает повышенной способностью к водонасыщению. Одна птица может вернуть в оперение до 40 мг воды, и даже после 30 км полета у нее в оперении остается еще около 10 мг.

Разнообразны пустынные ящерицы, многие из них упомянуты автором и описаны их ловля и содержание в неволе. Это и «песчаные рыбы» — аптечный сцинк и африканский хальцид, легко «плавающие» в песке, и крупные вараны и шипохвосты, и мелкие изящные ящурки и гребнепалые ящерицы. Тщательные поиски позволяют обнаружить в Сахаре и ядовитых змей — песчаную эфу и рогатую гадюку, гюрзу и египетскую кобру.

Крокодилов Сахары, живущих в нагорьях Ахаггар, Тибести и Эннеди, истребили на нашем веку, и нельзя допустить, чтобы подобная судьба постигла и других замечательных обитателей пустыни Сахары, поэтому так жизненно необходимы срочные меры по охране природных экосистем этой великой пустыни, меры, предлагаемые автором книги и многими другими исследователями.

Острейшая необходимость резко изменить привычное отношение к природе пустыни диктуется прежде всего тем, что технический прогресс XX века породил такие формы и такие темпы и уровни воздействия, о которых не могли и думать кочевники, скотоводы и древние охотники. Ни для кого не секрет, что освоение нефтяного месторождения полностью разрушает природу на десятках и сотнях квадратных километров вокруг. Поэтому так неотложны меры по охране природы Сахары. Их разрабатывают ученые стран Северной Африки, им помогают такие международные организации, как Международный союз охраны природы и природных ресурсов, им оказывают помощь и ученые различных стран.

В этой книге — живое и красочное описание многолетней иссле-

довательской работы, самоотверженной борьбы за природу Сахары, которую вели чехословацкие ученые. Автор убедительно обосновывает свою творческую и человеческую позицию — он считает своим долгом ученого и гражданина помочь развивающейся стране в сохранении ее уникального природного наследия. Это и фрески Тасилин-Аджер, это и живописные скалы в пустыне, это и удивительные обитатели барханов и каменистых россыпей — газели, фенеки, шипохвосты. Сейчас оказалось уже поздно спасти сахарских крокодилов, живших в пустынных водоемах еще несколько десятилетий назад. Теперь нам не узнать, насколько они отличались от типичных нильских крокодилов после многовекового изолированного существования в пустыне.

Тем важнее сейчас поддерживать таких исследователей, таких энтузиастов охраны природы, как автор книги и его друзья, дать им возможность в полную силу работать на благо охраны природы, на благо человечества. Пожелаем же им новых дорог, новых открытий, новых славных дел и будем ждать от них новых, таких же прекрасных книг.

Н. Н. Дроздов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию	3
Глава I. Довольно безумная идея	5
Глава II. Желтый источник	9
Глава III. Среди тагитских львов	21
Глава IV. Большой юг	25
Глава V. Чертики с мягкими рожками	45
Глава VI. Наскальная живопись в Тассили	58
Глава VII. «Следы на песке»	73
Глава VIII. «Гафинек»	76
Глава IX. Информация о крокодилах	85
Глава X. Как я не нашел крокодила	101
Глава XI. Удалось сделать доброе дело	115
<i>Н. Н. Дроздов.</i> Послесловие	137

Иржи Галеш

САХАРА — НЕ ТОЛЬКО ПЕСОК

Утверждено к печати Редакцией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор *Л. З. Шварц*. Младший редактор *Г. А. Аристова*. Художник *Э. Л. Эрман*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *В. П. Стуковнина*. Корректор *В. И. Мартынюк*

ИБ № 15535

Сдано в набор 18.10.85. Подписано к печати 30.01.86. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 7,56+0,84 вкладки на мелованной бумаге. Усл. кр.-отг. 11,45. Уч.-изд. л. 9,01. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5975. Зак. № 859. Цена 75 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы. 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе 28

